

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.1

СТРУКТУРАЛИЗМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Д.А. Аникин

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: dandee@list.ru

С появлением структуралистской и постструктуралистской версий философии истории (обнаруживаемых, в частности, в истории ментальностей) впервые был осуществлен разрыв с существовавшей столетиями старой эссенциалистской традицией. В рамках постструктуралистского взгляда на историю целью больше не является интеграция, синтез исторического и вся тотальность истории, но в центр внимания попадают именно исторические ответвления, тупики истории.

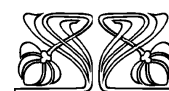
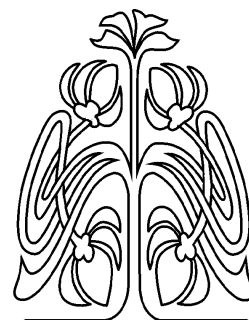
Structuralism and Poststructuralism in the Philosophy of History

D.A. Anikin

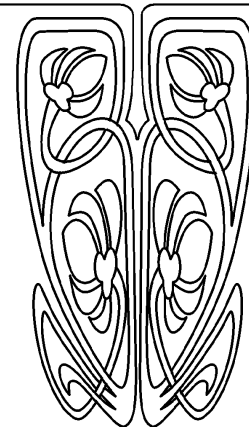
With the structuralizes and poststructuralists philosophy of history found in particular in the history of mentalities, a break is made for the first time with centuries-old essentialist tradition. Within the poststructuralist view of history, the goal is no longer integration, synthesis, and totality, but it is those historical scraps which are the center of attention.

Если понимать под структурой термин, определяющий целое, части этого целого и отношения между частями, то необходимо признать, что понятие структуры было известно еще античной философии. Например, Аристотель использовал понятие формы, которое по своим сущностным характеристикам очень схоже с понятием структуры. Форма у Аристотеля характеризуется тремя основными чертами: морфе (morfe), эйдос (eidos) и усия (ousia)¹. Морфе – внешняя, физическая форма объекта; усия – «сущность» объекта, совокупность его сущностных характеристик, которая создается соединением материальной основы объекта с одухотворяющей ее идеей (эйдосом). Эйдос – самая противоречивая часть формы, потому что Аристотель не помещает его вовне предмета, как Платон, а называет эйдосом интеллектуальную структуру предмета, его умопостижимую модель². Сложность в понимании эйдоса парадоксальным способом предопределила неустранимую двойственность самого структуралистского подхода, в котором понятие структуры оказалось применимым как к самому предмету исследования, так и к его модели, воссоздаваемой в своем сознании познающим субъектом.

Начало формирования собственно структуралистской методологии датируется выходом в свет в 1913 г. «Курса общей лингвистики» швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, в котором содержатся две интенции, фундаментальные для последующего развития этого метода. Во-первых, рассматривая язык как упорядоченную от простейших до сложных уровней систему знаков, Соссюр полагает источник его способности обозначать и выражать

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нечто только во взаимосвязи каждого элемента с другими, включенности элементов в определенную систему отношений. Тем самым была намечена резкая антитеза как позитивистскому атомизму, пытающемуся выделить «конкретные языковые сущности», элементарные единицы значения, из которых складывается язык, так и эволюционной лингвистике, игнорирующей синхронический аспект изучения языка в пользу диахронического. Во-вторых, Соссюром было выдвинуто стратегически важное положение об отсутствии субстанции языка: даже на уровне простых звуков мы сталкиваемся не с частицей «материи» языка, а с парами взаимоотрицающих элементов, деструктивными фонемами, чистым, без носителя, различием (позже у К. Леви-Стросса, в более широком смысле, различие будет выявляться в форме бинарных оппозиций). Интересно, что сам Соссюр практически не употреблял термин «структура», который стал так популярен у его последователей, предпочитая использовать термин «система»: «Язык – это система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной взаимосвязи»³.

На первом этапе своего существования структурализм существовал исключительно в качестве метода лингвистического анализа – именно в этом качестве можно считать структуралистом В.Я. Проппа, который рассмотрел в своих работах структуру волшебной сказки и героического эпоса⁴. Несколько позднее, в 60-х гг. XX в., именно структурализм выступил в качестве методологического основания «новой критики», объединившей под своим знаменем представителей различных направлений гуманитарного знания – от феноменологов до неофрейдистов. Структурализм в анализе текста позволил освободить литературную критику сразу от трех господствующих в ней направлений, дискредитировавших свою возможность интерпретации литературного произведения. Речь идет о романтическом психологизме Сент-Бёва, отождествлявшим смысл произведения с творческим замыслом автора; интуитивизме А. Бергсона и В. Дильтея, предлагавшем индивидуальное «вчувствование» в текст, пропускание его через собственные ощущения и воспоминания; и, наконец, позитивизме, доказавшем свою неспособность к восприятию модернистских произведений еще в начале XX в.

Примерно в это же время структурализм, уже претендующий на звание ведущего интеллектуального течения не только во Франции, но и во всей Европе, постепенно начал терять свое методологическое единство, что проявилось в появлении «жесткого» и «умеренного» течений. Представители «жесткого» структурализма (к которым относился и К. Леви-Стросс) стремились под эмпирической оболочкой феноменов культуры выявить лингвистический («структурный») характер этих феноменов, формализовать многообразие культурных составляющих для выделения общих принципов организации и функционирования. Убежденность в онтологическом существовании структур и стремление подвести под определенные принципы структурной организации любой феномен делали именно это течение в структурализме наиболее рационалистичным и даже позитивистским по своим познавательным установкам. По словам Г.К. Косикова, различие между «жестким» вариантом структурализма и классическим позитивизмом состояло в смене каузального детерминизма детерминизмом имманентным, но оттого не менее жестким⁵. «Умеренный» структурализм, представленный Ж. Женеттом и Ц. Годоровым, оказался, с одной стороны, более восприимчив к междисциплинарным влияниям (начиная от русской «формальной» школы и заканчивая немецкой «морфологией культуры»), а с другой – сосредоточен на анализе структуры текста, а не на выявлении аналогичных структур за пределами литературного произведения.

Дальнейшая история структуралистского подхода связана с постепенным расширением сферы его применения на область социального – и здесь необходимо обратить внимание на значимую для всей европейской философской мысли фигуру Клода Леви-Стросса.

Выдающийся французский этнограф и социальный антрополог Клод Леви-Стросс стал не просто одним из самых знаменитых представителей структуралистского течения в гуманитарных науках, но и, пожалуй, единственным, кто продолжал отстаивать догматы структурализма даже в то время, когда его последователи (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) провозгласили наступление постструктура-

листской эры. Впрочем, сам Леви-Стросс и не причислял последних к «аутентичному» структурализму, замысел которого, по Леви-Строссу, состоял в переносе конкретно-научного метода структурной лингвистики на обширное поле культурологии в целях достижения в ней строгости и объективности по типу естественных наук⁶. Тем самым снималась бы ключевая для всего гуманитарного познания дилемма выбора метода исследования, поставленная еще в начале XX в. Генрихом Риккертом. Специфика французского варианта структурализма состояла в том, что он возник в качестве реакции на методологическое отставание гуманитарных наук и имел целью их модернизацию – перевод с эмпирико-описательного на теоретический уровень. Вместе с тем структуралистский подход с самого начала стремился избавить гуманитарные науки как от засилья естественно-научного каузализма, так и от умозрительных философских построений, которыми злоупотребляли последователи неокантианства и феноменологии⁷. Структуралистский метод, с равной вероятностью применимый как для естественно-научных изысканий, так и для гуманитарных исследований, позволял уравнивать эти области научных исследований путем внедрения единой методологии. Французский исследователь пытается выполнить эту задачу на материале этнографии, формализуя в терминах бинарной оппозиции и теории коммуникации системы родства примитивных народов, ритуалы, мифы и т.д. В своих работах он окончательно переносит структуралистский метод в онтологическую сферу, избегая тем самым непроясненности лакановского понятия структуры, но лишая свой анализ динамизма и историзма. Историзм, на протяжении всего XIX столетия господствующий в гуманитарных исследованиях, в структуралистском подходе изгоняется на обочину научных интересов, а в концепции К. Леви-Стросса вообще исключается из рассмотрения, как в отношении субъекта, так и в отношении объекта исследования.

Для того чтобы разобраться, почему структурализм, доведенный до своего логического предела в трудах К. Леви-Стросса, оказался не только невосприимчив к идее истории, но и практически исключил само понятие исторического развития из сферы сво-

его анализа, необходимо выделить ключевые признаки структуралистского подхода. В качестве общефилософских оснований структуралистского исследования Г.К. Косиков выделяет два ключевых принципа, из которых выводятся все второстепенные черты, характеризующие структурализм в качестве метода филологического и культурологического анализа:

- 1) принцип структурного объяснения;
- 2) безличный, бессознательный характер структуры⁸.

Принцип структурного объяснения.

Выделение этого принципа в качестве основополагающего требует некоторого углубления в тот диалог относительно методов познания, который разворачивался между неопозитивистскими и неокантианскими философскими течениями на протяжении первой половины XX в. Если позитивизм стремился объяснить текст, используя номологический порядок причинности, т.е. стремясь подчинить любой уникальный случай некоему всеобщему закону, подвести индивидуальность под закономерность, то неокантианцы разработали в качестве фундаментальной оппозиции научному *объяснению* герменевтическое *понимание*. Отрицая наличие универсальных смыслов, которые с помощью естественно-научной методологии могли быть извлечены из исследуемого произведения, противники позитивизма делали упор на индивидуальное восприятие текста, возможность пропускания его через собственные переживания. Как уже говорилось выше, структурализм по своим познавательным установкам стремился к номологическому исследованию, стремился исключить из сферы своего анализа случайность и предвзятость, которыми страдала «понимающая» герменевтика В. Дильтея. Но закономерности, устанавливаемые структуралистским анализом, нельзя отождествить с позитивистскими закономерностями, и принципиальным моментом здесь является различие в понимании дихотомии части/целого. Источником позитивистского анализа всегда была опора на факт, который в специфических условиях того объекта исследования, каковым выступал литературный текст, мог распространяться на различные области действительности – от особенностей индивидуальной психологии автора до соци-

ально-экономических условий и предпосылок создания произведения. Продуктом позитивистского анализа в этом случае являлось создание упорядоченного континуума разнообразных фактов, приведенных в единую систему, которая должна была быть «непротиворечивой» и «объективной». Текст служил лишь «поводом» собрания фактов, каждый из которых, во-первых, имел внешнее по отношению к самому тексту происхождение, а во-вторых, являлся необязательным для текста, важным с точки зрения исследователя, а не самого произведения.

Структурализм ограничил область исследования самим произведением (позже этот пункт будет переосмыслен в постструктурализме), что автоматически сделало необходимым понимание под фактами лишь элементов произведения – действующих лиц, ситуаций, функций, сюжетных ходов и т.д. Эти элементы всегда присутствуют в произведении, но вопрос их выделения является результатом выстраивания структуры текста. Структура есть «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами»⁹. Факт (элемент) имеет место лишь в воссозданной структуре текста, он не существует до возникновения структуры, его границы и характеристика определяются внутренними законами структуры, соответственно оказывается действенным принцип системности, согласно которому «знание о целом не сводится к знанию о составляющих это целое частях».

Бессознательный характер структуры.

Классический западноевропейский рационализм базировался на декартовском принципе «*cogito ergo sum*», из которого вытекало два важных вывода: во-первых, сфера человеческого сознания сводилась исключительно к ее рациональной части (разуму), а во-вторых, возможность объективного познания мира объяснялась рациональным устройством самого мироздания. Познающий субъект в этом случае отождествлялся не с конкретным эмпирическим человеком, а с трансцендентальным «эго», которое и служило априорной возможностью получения истинного знания. Неклассическая парадигма философствования подвергла критике это положение,

опровергнув допущение о тождественности мира познающему сознанию и выдвинув на первый план бессознательный пласт человеческого сознания. Конечно, приоритет в разработке тематики бессознательного следует отдать З. Фрейду, но структурализм, подчеркивая бессознательный характер выделяемых структур, выдвинул положение о структурированности бессознательного. Бессознательное структурировано, но наличие в нем некоей упорядоченности не осознается его носителями, подобно тому, как человек может спокойно разговаривать на родном языке, даже не задумываясь о его фонологической или грамматической упорядоченности.

Жак Лакан, будучи последователем психоаналитического течения, пытался встроить структуралистский анализ в исследование бессознательного, что привело его к неожиданным, но ценным результатам. Рассматривая человеческое поведение через призму универсальной дихотомии означаемого/означающего, Лакан приходит к выводу, что представление о том, что человек управляет своими высказываниями, является всего лишь иллюзией. Язык, представляющий собой «цепочку означающих», предстает орудием символического насилия над человеческим бессознательным. Структура языка навязывает бессознательному ту форму, которую оно принимает, – именно эту мысль Лакан выражает в знаменитом афоризме «Бессознательное структурировано как язык»¹⁰. Структура (имеется в виду структура языка) имеет у Лакана одновременно эпистемологический и онтологический характер, поскольку навязывает человеку форму выражения себя по отношению к миру и форму воссоздания мира с помощью языковых средств, которые и представляют собой единственную форму реальности, доступную познанию¹¹.

К. Леви-Стросс сумел придать структурализму окончательную теоретическую завершенность, предельно четко выразив в своих работах сильные и слабые стороны структурализма в качестве методологии исследования социальной реальности. Структурный характер объяснения выражается в социально-философском исследовании в виде выделения устойчивых общественных

структур, сохраняющих свое значение для обеспечения нормального функционирования социальных институтов при любом типе общественного устройства.

Для выделения подобных устойчивых структур различные типы обществ (или различные стадии одного и того же общества) подвергаются сравнению с целью уяснения тех элементов, которые в необходимом соприкосновении друг с другом придают обществу желаемую устойчивость. Казалось бы, выбор в качестве объекта исследования стадий развития определенного общества обеспечивает исследованию историческую направленность, но такое впечатление оказывается поверхностным. Дело в том, что сам момент историчности в структуралистском исследовании отсутствует, поскольку сравнению подвергаются различные состояния системы, вне зависимости от их хронологической расположенности. Исследователя интересует не последовательная смена социальных институтов или изменение отдельными элементами социальной структуры своих функций в рамках единого целого, но наличие в обществе устойчивой совокупности взаимосвязанных элементов, которая (даже при взаимозаменяемости самих элементов) продолжает оставаться неизменной вне зависимости от той стадии развития, на которой находится общество. Бессознательный характер структуры проявляется в ее неосознанности индивидом. Леви-Стросс предлагает в связи с этим пунктом различать социальные отношения, характер которых определяется как раз индивидом, и социальную структуру, которая может быть выделена лишь при непредвзятом и объективном исследовании общества¹².

Структура пронизывает все типы обществ и при отсутствии субстанциального носителя представляет собой единственный принцип сходства, позволяющий исследователю выводить из конкретных эмпирических форм идеальную пра-форму. Кроме того, Леви-Стросс осуществляет перенос понятия структуры из сферы методологической в сферу онтологическую: исследователь не использует структурную модель с целью упрощения многообразного объекта исследования, а выявляет ту структуру, которая изна-

чально присуща языку, мифу, ритуалу, системам родства и другим фрагментам социальной действительности.

Признание онтологического статуса структур в различных областях человеческой деятельности требует выявления принципа эквивалентности между этими структурами. Структура превращается в **мета-структуру** или, выражаясь словами самого Леви-Стросса, в «удел всякой умственной жизни всех людей во все времена». Структура наличествует в любом виде деятельности, не будучи обусловленной конкретными историческими или социальными условиями формирования этого вида деятельности, поскольку присутствие такой обусловленности делало бы ее производной от конкретной формы исторического развития или сферы человеческой деятельности, что логически противоречит самому определению структуры. Иначе говоря, структура, приобретая универсальный характер, становится метаисторической и метасоциальной, поскольку служит проявлением идеального в эмпирическом, вечного и неизменного – в временном и преходящем¹³. В свете этого положения искусственным и непоследовательным выглядит введенное Леви-Строссом выделение «холодного» (неисторического) и «горячего» (исторического) типов общества¹⁴. Вне зависимости от наличия идеи истории в рамках самого общества структурный анализ все равно обращает внимание на безличную и универсальную структуру, фиксируя параметры устойчивого положения системы.

Подводя итоги возможностям применения структуралистского метода в социальной философии и философии истории, следует указать на тот эвристический потенциал, который принесло его использование в конкретных исследованиях. Положительной стороной структурализма выступило уяснение взаимосвязи различных элементов общественного устройства, а также создание методологии сравнительного анализа различных типов общественного устройства на основании не внешних, случайных феноменов, а глубинных структурных характеристик. Вместе с тем изначально присущая структурному исследованию статичность не была устранена, что привело к односторонней и гипертрофированной картине социальной реальности.

Постструктурализм как литературно-критическое и философское направление сложился в русле структуралистских принципов, сделав своей целью избежание слабых сторон классического структурализма, которые выявились в процессе применения этой методологии на всем обширном поле гуманитарных и социальных дисциплин. Предтечей постструктурализма можно назвать французского философа и эпистемолога науки Гастона Башляра, который сумел продемонстрировать в своих работах (на примере общенаучного материала – с многочисленными аналогиями из физики и других естественных дисциплин) значимость происходящих в философии науки изменений, связанных с проникновением в гуманитарное поле идеи дискретности¹⁵.

Согласно У. Эко, слабость начального этапа структурализма заключалась в неразличении реальных объектов и идеальных моделей, иначе говоря, понятие структуры с равным успехом могло воссоздавать как внутреннюю логику какого-либо предмета или явления, так и логику его исследования¹⁶. Иначе говоря, выделяя в предмете исследования (будь то миф или социальная группа) определенную структуру, поступаем ли мы так, потому что эта структура имманентно присуща этому предмету, или потому что структурированная модель облегчает наше восприятие этого предмета, а все выявленные взаимосвязи существуют лишь в сознании, в то время как сам способ их существования обусловлен целями нашего познания.

В этом пункте проявилась, по мнению исследователей уже постструктуралистского толка, неспособность структурализма в полной степени избавиться от метафизичности классической философской традиции. Как ни странно, но даже в своих программных заявлениях о «смерти человека» и «конце истории» структурализм оставался продолжателем онтологизма всей предшествующей философии. Проявлениями этой зависимости или, точнее выражаясь, преемственности, стали следующие характеристики структурализма, подвергшиеся критике со стороны М. Фуко и Ж. Деррида: централизация, статичность и замкнутость текста. Оптимальным вариантом выявления различий между

структуралистской и постструктуралистской методологиями является рассмотрение их ключевых принципов в виде фундаментальных оппозиций:

1. Централизация – децентрализация.

Сама идея структурности с неизбежностью предполагает веру в наличие в этой структуре центра, каковым может выступать не столько определенный объект, сколько сам принцип структурирования (иначе говоря, в качестве центра может выступать и телеологическая идея, обуславливающая само существование структуры). Этот принцип был заимствован структуралистским подходом из классической философской традиции, в которой неперенным условием исследования является сведение всего многообразия явлений к одному упорядочивающему началу (редукционизм). Даже Гегель не сумел избежать следования этой универсальной метафизической предпосылке, поскольку его диалектическое «снятие», знаменующее собой процесс смены одной формы существования другой, является монистичным по сути: всякое «иное» продуцируется все тем же Мировым Духом, не оставляющим за своими пределами ничего, в том числе и различие.

В своих работах Ж. Деррида подвергает критике принцип обязательной централизации, именуя его онто-тео-телеоцентризмом и утверждая, что в отношении текста он находит проявление в так называемом «логоцентризме», требующим сведения текста к его структуре¹⁷. Центр, по мнению французского философа, может присутствовать в тексте в виде отсутствия, точнее, в качестве указаний на возможное присутствие в прошлом или в будущем, но «здесь и сейчас» текста (или истории, понимаемой в виде нарратива) является избавленным от «репрессивности централизации». Принцип различия позволяет структуре не замыкаться в своих пределах, а служит источником появления принципиально нового, не выводимого из предшествующих форм существования духа и материи¹⁸.

2. Статичность – динамичность. Структурный анализ, ставящий своей целью установление взаимосвязей между отдельными элементами текста, автоматически сосредоточивался на упорядоченном, статичном описании. Выявлению подвергались именно те

элементы и взаимосвязи, которые обеспечивают устойчивость системы (в качестве которой может выступать как литературный текст, так и общество), что не позволяло зафиксировать момент развития, динамичности, неизменно присутствующий в реальности. Ж. Деррида стал одним из первых критиков такого положения вещей, подчеркивая, что в пространстве текста, упорядоченном и структурированном, потенциальным источником инновационности служат те персонажи и фрагменты, которые не вписываются в общую структуру. «Именно так, где отсутствие показывает себя во всей красе, можно наблюдать нетождественность структуры самой себе»¹⁹. Иначе говоря, структура объединяет в себе разнопорядковые элементы, которые в исторической реальности могут сосуществовать друг с другом, а могут даже не пересекаться – в этом достоинство структурного анализа, но в этом и его недостаток, ведущий не только к отрицанию историзма, но и изменчивости вообще. Недооценивая диахронию, он не выработал аналитических инструментов, позволяющих объяснить внутренние переходы между сменяющимися друг друга историческими формами, поэтому Леви-Стросс изъясил из истории не только идею прогресса, но и вообще всякую динамику, что означает следующее: порвав с телеологической историей, структурализм сделал это за счет полного ее обездвижения.

Выход из подобной ситуации постструктуралистам видится в смене эпистемологии континуальности эпистемологией разрывов. Разрыв мыслится как переворачивание перспективы, поскольку в научном знании действует системно-структурный принцип, означающий, что знание организуется как целое, и в этом смысле характеризуется определенной замкнутостью, а поэтому его изменения неизбежно происходят взрывообразно, когда когнитивная система оказывается поставленной под вопрос и нуждается в замене ее новой – это и отмечается как разрыв или дисконтинуальность в развитии научного знания²⁰. Континуализм в науке (в частности, в истории) рождается в результате редукции исторического процесса к связному рассказу об этом процессе, который автоматически исходит из имеющегося на сегодняшний день результата, и потому не в состоянии

зафиксировать в полной мере имевшие место отклонения.

3. Замкнутость – открытость. Важнейшим из постулатов классического структурализма является априорная замкнутость произведения, поскольку только это условие дает возможность выявить структуру рассматриваемого текста, единство которого обусловлено смысловой интенцией – задачей внушения читателю определенного смысла. Но данное утверждение, замыкающее текст в собственных рамках и дающее волю субъективным оценкам его внутренней структуры, может быть и должно быть опровергнуто, так как текст не существует в безвоздушном пространстве: он либо ориентируется на ожидаемую реакцию читателя, либо сам выступает откликом на какое-либо утверждение, он соотнесен с другими текстами как целью своего создания, так и общностью использования литературных средств (тропов). В каждом тексте могут быть обнаружены скрытые цитаты и аллюзии, которые, будучи неосознанными даже сами автором, позволяют рассматривать любое произведение как уникальную точку пересечения различных дискурсов²¹. Текст превращается в постструктурализме в *интертекст*, что требует и адекватных ему методов анализа, поскольку поэтика не имеет ключа к интертексту, она способна описать лишь поверхностный слой текста, образованный авторским замыслом, но раскрыть подоплеку содержащихся в произведении смыслов способен лишь анализ, отвечающий трем основным условиям:

1) рассмотрение текста не как устойчивого смысла, но как места пересечения различных текстовых плоскостей, образованного диалогом писателя с читателем, а также учетом многочисленных контекстов произведения;

2) понимание интертекста как акта, поскольку интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов и выступает продуктом совместного творчества автора и читателя;

3) динамический характер, поскольку сама интертекстовая структура подразумевает реструктурирующую трансформацию всего имеющегося материала, постоянную выработку новых стратегий прочтения в отношении определенного текста.

Примечания

- ¹ Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934. С.31.
- ² Там же. С.32.
- ³ Сосюр Ф. Курс общей лингвистики // Сосюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С.152.
- ⁴ Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998. С.12–15.
- ⁵ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С.7–8.
- ⁶ Леви-Стросс К. Язык и родство // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С.40.
- ⁷ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). С.5.
- ⁸ Там же. С.6.
- ⁹ Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). М., 1998. С.25.
- ¹⁰ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С.32–33.
- ¹¹ Психоаналитик имеет дело не с самим бессознательным, а с его воплощением в языке, которое не контролируется большим, а подчинено не зависящим от него структурам бессознательного. Подробнее см.: Лакан Ж. Семинары. Кн.5. Образование бессознательного (1957/58). М., 2002. С.14–18.

- ¹² Леви-Стросс К. Раса и история // Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000. С.328.
- ¹³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 2004. С.385.
- ¹⁴ Леви-Стросс К. Понятие структуры в этнологии // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С.290–292.
- ¹⁵ Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1997. С.43.
- ¹⁶ Эко У. Указ. соч. С.340–341.
- ¹⁷ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С.355.
- ¹⁸ Там же. С.357.
- ¹⁹ Там же. С.358–359.
- ²⁰ В.П. Визгин соотносит это положение постструктуралистского анализа с концепцией научных революций Т. Куна. Подробнее см. Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы. С.40–41.
- ²¹ Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). С.54.

УДК 111

МИР: СТОИМОСТЬ И ВЛАСТЬ

М.А. Богатов

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: m_bogatov@mail.ru

В данной статье речь идет об онтологическом значении различных экономических стратегий, которые конституируют ключевое для фундаментальной онтологии XX в. понятие мирности (Weltlichkeit) мира, введенное Мартином Хайдеггером. Этот текст представляет собой значительно переработанный фрагмент готовящейся к выходу работы «Избытие онтологии: *сноски*» (§12.а).

М.А. Bogatov

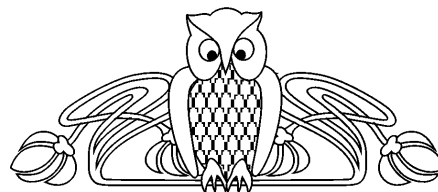
The World: Value and Power

The article focuses on ontological meaning of different economic strategies, which constitute a key for fundamental ontology of XXth century notion of worldness (Weltlichkeit) of the world by M. Heidegger.

Аристотель говорит о собственности следующее:

«... собственность оказывается своего рода орудием для существования»¹.

По-гречески это выражается так: τὸ κτήμα ὄργανον πρὸς ζωὴν ἐστίν. То, что переведено С.А. Жебелевым в качестве «существования», ζωὴ, имеет значения «жить», «про-

водить жизнь», «питаться», «быть сильным», «двигаться», «быть действительным». Речь идет о том, что у нас характеризуется в качестве внутримирного пребывания, ζωὴ. Далее Аристотель дает чрезвычайно поучительную типологию орудий:

«Орудия как таковые имеют своим назначением продуктивную деятельность, собственность же является орудием деятельности активной»².

Греческие соответствия продуктивной деятельности и деятельности активной – ποιητικὰ и πρακτικόν соответственно. Переведем ποιητικὰ в данном значении как «производство», а πρακτικόν – «совершение действия».

«Но жизнь – активная деятельность, а не продуктивная; значит, и раб служит тому, что относится к области деятельности активной. “Собственность” нужно понимать в том же смысле, что и “часть” [...] Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему»³.

В качестве «жизни» здесь берется синоним $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$: $\acute{o}\ \delta\acute{\epsilon}\ \beta\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, $\omicron\upsilon\ \pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$. Внутримирное пребывание берется Аристотелем в качестве свершения действий, экономическое производство же имеет смысл лишь как средство, $\delta\rho\upsilon\lambda\omicron\nu\omicron\nu$, для подобных свершений. В этом смысле Аристотель – не экономист в нашем значении слова; точнее говоря, Аристотель пребывает там, где нужда–использования не конституирует мир. Это *не наш* мир. Кроме того, это пребывание не может быть охарактеризовано в терминах творения, $\pi\omicron\iota\eta\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$. (Здесь становится видно, насколько Хайдеггер, ищущий спасения от постава в *пойесисе*, далек от аристотелевского понимания жизни. Кроме того, это значит, что это не мир средних веков. Мы говорим это не для того, чтобы лишний раз найти обоснование для исторического положения о том, что античность отличается от средних веков, а средние века – от нашего времени. В данный момент нам необходимо подойти к онтологическому пониманию экономических отношений с имуществом.) В «Никомаховой этике» Аристотель говорит:

«Имуществом мы называем все, стоимость чего измеряется деньгами»⁴.

В качестве «имущества» здесь выступает $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha$, имеющая кроме того значение «денег», «средств». И далее:

«...богатством [$\chi\rho\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$] воспользуется лучше всего тот, чья добродетель – в отношении к имуществу [$\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha$]»⁵.

В отношении собственности/имущества Аристотель предлагает лишь одну стратегию – стратегию щедрости ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\iota\acute{o}\tau\eta\varsigma$):

«...щедрость – это обладание серединой в отношении к даянию и приобретению имущества, щедрый и давать, и тратить будет на то, на что следует, и столько, сколько следует, одинаково и в большом, и в малом, и притом с удовольствием; а кроме того, он будет брать, откуда следует и сколько следует»⁶.

Нелишним будет отметить, что слово $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\iota\acute{o}\tau\eta\varsigma$ имеет своим значением также и «благородство», «состояние свободного человека». Отношение к имуществу у Аристотеля упирается в безликое «следует», уходящее корнями отнюдь не в *экономику*, но в *политику*. Имущество – средство, «часть» для свободного человека, который действует в политической, общественной жизни. Имущество не является здесь «своим» так, чтобы оно стало целью; имущество «чу-

жое» настолько, насколько оно находится «на службе» у «своего». Потеря имущества здесь не будет потерей сущности, и в этом смысле мы имеем дело со своего рода *стоическим пониманием*. Ни сохранение, ни использование имущества не составляют и не могут в данном случае составить структуры мира нужды, мира, конституированного $\delta\acute{\epsilon}\omega$, т.е. нехваткой, нуждой, необходимостью, просьбой, желанием. В случае истребляющего потребления (*ис/по-требления*) имущество является не только средством (для политики), но и целью. Чтобы стало так, необходимо истребление и потребление положить в основание свершения любого действия, в основание $\pi\rho\alpha\kappa\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$, фактически перевернуть строгую формулу Аристотеля $\acute{o}\ \delta\acute{\epsilon}\ \beta\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, $\omicron\upsilon\ \pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$, дабы она предстала в таком виде: $\acute{o}\ \delta\acute{\epsilon}\ \beta\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, $\omicron\upsilon\ \pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$. Внутримирное пребывание есть производство, а не свершение действий. И далее, в соответствии с отношением, заданным Аристотелем, необходимо заявить, что как раз свершение действий, причем любых действий есть не что иное, как $\delta\rho\upsilon\lambda\omicron\nu\omicron\nu$ для $\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$. Когда происходит такое переворачивание, тогда мы вступаем в отношение с миром нужды, с *нашим* миром. «Свое» *усматривается здесь и существует только в «чужом», отсюда неистребимость «нужды», которая только и составляет изначальное и неприобретенное «свое»; нужда неприобретаема нами. Мы «сами» здесь есть постольку, поскольку состоим из приобретенного нуждой имущества, что значит: мы составляем «свое» из «чужого»*. И мы уже знаем, чего нет в нашем мире: в нем нет сферы свершения свободных действий. Собственно того, что Аристотель называл *политикой*.

[*Две стоимости у Маркса*] Экономика, как конституирующий мир нужды, *принцип* основывается не на торговле (поскольку целиком ее содержит в себе), но на том, что выходит за ее пределы. В этом смысле началом экономики можно назвать то, что Маркс именуется *потребностью*. И если потребность уводит нас либо в психологию, либо в «абстракции духа»⁷, то в экономике она заявляет о себе как отражение уже сугубо экономического понятия – *стоимости*. *Стоимость*

необходима экономике постольку, поскольку экономика неспособна оперировать с потребностью. И наоборот – там, где экономика включает в себя порождение потребностей, стоимость отходит на второй план⁸. Маркс начинает свою критику политической экономии, носящей название «Капитал» (1867), именно с «двух факторов товара»: потребительной стоимости и стоимости. Определение товара в той его части, что связана с потребностью, указывает на пределы той экономики, которую Маркс критикует и которую обосновывает:

«Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, – порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле»⁹.

Оставим без внимания ту «онтологию», на которую Маркс *опирается* (внешний предмет, свойства внешнего предмета, которые удовлетворяют... и т.д.) ради той онтологии, которую Маркс *порождает*. В этом определении скрепляются внеэкономические обоснования экономики (вещь, потребности) с собственно экономическими (товар, стоимость). Собственность в значении Аристотеля остается на собственно внеэкономической стороне постольку, поскольку она – лишь средство, не имеющее собственного голоса без сферы свободного действия. На сторону «новой» экономики приходится как раз *самостоятельность товара*. Экономически у Маркса это выражается через разделение потребительной и меновой стоимости¹⁰. Имущество Аристотеля больше похоже на потребительную стоимость, в то время как вся экономика Маркса базируется как раз на меновой. Однако с Аристотелем здесь не все так просто, и мы бы избежали утрирования ситуации постольку, поскольку и у Аристотеля имуществом называется то, стоимость чего измеряется деньгами. Но сам способ подобного измерения у Аристотеля и у Маркса разительно различается.

«Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью... Товарное тело... само есть потребительная стоимость, или благо... Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или истреблении»¹¹.

Маркс конституирует отношение потребления в качестве истребления, т.е. удовлетворяющего потребность уничтожения¹². Здесь уже включается в экономику уничтожающий характер бытования: человеку свой-

ственна потребность, удовлетворение коей есть уничтожение; человек бытует способом уничтожения¹³. У Аристотеля подобное мы можем встретить в образе мота, проматывающего имущество, т.е. в *крайнем* случае, в то время как у Маркса это уничтожающее бытование прописывается изначально на *все возможные* случаи (за исключением *смерти*). Однако как обстоит дело с меновой стоимостью? Есть ли в ней уничтожение?

«Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода»¹⁴.

Иначе говоря, в меновой стоимости выражается соотношение обмена одного уничтожения с другим. И если уничтожение уничтожает обмениваемое, то сам обмен для бытования уничтожающих не может и не должен уничтожаться. Внутримирное существо может быть только потреблено, но потребляем и сам характер этого ис/потребляющего мира. Меновая стоимость в экономике – это сама структура мирности мира, которая может быть раскрыта как *ссылочная*. То, на что делается ссылка – уничтожается («все преходящее») или ломается, но именно в силу этого уничтожения сама ссылочность лишь укрепляется. В этом смысле, чем меньше сохраняется потребляемого, тем лучше отрабатывается ссылочность мира. Сам Маркс, указав, что все может быть рассмотрено через призму количества и качества, говорит:

«Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»¹⁵.

Традиционно на стороне качества находится «что»¹⁶, в то время как на стороне количества – «как»¹⁷. Иначе говоря, мирность мира конституируется в качестве той, где «что» уничтожается, должно уничтожаться, не может не уничтожаться ради продолжения бытования этого мира, а само это бытование целиком и полностью определяется «как». Однако упрощением будет предположение, что меновые стоимости не меняются, что экономически задаваемое миру «как» неизменно, поскольку оно конституирует саму ссылочную структуру мира. Напротив, меновые стоимости изменяются¹⁸ (будучи «количественными»), но неизменным остается само их наличие, хотя потребными и необхо-

димыми являются как раз потребительные стоимости¹⁹. Историю этого мира составляет изменение неуничтожимой стоимости – меновой, той самой, которая относится к ведению «новой» экономики. И не случайно, что именно в марксизме была выстроена историческая составляющая метода исторического материализма. Сохраняющее употребление есть руководство *имеющимся* в отношении потребностей (т.е. стратегия обращения к «чужому» как к «своему»), в то время как у Маркса как раз имеющееся априорно прописывается как надлежащее уничтожающему истреблению (т.е. стратегия обращения к «своему» как к «чужому»). В то же время на сторону не сохраняющего употребления, чистого использования пришлось бы то, что руководствуется меновой стоимостью, совершенно игнорируя существующее как подлежащее уничтожению – потребительную стоимость. У нас могли бы получиться две экономические стратегии. Условно выражаясь, мы имеем дело с *феодальной* стратегией (назовем так ту экономику, которая сводит обмен к минимуму и располагает лишь потребительной стоимостью как своей основой) и *рыночной* стратегией (экономика, где обмен и соответственно меновая стоимость развиты настолько, что становятся самоцелью, сводя потребительную стоимость до уровня чего-то само собой разумеющегося и даже в какой-то мере *постыдного*). Если бы можно было так упростить ситуацию, то тогда бы мы назвали Хайдеггера консерватором, борющимся с либеральной экономикой, что вполне соответствует принадлежности Хайдеггера к кругу «консервативной революции». Но если нами движет не только вписывание того или иного мыслителя в какой-либо круг, но еще и онтологический интерес, мы вынуждены отказаться от такого упрощения, хотя бы потому, что не так все просто с меновой и потребительной стоимостью.

[*Бытие/труд; время/стоимость*] Меновая стоимость, согласно Марксу, радикально отличается от потребительной:

«В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно независимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и

есть их стоимость... Потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован абстрактно человеческий труд»²⁰.

Мы уже выделили две стратегии отношения к имуществу: стратегию потребительную (феодальную) и стратегию меновую (рыночную). Поэтому нет ничего удивительного в том, что они различаются. Но куда интереснее выглядит то, что фактически стоимостью является лишь меновая стоимость (напр., потому, что ее можно измерить, не вдаваясь в психологизм потребностей, т.е. не покидая собственной сферы экономики). В отношении к имущественным стратегиям это значит: потребительная (феодальная) стратегия есть искажение стратегии меновой (рыночной). В терминах консерватизма/либерализма это означает, что консерватизм (Хайдеггера, например) есть искаженная позиция либерализма. В этом отношении выделяется непримиримая противоположность позиций Хайдеггера и Маркса: как отмечалось выше, у Хайдеггера потребление без сохранения (имущества/сущности) есть дефективное понимание не использования, но сохранения; в то время как у Маркса как раз сохранение появляется как искаженная вариация простого потребления. Это кажется парадоксальным, поскольку феодальная эпоха натурального хозяйства, согласно Марксу, предшествует рыночной (капиталистической) экономике. Но этот парадокс – лишь видимость, к которой мы еще подойдем. Итак, согласно Марксу, любое бытие – это как-бытие, это относится и к что-бытию постольку, поскольку любая стоимость — это меновая стоимость. Но что есть эта меновая стоимость? Ответ известен всем — человеческий труд. Но какой труд? Возьмем пример у Хайдеггера, который пытается зафиксировать *различие* в труде:

«Речь шла о ремесле столяра. Могут возразить, что сегодня уже любой деревенский столяр использует машинный труд. Можно указать на то, что рядом с мастерскими ремесленников сегодня и уже давно поднимаются гигантские цеха промышленных предприятий. Здесь рабочий изо дня в день или из ночи в ночь, на протяжении восьми или десяти часов обслуживает один и тот же рычаг, и работница обслуживает одним и тем же способом одну кнопку. Указание на то правильно. Однако оно в этом случае и в этой форме еще не осмыслено. Указание падает в пустоту, ибо оно услышало лишь наполовину то, что говорилось при рассмотрении ремесла...»²¹.

Хайдеггер не желает здесь приравнять труд ремесленника и труд промышленного рабочего на основании того простого обстоятельства, что и тот и другой – труд. В подобном приравнивании, с его позиции, выделяется лишь половина дела. Другая половина упирается в неотвеченный Хайдеггером, но радикально сформулированный вопрос:

«Однако уже и в этом ремесле [столяра]... несущим основанием является не голое орудование инструментами, а отношение к дереву. Но где же в ручных приемах промышленных рабочих отношение к чему-то такому, как спящие образы дерева?... Как обстоит дело с рычагом? Как обстоит дело с кнопкой в ручных приемах рабочего? Рычаги и кнопки имеют место также и с давних пор на столярных станках в старых мастерских. Однако рычаги и кнопки в ручных приемах промышленного рабочего принадлежат к машине. А к чему принадлежит машина из рода двигателей?... Мы не можем сказать, что есть то, на что направлено отношение руки промышленного рабочего. Мы не можем разобраться, какого рода ремесло эти ручные приемы»²².

Хайдеггеру не нужно эксплицировать различие в труде, ему важно указать, что такое *различие в труде имеет место быть*²³. Хайдеггер полагает, что выделение подобного различия уже достаточно, чтобы оставить позади исследования Маркса:

«Все мы еще не знаем, каким ремеслом должен заниматься современный человек в техническом мире, должен заниматься даже в том случае, если он не является рабочим в смысле рабочего при машине. И Гегель, и Маркс могли этого еще не знать и об этом не вопрошать, ибо и их мышление вращалось еще с необходимостью в тени существа техники, отчего они никогда не достигали свободного пространства, чтобы осмыслить в достаточной степени это существо. Какими бы важными ни были экономико-социальные, политические, моральные и даже религиозные вопросы, которые разбираются относительно технического ремесла, все же они никогда не доходят до сердцевины дела»²⁴.

Возможно, до сердцевины дела техники вопросы Маркса и Гегеля не доходят, но вот к собственно хайдеггеровскому вопросу о бытии Маркс подходит совсем близко и неожиданно, причем подходит таким образом, что теперь его оттуда не сможет прогнать ни один самый последовательный консерватор. Согласно Хайдеггеру, *Dasein* в мире характеризуется отношением к собственному бытию, каковое (отношение) выражается во времени; отсюда положение, что смысл любого бытия постигается через горизонт времени. Иначе говоря, бытующее в мире (его что-бытие) доступно для *Dasein* исключительно через время (его как-бытие). У Маркса меновая стоимость (как-бытие) есть любая стоимость (в т.ч. и что-бытия). Но черз

что определяется эта меновая стоимость у Маркса? Обратимся к рассмотрению меновой стоимости после того как мы абстрагировались от неудобной для экономики апелляции к потребностям:

«Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишеного различий человеческого труда, т.е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой лишь выражения того, что в их производстве затрачена рабочая сила, накоплен человеческий труд...»²⁵

В данный момент Маркс как раз совершенно сознательно и принципиально делает ту операцию, которую Хайдеггер приписывал ему в качестве полусознательного необходимого действия, поскольку Маркс «мог еще этого не знать»; как видим, Маркс это «уже» знал. В онтологическом выражении Маркс желает взять от вещи то, что остается от нее, когда мы редуцируемся от ее сущности. Согласно Аристотелю, отвлечение от сущности вещи (которая всегда содержится в каждой конкретной вещи) дает нам ее видовую принадлежность. В случае нашего рассмотрения такое редуцирование позволяет получить внутримирную принадлежность бытующего. В чем состоит эта принадлежность, как видовая (в терминах Аристотеля) принадлежность мира? В чем измеряется меновая стоимость?

«Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.»²⁶

Маркс в итоге получает эликсир чистого времени, который определяет вкус любого бытующего: чистое «как», определяющее любое «что». Мы вновь получаем формулу Хайдеггера: смысл любого бытия обретается через горизонт времени. Но, несмотря на сходство в отношении времени, остается неустранимым различие между сознательной (и не очень убедительной) попыткой Хайдеггера дифференцировать труд (ремесло/машина) и такой же сознательной (но куда более отточенной) попыткой Маркса стереть все различия в понимании труда. Согласно Марксу, любая попытка дифференцировать понимание труда будет примешивать к меновой стоимости «темные» (внеэкономические) потребности; т.е. в конечном итоге, речь будет уже идти, например, о любви (столяр), ненависти или безразличии (промышленный

рабочий) к труду, т.е. о своего рода потребительной стоимости труда; а это ведет в бесконечность. Маркс резко останавливает всякую попытку различия, что имеет свои онтологические последствия²⁷. Когда Хайдеггер выделяет различие в труде, то, фактически, на примере столяра–ремесленника им демонстрируется конституирующая роль *сохранения* для любого использования. Скорее всего, Маркс отнесется к подобной роли *сохранения* как к излишней сентиментальности постольку, поскольку *нет сохранения без использования, но зато куда больше примеров использования безо всякого сохранения*. Это заявляет о себе в таком, например, случае:

«Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т.д.»²⁸

В этих, прямо скажем, эстетических примерах Маркс намеренно выступает против того, что в Новое время характеризовалось как *essentia contemplativa*. С этими землями, лугами и лесом – если ничего не делать, т.е. не трудиться, – можно только одно: любоваться. И даже воздухом нужно дышать, т.е. выполнять работу. Отношение к сущности/использованию переворачивается. Кроме того, не выделяя различие в труде, т.е. во времени (в то время как Хайдеггер их пытается выделить) Маркс фактически открывает возможность для экономического вступления в историю и закрывает возможность для любой собственно политической истории (которая не была бы продуцирована экономическими интересами). Так как труд не различается (просто голый отсчет времени, на него потраченного), то тогда можно проследить историю как–бытия мира отвлекаясь от его что–бытия. В этом *строгом* смысле феодализм, рабовладение и прочие «стадии» истории идут после рыночной экономики (капитализма), поскольку именно капитализм очищает труд от различий настолько, что позволяет, руководствуясь исключительно этим абстрактным понятием *трудо времени*, проследить как–историю мира. *Понимание феодальной эпохи (натурального хозяйства) основывается в XIX веке*²⁹. Консервативная позиция Хайдеггера как стратегия сохраняющего использования отношения к сущности – в

веке XX. Парадоксальным образом именно тот жест, который открывает историю экономики (стирание различий в понятии труда), лишает время собственной содержательности. Мы теперь можем обращаться к экономике древности (ведь там *тоже* трудились), но отличия мы вынуждены будем искать в иных вещах, например, в *способе* производства (ведь труд везде *тот же*). Этим же самым открывается тема для истории повседневности (истории усредненной понятности и внутримирного бытования)³⁰. Что–бытие – в силу смыслопорождающего и стоимостепорождающего³¹ (по Хайдеггеру и Марксу соответственно) характера времени – становится производным от как–бытия. У Хайдеггера эта производность выражается в укоренении раньше всякого вопроса о бытии его усредненной понятности, а у Маркса – в объявлении идеологической надстройкой всего, что не задается напрямую производственными отношениями. В любом случае, тезиса Аристотеля о превосходстве праксиса над пойсисом мы уже не встретим ни у Маркса, ни у Хайдеггера. В этом противостоянии Хайдеггера и Маркса, которые в главном сошлись, должно присутствовать собственно онтологическое сходство, несущее на себе как раз агонистические отношения между экономикой и онтологией, когда последняя конституирует свою собственную нужду (в бытии) в противовес нужде (в бытующем) экономической. Именно на это сходство, хотя и в несколько другом контексте, указывает Деррида, обращаясь к сомнительной чистоте различия меновой и потребительной стоимостей у Маркса.

[*Смешение стоимостей: критика Деррида*] В «Призраках Маркса» Деррида, деконструируя (т.е. *методично* смешивая и размывая) раз–бирает пример со столом у Маркса³², на котором последний демонстрирует непреодолимое различие между меновой и потребительной стоимостями, задает решающий для нынешнего хода нашего исследования вопрос:

«Но откуда берется уверенность, касающаяся предварительной стадии, стадии этой пресловутой потребительной стоимости, то есть потребительной стоимости, которая свободна от всего того, что образует и меновую стоимость, и товарную форму? Что является безусловным доказательством подобного различия?»³³

Поскольку мирность мира заявляет о себе через ис/по-ребление, и Хайдеггер вводит в качестве альтернативы сугубо экономической стратегии простого потребления потребление сохраняющее, то этот вопрос Деррида становится вопросом о разности подобных стратегий – в той мере, в какой сохраняющее потребление приходится на потребительную стоимость, выпадающую (для Маркса) из возможностей экономического обсуждения. Иначе говоря, если различие между потребительной и меновой стоимостью можно будет выявить и зафиксировать, то таким же образом можно быть уверенными в том, что стратегия сохраняющего потребления предоставит нам совершенно иной способ бытования, нежели стратегия простого, безоглядного потребления. В этом смысле если и сохранился конкурентный статус между онтологической и экономической стратегиями, тем не менее, у первой обозначился бы неоспоримый аргумент собственной конкурентоспособности. То, что выше обозначило себя в качестве консервативности, опровергло бы вытекающий из положений Маркса тезис, что консервативная стратегия по отношению к экономической – реактивная, вторичная. Именно в такой чистоте различий между этими стратегиями (говоря в контексте нашего исследования) и сомневается Деррида:

«Здесь не имеется в виду, что следует отрицать само существование потребительной стоимости или избегать употребления этого понятия. Но сомнение вызывает ее девственная чистота...»³⁴

В самом деле, сомневаться в наличии вскрытой Марксом потребительной стоимости не стоит; однако куда важнее проследить, как Маркс обосновывает ее отличие от меновой. Для нас это важно тем, что Деррида фактически обосновывает неотличимость сохраняюще-потребляющей стратегии отношения к сущности от простого потребления. В какой-то мере здесь под сомнением в «девственной чистоте» ставится под сомнение хайдеггеровский пафос консервативного стиля (ремесленничество супротив промышленного рабочего).

«...Если бы потребительная стоимость не была гарантирована, то следовало бы сказать, что фантазмагория [превращения *просто-стола* в *товар-стол*. – М.Б.] началась до вышеуказанной меновой стоимости, с порога,

с момента обретения стоимостью стоимости вообще, или что товарная форма началась до товарной формы – началась сама до себя...»³⁵

Ход мысли Деррида довольно прост: не бывает просто вещей, вещи уже вещи–для или вещи–как. Это нам известно еще от Гуссерля. Однако вопрос в том, чтобы выбрать и обосновать: просто–вещи – это до или после вещей–для, вещей–как? Уже Хайдеггер отвечает довольно однозначно на этот вопрос, когда говорит о наличном сущем как о вышедшем из употребления подручном. Но ситуация значительно усложнена присутствием рассуждения в экономическом предмете, и вот в какой связи. Маркс обосновывает самостоятельные законы капитала, т.е. живущие независимо от всех внеэкономических факторов (в том числе и потребностей в конечном итоге). Но для того чтобы это сделать, он вводит сначала потребительную стоимость как то первичное, что позволяет войти в экономику; иначе говоря, *в экономику нас ведет не собственно экономическое – потребность*³⁶. Это уже затем, оказавшись в пределах экономики, мы можем обратиться к потребности вспять, начать ее воспитывать и всячески придавать ей пригожую для внутриэкономического пребывания форму (т.е. формировать потребность). Однако теперь решается статус произвольности подобного начала для вступления в экономику. Ведь если фактически окажется, что потребительская стоимость неотличима от меновой по какому-то строгому критерию, тогда это обернется не той ситуацией, что в экономику нет входа, но той, что *из экономики нет выхода*. Ведь уже Аристотель прекрасно формулирует проблему этого соотношения в определении жизни через *ποιήσις* и *πράξις*. Здесь вообще речь идет об определении пребывания как такового. И само такое соотношение уже определенно заявляет о том, что Аристотелю известно положение о том, что две такие стратегии *могут* между собой конкурировать. Однако Аристотель такой конкуренции всерьез не рассматривает: он помещает это положение в сугубо политический контекст (рассуждение о правосудии) и, кроме того, отсекает приведенной выше лаконичной (спартанской?) формулировкой. Деррида же, находящийся уже далеко не в политическом контексте (или не столько в

нем) спрашивает так: а где критерий отличия $\rho\acute{o}\iota\eta\sigma\iota\varsigma$ от $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$. Не окажется ли так, что $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, через который определяется жизнь – это лишь частный случай кажущегося производным $\rho\acute{o}\iota\eta\sigma\iota\varsigma$? А если так, то определение жизни не только переворачивается, но радикальным образом переосмысливается. Экономический $\rho\acute{o}\iota\eta\sigma\iota\varsigma$ отныне покидает собственно человеческий удел (а человек – животное политическое, в то время как $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ является, пожалуй, самым существенным феноменом любого понимания политического) и распространяется на все бытие. Даже нельзя сказать, что человек в мире живет экономически (что уже само по себе перевернутый тезис Аристотеля), но человек живет в экономическом мире, в то время как понимание просто мира, доэкономического мира – это лишь частный случай *поломанной* экономики; это то же самое, что выводить меновую стоимость из потребительной, в то время как никакой потребительной, независимо от меновой, мы *фактически* зафиксировать не можем и не сможем никогда:

«...И если эта вышеуказанная потребительная стоимость вышеуказанной обычной вещи, простая *hylè*, дерево деревянного стола, который, как предполагает Маркс, еще не начал «танцевать» [т.е. становиться товаром. – М.Б.], то для того, чтобы стали возможными как минимум ее повторяемость, ее заменимость, ее обмениваемость и ее ценность, необходимо, чтобы сама ее форма, формирующая и ин-формирующая *hylè*, сделала это возможным, и чтобы она, пусть хоть в какой-нибудь степени, уже приступила к идеализации, которая позволила бы идентифицировать ее как одну и ту же, но предстающую в возможных повторениях и т.д...»³⁷

Ход мысли Деррида здесь поразительным образом схож с рассмотренным выше пониманием Хайдеггером платоновской идеи как употребляемой–сущности. Возможно, что мы нуждаемся в столе (т.е. у стола имеется своя-наша потребительная стоимость), но именно наша нуждаемость указывает на стол, которого, допустим, у нас пока нет и его только еще надо купить. Деррида указывает на то, что сама нужда, в которой заявляет о себе потребность и которая раскрывается у Маркса через потребительную стоимость, есть не что иное, как уже нужда–товара и соответственно меновой стоимости. Но в этом поразительном сходстве Хайдеггера и Деррида есть и куда более решительное отличие: если Деррида исходит от потребности (чтобы усомниться в ее «девственной

чистоте») и указывает на то, что потребность всегда уже марает идею просто–вещи тем, что она – идея–для–потребности (т.е. товар), то Хайдеггер идет противоположным путем – он уже в саму идею, даже без апелляции к потребности, в *платоновскую* идею идей, $\acute{\alpha}\lambda\alpha\theta\acute{o}\nu$, помещает потребность как годность³⁸. В этом смысле Деррида показывает *несостоятельность экономической онтологии* у Маркса, а Хайдеггер – *исключительную состоятельность лишь онтологической экономики*. Кроме того, аргументом за превосходство $\rho\acute{o}\iota\eta\sigma\iota\varsigma$ над $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ у Деррида выступает *повторяемость* потребностей, когда любое повторение основывается лишь на меновой стоимости, т.е. на рыночной стратегии³⁹. Иначе откуда же потребности знать, в чем она нуждается, как не опираясь на ту идею (представление), которая уже этим обращением к ней предстает *в виде* (в эйдосе) товара? А Хайдеггер усугубляет и говорит: нет, не обращение нужды делает из сущности вещи сущность–потребляемую, но сама по себе любая сущность – это всегда сущность–потребляемая. И именно это обстоятельство делает возможным соответствующее к ней (нуждающееся) обращение.

«...Подобно тому, как не бывает чистого потребления, не существует и такой *потребительной стоимости*, которую возможность обмена и торговли (каким бы именем мы ее ни называли — самим ли смыслом, ценностью, культурой, духом, значением, миром, отношением к другому, и, прежде всего, простой формой и следом другого) изначально не вписывала бы в рамки некоей неупотребительности — чье значение нарушает все понятийные границы и не сводится к беспольности. Культура вообще началась прежде какой-то конкретной культуры — до человечества. То же можно сказать и о капитализации. Это означает, что она обречена их пережить»⁴⁰.

Иначе говоря, сама повторяемость чего-либо базируется на том, что Деррида называет капитализацией, а Хайдеггер – употреблением/использованием. *Мирность мира отсрочивает онтологическое различие таким образом, что любое в–мире будет просто экономическим ис/по-треблением*. Простое употребление / использование не есть искаженный случай сохраняющего–употребления, но наоборот: *любая мысль о сохранении, экономии – это искаженный случай ис/по-требления*. Точно в такой же мере любые варианты «альтернативных» экономик (например, экономика дара в версии Марселя Мосса) есть не что иное, как попытка вы-

страивания конкурентоспособного экономического дискурса в пределах самой экономики – в той мере, в какой дар понимается нами в противовес обмену. Мы понимаем его альтернативность в силу его неповторимости, но это «не» неповторимости должно постоянно подпитываться от экономики, без которой мы не сможем отличить его от банальной покупки (что, впрочем, не лишает экономику дара ее экономического характера, но лишь призвано показать, что характер этот – *той же самой экономичности*, что и у экономики обмена). В этом смысле можно сказать, что *экономика – это предвосхищение мира* (не в том смысле, что сначала *перед* миром была экономика, но в том, что везде, где мы имеем дело с миром – а мы имеем с ним дело везде – там *уже* пребывает и экономическое. И тем не менее стратегия сохраняющего–использования не теряет своей действенности от того лишь, что демонстрируется неразличимость потребительной стоимости от меновой. Иначе говоря, пафос консерватизма не перестает (воз)действовать и заражать даже после того, как показана его производность⁴¹ от либеральной позиции. В этом смысле, если даже мир – это мир неподлинности, то это вовсе не избавляет нас от необходимости обращения к подлинности. Здесь речь идет о некоем пере-толковании мирности мира (и соответственно иного истолкования онтологического различия бытия и бытующего), которое позволит удержать превосходство сохранения над ис/по-треблением.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-1201.2007.6.

Примечания

¹ *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4. С.381 [1253b 31–32]. В контексте «Политики» Аристотель в данном фрагменте подходит к определению *раба* как составной части семьи.

² Там же. С.381 [1254a 13].

³ Там же. С.381–382 [1254a 7–13].

⁴ *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4. С.121 [1119b 26–27].

⁵ Там же. С.121 [1120a 6–7].

⁶ Там же. С.123–124 [1120b 27–32].

⁷ Мы приводим типичное выражение Маркса постольку, поскольку сам Маркс цитирует следующий пассаж из Николааса Барбона: «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно,

как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа» (*Barbon N. A Discourse concerning Coibibg the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc. L., 1696. P.2–3*).

⁸ Современная экономика в данном смысле сконцентрирована не на обслуживании потребностей, но на их формирование. Судя по всему, основанием этому послужило концепция так называемого «общества благоденствия», получившая широкое распространение в Европе и США с 60-х гг. XX в. Отличительными особенностями современной экономики в этом смысле является наличие у людей тех потребностей, которые порождены намеренно и потому не могут быть непосредственно удовлетворены. Отсюда получает широкое распространение практика приобретения в кредит, на которой базируется львиная доля нынешнего оборота капитала.

⁹ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т.1, кн.1. Процесс производства капитала. М., 1988. С.43.

¹⁰ В этом смысле Маркс придает значение/ссылочность самостоятельного бытия знаку/ссылке, что было немислимо в прежней, домарксовой экономике.

¹¹ *Маркс К.* Капитал. Т.1, кн.1. С.44.

¹² Что Кожев, следуя за Гегелем, приписывает Господину («Для Господина вещи – не более чем средство удовлетворения собственного желания. Удовлетворяя его, он их разрушает» (*Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С.25)).

¹³ Что позволяет Гегелю и Кожеву говорить о таком человеке как о животном. Ср.: «Господин борется по-человечески (за признание), а потребляет как животное (не приложив труда). В этом он недочеловек... *Умирает* он по-человечески, но *живет* как животное» (*Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. С.64 (*курсив* Кожева)).

¹⁴ *Маркс К.* Капитал. Т.1, кн.1. С.44.

¹⁵ Там же. С.46.

¹⁶ Ср.: «Качеством называется видовое отличие сущности, например: человек есть живое существо такого-то качества, потому что он двуногое существо, а лошадь – потому что четвероногое и круг – фигура такого-то качества, ибо он фигура без углов, так что относящееся к сущности видовое отличие и есть качество» (*Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1975. Т.1. С.165 [1020a 33 – 1020b 1]), В то же время качество у Аристотеля не есть сущность: «Если начала нечто общее, то они не могут быть сущностями, ибо свойственное всем [единичным одного рода] всегда означает не определенное нечто, а какое-то качество, сущность же есть определенное нечто» (Там же. С.118 [1003a 6–9]). Платон бы с этим поспорил. И тем не менее Аристотель говорит: «Сущность связана с качеством, а качество имеет определенную природу, тогда как количество – неопределенную» (Там же. С.282 [1063a 28–29]). Кроме того, в личной беседе на тему количества и качества у Аристотеля, Анатолий Валерьянович Ахутин довольно наглядно продемонстрировал мне если не условность то *значительную проблематичность* подобного различия всего сущего на количество и качество.

¹⁷ Ср.: «Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно числимо, а величина – если измеримо» (*Аристотель*. Метафизика. С.164 [1020a 7–8]).

¹⁸ Ср. у Маркса: меновая стоимость как «соотношения, постоянно изменяющееся в зависимости от времени и места» (Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.44).

¹⁹ В этом отношении чрезвычайно интересно для экономической теории Маркса звучит вопрос Аристотеля: «...если в отношении количества все окружающее нас непрерывно течет и движется и кто-то полагал бы, что это так, хотя это и неверно, почему не считать все окружающее нас неизменным в отношении качества?» (Аристотель. Метафизика. С.282 [1063а 22–24]).

²⁰ Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.47.

²¹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2006. С.98–99.

²² Там же. С.99–100.

²³ В данный момент оставим без внимания то обстоятельство, что движущей силой Хайдеггера в подобном рассмотрении является, возможно, дополнительное обоснование и в то же время критический пересмотр утверждения Эрнста Юнгера о господстве гештальта Рабочего.

²⁴ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? С.100.

²⁵ Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.46.

²⁶ Там же. С.47.

²⁷ Эта практика различия вновь и вновь воспроизводится сегодня в качестве «ничего не значащей». Идеальной ситуацией было бы вовсе к ней не обращаться, но этого нельзя сделать исходя из самой сути дела – и в этом Хайдеггер безусловно прав.

²⁸ Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.49. Правда, Маркс выделяет еще и противоположный пример: «Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром» (Там же. С.49). По чести говоря, это скорее дань диалектике, чем политической экономии, поскольку Маркс тут же запутывается и в итоге обрывает этот пассаж таким положением: «Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления» (Там же. С.49). Иначе говоря, даже при господстве как-бытия, само оно ничего не значит без что-бытия. С этим не поспоришь, но для нас принципиальным является не вопрос о том, может ли быть одно без другого, а о том, которое из двух конституирует (и каким образом) мирность мира.

²⁹ Ср.: «Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, – эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением» – т.е. при капитализме (Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.69–70). Но почему-то кажется, что эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда некий Георг Вильгельм Фридрих Гегель написал «Феноменологию духа» – и никак не раньше.

³⁰ Ср.: «Мне хотелось увидеть самому и показать другим эту обычно едва замечаемую историю – как бы слезавшуюся массу обыденных событий, – погрузиться в нее и освоиться в ней. Потом, но лишь только потом, настанет время выйти из нее наружу. Первое и весьма глубокое впечатление, которое получаешь сразу после этой подводной охоты, – это представление о том, что ты плавал

в очень древних водах, находился *внутри истории*, для которой времени, в определенном смысле, не существует, где находишь почти ту же историческую реальность, возвращаясь на два-три века или на десять веков назад, и которую иногда еще сегодня, но лишь на какое-то мгновение, нам удается увидеть собственными глазами» (Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С.14 (курсив мой. – М.Б.)). Есть только обоснованные опасения по поводу того, что «потом», когда «настанет время», некуда будет «выныривать».

³¹ Не является ли смыслопорождение и стоимостепорождение одним и тем же? В отношении этого вопроса через уничтожение обезоруживающего понятия метафоры «богатства» в философии движется чрезвычайно показательный и интересный ход мысли Петера Травни. По этому поводу см.: Травни П. О бедности и богатстве духа у Гегеля: онтологическая экономика и ее религиозно-философский кризис // Res Cogitans #2: Абсолютный Гегель. Теоретический альманах. М., 2006. С.105–118 (в пер. Ст. Крючкова); Trawny P. Die Zeit der Dreieinigkeit. Untersuchungen zur Trinität bei Hegel und Schelling. Würzburg, 2002 и др.

³² В русском издании самое начало раздела «Товарный фетишизм и его тайна» (Маркс К. Капитал. Т.1, кн.1. С.80–81).

³³ Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С.224–225.

³⁴ Там же. С.225.

³⁵ Там же.

³⁶ Даже стоящий на совершенно другой, более близкой к Аристотелю, позиции экономист Карл Менгер говорит следующее: «...человек со своими потребностями и своею властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства» (Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М., 2005. С.118).

³⁷ Деррида Ж. Призраки Маркса. С.225.

³⁸ Ср.: «В греческом понимании и в понимании самого Платона εἶσαοῦν означает пригодное, нечто такое, что на что-то годно и что само может делать годным что-либо другое» (Хайдеггер М. Ницше. СПб., 2007. Т.II. С.197).

³⁹ Совершенно иную критику подобного подхода Маркса («некоторых новейших английских и французских экономистов», как говорит Менгер, причисляя, очевидно Маркса к англичанам, хотя ни разу в данной работе о Марксе и не упоминая) представляют собой исследования Карла Менгера. Категорически отделяя потребительную стоимость от меновой, он говорит о неэкономических благах, которые «не имеют ценности вообще, а вместе с тем и ценности потребительной». Разделяя таким образом блага, Менгер говорит о полезности как «об общем условии характера благ» (экономических и неэкономических), однако «отличие неэкономического блага от экономического заключается в том обстоятельстве, что удовлетворение человеческих потребностей не зависит от обладания нами конкретными количествами первого, но зависит от наличности в нашем распоряжении конкретных количеств второго» (Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М., 2005. С.130). Таким образом, потребность может наличествовать, не составляя тем самым ценности, т.е. не будучи экономическим понятием. Менгер замечает: «Ошибка, лежащая в основании смешения понятия полезности с понятием потребительной ценности, разумеется, не имела влияния на практическую деятельность людей... Однако вышеуказанная ошибка

явилась большим препятствием для развития общих учений нашей науки» (С.131). По Менгеру, «потребительная ценность благ растет по мере уменьшения доступного распоряжению количества их, и наоборот» (С.150 и др.). Таким образом, «настоятельность потребностей, удовлетворению которых служит благо, не может сама по себе быть моментом, определяющим меру ценности» (С.152 (курсив Менгера)). В этом смысле критика Маркса Менгером сводится к выделению пар *полезное/ценное* и *экономическое/неэкономическое*, деконструируя тем самым целостность и неделимость у Маркса *человеческой потребности* как таковой. Несмотря на то, что Менгер остается в пределах экономического мышления (определяя *экономическую ценность* и *ценность* вообще через *нехватку*), но, тем не менее – или именно поэтому, – его критическая по отношению к Марксу позиция выглядит куда более основательной, чем у Деррида, который с самой *потребностью* не спорит, доверяясь тем самым наивному аксиологическому допущению XIX в.

⁴⁰ Деррида Ж. Призраки Маркса. С.225 (курсив Деррида).

УДК 111 32

ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Н.Я. Веретенников

Саратовский государственный университет,
кафедра методологии науки и социальной философии

В статье рассматривается проблема личного самоопределения в условиях современной социальной ситуации, характеризующейся кризисом индивидуальной и коллективной идентичности. Автор предлагает новые пути и нравственно-духовные ориентиры для самоопределения личности в условиях сложной диалектики субъективной свободы и общественного порядка. Самоопределение личности предстает как открытый проект с наличием различных возможностей для творческого и деятельного проявления.

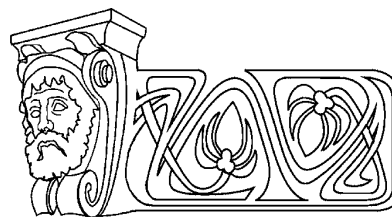
Personal Self-determination and the Present: the Value Aspect

N.Ya. Veretennikov

The article explores the problem of personal self-determination in the present social situation, which is characterized by individual and collective identification crisis. The author of the article offers new ways and moral reference points for personal self-determination in a complicated dialectics of subjective freedom and public order. Personal self-determination appears as an open project allowing for various opportunities for creativity and activity.

Представляя сообщение на предложенную тему, хочу начать с дефиниции личного самоопределения как смысложизненного выбора личностью ценностной позиции, задающей смысл её существования, с которой она оценивает себя и действительность,

⁴¹ Эта производность консерватизма заявляет о себе в самом термине, который, очевидным образом, пыгается сохранить нечто там, где это нечто само собой уже очевидным образом не сохраняется. Ведь общество, целиком «консервативное», мы не называем таковым, но, напр., «традиционным». Что касается самого Хайдеггера, то его небезосновательно относят к деятельности «консервативной революции», о которой Алексей Руткевич, исследователь консерватизма XX века, говорит так: «Это “движение” получило... наименование “консервативная революция”, а одним из его основных тезисов (или даже лозунгов) было намеченное Шпенглером соединение консерватизма и социализма в борьбе с либерализмом и парламентаризмом, с той “внутренней Англией”, которая способствовала поражению Германии в мировой войне» (Руткевич А. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С.189). Обратим особое внимание на то, что под «внутренней Англией» Шпенглер имеет в виду, прежде всего, *марксизм* в том виде, в каком он начал шествие по Европе в первой четверти XX в.

познаёт меру собственного бытия, открывая путь к какому-то новому содержанию.

При этом самосознание, внешним проявлением которого является самоопределение, предстает как целиком деятельностный, свободный от какой-либо непосредственно предзаданной реальности акт смыслообразования, осуществляемый в пределах мысли и только мысли.

Человек нуждается не только в осмыслении внешнего бытия, соотнесении его со своими внутренними запросами и интересами, но и в определении самого смысла своего собственного существования, смысла, дающего основание и целесообразность самой его жизни.

Поиск, занятие некоторой позиции вне находимости – выход в некий контекст для самоосмысления и есть самоопределение.

Проблема самоопределения человека в большой степени оказывается связанной с чем-то невещественным и нематериальным, но тем не менее, не только реальным и суще-

ственным, но и способным решающим образом сказаться на его поведении, строе и особенностях сознания, что порождает вполне определённые мотивации, оценки, мнения и переживания.

Речь идёт о духовном опыте, под которым понимается способ осмысления действительности, общества, человека и его места в мире среди других.

Духовный опыт, в отличие от ментальности, историчен и конкретен, он связан с реальной жизнью, является её осмыслением, он уточняется, меняется, развивается.

Актуальность проблемы «ценностный мир человека» определяется новой современной ситуацией, которая отличается высокой динамичностью социальных процессов, когда заметно ослабевают связи с богатыми традициями прошлого; ранее сложившиеся ценностно-нормативные системы духовно-нравственного характера теряют свою актуальность в прежнем своём содержании, и это требует от личности в процессе своего самоопределения экстраполяции прежних тенденций, более глубокой и обновлённой рефлексии при выборе новых ориентиров и переоценке категориальных ценностей на метафизическом уровне.

Актуальность обсуждаемой проблемы обусловлена потребностью изменения ценностно-смысловой структуры личности, которая бы не только обеспечивала ему ориентиры в жизни, но и способствовала бы более активной деятельной позиции в решении новых проблем, опираясь на русский духовный опыт, в котором сублимирован весь исторический потенциал народа. Духовное здоровье русского человека не возможно без живительных истоков духовной традиции отечества, без мощной его корневой системы культуры.

Русский духовный опыт содержит в себе всю полноту нашего бытия не только как его образующая мера, но и как открытая его возможность. Поэтому актуальна необходимость обращения к сущностным ценностям трансперсонального характера и к ценностному богатству русского духовного опыта.

Современное аксиологическое пространство, характерное порождением множества специфических критериев оценки жизни, яв-

ляется невероятно сложным для самоопределения человека. Современная ситуация в обществе поставила перед человеком сложную проблему: как правильно, по-новому самоопределиваться, выбрав ту или иную нравственно-духовную систему ценностей.

В русском духовном опыте мы имеем дело с исключительно целостным миропониманием, связанным с очень напряжённым нравственным чувством. Так, И.А. Ильин пишет: «Духовный опыт у людей сложен и по строению своему многообразен; он захватывает и сознание человека, и бессознательно-инстинктивную глубину души: одному говорит природа или искусство родной страны; другому религиозная вера его народа; третьему – стихия национальной нравственности; четвёртому – величие государственных судеб родного народа; пятому – энергия его благородной воли; шестому – свобода и глубина его мысли и т.д.»¹. Особое место в русском духовном опыте занимает патриотизм, «...патриотизм, исходящий от духовной отчизны, сокровенный и «таинственный», вмещающий «иному гласу», созерцающий «грань высокого призвания» и «окончательную цель» с тем, чтобы постигать и любить быт своего народа с этой живой, метафизической высотой»².

Духовный опыт при систематическом и целеном приобретении всегда даёт человеку ясность понимания реальной действительности, сообщает ему целый ряд свойств, черт и способностей, проявляющих подлинность его бытия, формирует в нём убеждения, которые строят личность, обновляют её духовный фундамент, помогают совершить переход к другому способу бытия.

Духовный опыт приобретается на всём жизненном пути. Человек, обогащающийся таким образом, предающийся такому опыту, «неизбежно начинает быть по-новому; по-новому воспринимать сначала одни духовные предметы, а потом через них всё остальное – по-новому видеть, по-новому утверждать себя и жить. Он совершает переход в другой способ бытия, а вследствие этого и в другой способ делания. А в религиозном контексте через духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом. На

процесс самоопределения человека в реальной действительности оказывают влияние многие внешние и внутренние факторы.

Итак, самоопределение представляет собой фундаментальную предпосылку личности. Это определение человеком своего смыслового будущего на основе высших духовно-нравственных образцов и его реализация на своём жизненном пути – самоопределение к добру.

Многое в плане самоопределения личности задаётся ценностно-смысловым пространством, взрастившей её цивилизации, т.е. сложившимися соционормативными регуляторами жизнедеятельности человека – духовными, морально-нравственными, корпоративно-групповыми, семейными и др. Особую роль здесь играют глубинные пласты духовности, психической реальности, которые крайне трудно поддаются и рациональному постижению.

П.Я. Чаадаев, анализируя исторические тенденции России, увидел константу её жизни в «безличном хаосе», в отсутствии гарантий для собственности и свободы личности, в тотальном подавлении человека властными структурами. То есть главным препятствием на пути личностного самоопределения было интериоризированное благоговение перед государством. И уже после революции Н.А. Бердяев писал: «Одна и та же болезнь нашего национального духа обнаруживается на противоположных полюсах. Та же не раскрытость и неразвитость у нас личного начала, культуры личности, культуры личной ответственности и личной чести. Та же неспособность к духовной автономии, та же нетерпимость, искание правды не в себе, а вне себя. Русский “коллективизм” и русская соборность почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы. Но в действительности это означает, что личность, личный дух недостаточно ещё пробудились в русском народе, что личность ещё слишком по-гружена в природную стихию народной жизни»³.

Индивидуальное самоопределение представляет собой довольно сложный процесс. В условиях кризиса коллективной и индивидуальной идентичности отдельному индивиду кажется, будто его собственная самость, его «Я» само по себе, его душа за-

перта, словно в темнице, в чём-то чуждом и внешнем, что называют «обществом», что со стороны других людей, других сил, злых, иногда добрых, на него оказывается давление и совершается насилие над его самостью, его чистым «Я».

Лежащая в основе всех этих представлений концепция противопоставления «чистого Я» и общества, которое противопоставлено индивиду как нечто существующее вне его, несомненно, имеет смысл как выражение необходимости самоопределения, самоутверждения, приобретения новой личностной идентичности, но всё это должно осуществляться в более широкой связи исторического общественного развития.

Надо признать, что личный опыт всё большего числа людей уже не согласуется со смыслами уже обжитых универсалий. Сегодня человечество переживает такую эпоху, когда ломаются базисные ценности техногенной цивилизации. На наших глазах возникает общество гигантских рисков и обострения глобальных кризисов. Всё отчётливее возникают проблемы новой стратегии человеческой жизнедеятельности, а значит и нового личностного самоопределения человека. И если классическая философия посредством разума стремилась выявить субстанциональное единство мира, то теперь подобная попытка оценивается как угроза человеческой свободе, как проявление власти над человеком обезличенных сил и структур. Свобода и разум оказываются во взаимоисключающем отношении. Одним словом, прошло то время на Руси, о котором писал В.О. Ключевский: «Русское общество отличалось однородностью, цельностью своего нравственно-религиозного состава. При всём различии общественных положений древнерусские люди по своему духовному облику были очень похожи друг на друга, утоляли свои духовные потребности из одних и тех же источников»⁴.

Надо заметить, что проблема индивидуализации, неповторимости личности, самоутверждения личности – явно не предмет повышенного интереса российского духовного опыта. Русская религиозная философия, пытаясь вооружить человека практической программой жизни, концепцией высшего смысла жизни, нравственным идеалом, руководствовалась при этом принципиальными

положениями богословского учения о личности. В соответствии с христианской антропологией самоутверждение всегда равносильно отвержению, отрицанию другого. «Самоутверждение индивидуума, – пишет Митрополит Сурожский – есть и отказ от самой способности любить, потому что любить – это прежде всего признавать в другом само его существование, признавать, так сказать, актуальность другого... и воспринимать как реальность благодать, как участника в общей гармонии вселенной, и относиться к нему соответствующим образом, т.е. с уважением, чувством почтительности...»⁵. «Высшим проявлением отдельности твари от Бога, её самостоятельности, есть её свобода. И самый факт греха, который служит важнейшим источником наших религиозных сомнений, является документом этой свободы, её наглядным проявлением и доказательством... Источником греха является не Божество, а свобода твари, её самоопределение и отпадение от Бога»⁶. По этому поводу Н.А. Бердяев пишет: «...я твёрдо стою на том, что преодоление самоутверждения и гордыни есть главное в христианстве. Это самоутверждение и гордыня скрываются и за смирением»⁷.

Переходя к современному рассмотрению проблемы личностного самоопределения, хочется вновь подчеркнуть, что самоопределение разума может осуществляться не только лишь по отношению к области духовного. Самоопределение личности является также деятельным отношением к ситуации. При этом человек поступает в соответствии с определёнными нормами. Э. Агацци замечает: «Они предписывают действовать определённым образом, не потому, «что это непреломный путь к достижению некой заранее предвиденной цели, а потому, что они приняты как некое безусловное благо, как ценность в себе и для себя»⁸. Существование норм зависит от признанных ценностей в обществе.

Каждая личность своеобразна, потому руководствуется «своими» нормами в соответствии со «своими» ценностями. Но при этом личность не освобождается от социальных характеристик. Помимо свободно определяющей свои цели, она не расстаётся с органической склонностью к социальной жизни, независимо от всех совершающих изме-

нений в обществе. Здесь сказываются отложившиеся в духовной организации личности социальные связи.

Идеальная природа ценностей реализуется и существует не иначе как в конкретных психологических переживаниях и ценностных актах живых людей, а также во вполне определённом социокультурном и историческом контексте.

Огромную роль в становлении гармоничной системы ценностных модальностей, а также в её продуктивном практическом функционировании играет ценностный идеал. Он есть не только самое высшее, но и самое конкретное, зримое и действенное, что есть в мире ценностей.

Видя, как рушатся сложившиеся нормативно-целостные системы, можно было бы поступить, как в своё время сделал Н.А. Бердяев, предъявив свои требования к несовершенству мира, в котором существование стало «похоже на болезнь» и не освобождается от чувства непрерывного унижения, зависимости, несвоевременности человека, обратиться к абсолютным, универсальным, вневременным средствам сохранения достоинства личности и помогающие ему выбрать коррективы и смысл своей жизни. Но время изменилось, изменилось общество. Необходим сегодняшний взгляд, подход и анализ реалий, характерных для современного состояния общества.

Неопределённость социальной ситуации, незащищённость российского человека перед переменами, к которым он не успевает даже адаптироваться, чрезмерная его поглощённость повседневной жизнью, борьбой за выживание являются немаловажными факторами формирования им своего смысла жизни и самоопределения.

Итак, мы выделяем одну из главных причин ценностных сдвигов, влияющих на самоопределение «массового» человека российского общества, – ситуацию неопределённости и как её следствие – неспособность человека к планированию и достижению долгосрочных целей, жизненных стратегий, освещённых высшими духовными идеалами, ценностями. На место высших духовных ценностей приходят интересы повседневности, возникает, по выражению В.Г. Федотовой, «неукоренённый индивид» в русском

духовном опыте, утративший связь времён и связи поколений⁹. В таких условиях человек, не контролируя своего настоящего, не может представлять или планировать будущее, и особенно ясно осознавать своё прошлое. Он оказывается лишённым выбора и иных ориентиров. Глубокие ценностные изменения не в лучшую сторону пронизывают все сферы жизни человека. Это влечёт формирование индивидуальности, личности в упрощённой форме. Распад общих ценностей, особенно морально-нравственных ценностей чревато потерей социального капитала – основы консолидации общества.

В условиях потери общего основания ценностей и доверия человек теряет способность к трансцендентальному прорыву к духовным возвышенным идеям, или к универсальным ценностям. Краткосрочность, отсутствие высоких духовных идеалов – весьма заметная черта современной российской жизни сверху донизу. Все великие ценности духовного опыта, создававшиеся предыдущими поколениями, оказываются лишёнными содержания. Современное состояние общества ведёт ко всеобщей апатии, лучше сказать, к безразличию, которые стали реакцией растерявшегося человека на навязывание ему избытка информации и перемен, и неготовности к быстрому осмыслению социальной динамики. Люди начинают думать о том, что отныне можно жить, не имея перед собой ни цели, ни смысла. Ж. Липовецки в своё время это назвал «массовым опустошением». Социальная динамика, увеличение количества кризисных ситуаций, требующих новых переосмыслений универсалий культуры, с чем не справляется наше инерционное сознание и самосознание, – всё это характерно тем, что в современной ситуации ранее сложившиеся смыслы универсалий уже не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных способов деятельности, поведения, что в конце концов, затрудняет решение проблемы личностного самоопределения. Это усугубляется полной невыясненностью той исторической перспективы, которая могла бы быть приемлемой для общества в целом и ориентиром для отдельных людей.

Раньше человек был «организован» логикой идеологии, морали, воспитательного процесса на всех возрастных стадиях, был

погружен в единообразии правил, чтобы устранить всякие предпочтения и особенности единообразного всеобщего закона, будь то «всеобщая воля», правила общежития, моральный императив, требования революционной партии: всё происходило так, словно индивидуальные ценности могли возникнуть лишь в рамках обозначенных систем, определяющими всю жизнь человека. Сегодня мы видим, что идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпается и человек почувствовал возможность выбора в индивидуальном самостоятельном развитии, независимость от новых форм контроля и гомогенизации. Он начинает в «силу» своей духовной выстроенности, интеллекта и ментальности пересматривать сложившуюся иерархию индивидуальных ценностей. Условия для становления личности в нашем обществе радикально изменились.

Сегодня надо совершить одно из немаловажных дел: преодолеть скепсис, определяемый прежде всего сознанием сложности эпохи, столь богатой противоречиями, её способностью к быстрым и радикальным изменениям и, выражаясь образно-поэтическим языком, переплыть через реку с опасными «омутами» и «лесными топями» и, не захлебнувшись от первых успехов, ощутить в себе огромную силу освобождения и выйти уверенно на желанный берег. Пришло время воплощения идеи формирования в себе, по Флоренскому, «нового человека», сливающего в себе черты разных культур: религиозной и светской, европейской и восточной, научной и художественной, национальной и всемирной. При этом нельзя забывать отчаянный антропологический проект Фрейда: поставить перед собой задачу пройти свой путь, научившись понимать самого себя, что побуждает личность к переходу от иллюзорного всемогущества через страх перед тотальным бессилием к более реальному ощущению своей силы и правильному выбору своего жизненного смысла. А смысл правильного индивидуального существования в выборе прежде всего духовных ценностей. Н.О. Лосский, определяя ведущие черты русского народа, назвал из них самую главную – способность к высшим формам опыта.

Самоопределение личности предстаёт как открытый проект. Многомерный процесс развития и самоопределения личности зада-

ются как объективными условиями, так и личностными особенностями субъекта, социальным пространством, которое предстаёт как наличие разных возможностей для действия. Одним словом, аксиологическое пространство самоопределяющейся личности является для неё невероятно сложным и требует от неё больших усилий (интеллектуальных, духовных) в «координации» ценностных установок. И если к этому добавить существование разнообразных этносов и национальных культур народов российского общества, то мы можем представить, как не просто человеку определить свои ценностные приоритеты. Необыкновенная сложность аксиологических систем, их открытый характер и подверженность различного рода случайным воздействиям, их неожиданные флуктуации, обусловленность их культурно-историческим контекстом – во всём этом надо найти себя и выстроить свой жизненный путь.

При рассмотрении внешних факторов самоопределения личности большую роль играет понятие «современность», которое обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются человек и общество. «Современность» заявляет себя, прежде всего, как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка. И по замечанию Б.Г. Капустина, ныне «абсолютная самостоятельность» непосредственно оборачивается беспощадностью и беспредельностью эгоизма, угрозой гоббсовской «войны против всех». И эта постоянно предстающая угроза нейтрализуется в разных культурно-исторических контекстах современности разными (институциональными, духовными и т.д.) средствами, с помощью которых решается проблема порядка¹⁰. С одной стороны, «современность» устойчиво ассоциируется со свободой – независимых суждений и самостоятельного выбора, а с другой – она предстаёт совокупностью жёстких стандартов – императивов, несоблюдение которых карается отлучением от неё и поражением в формальном и неформальном статусе. «Современность» не терпит консерватизма, она требует от каждой самоопределяющейся личности опираться не только на традиционные идеалы, легитимировать себя через апелляцию к предпосланным традициям. Её критичность, самопроизводство и самообоснование – три ключевых

характеристики выступают и как три императива для выживания и активного, деятельного, практического самоопределения индивида. Учитывая многие положительные социально-психологические качества российского менталитета, надо отметить, что его свойство – консерватизм, несет положительную нагрузку, вечный поиск некоего пласта или среза действительности, сохраняя положительное ядро русского национального опыта. Гипостазирование, в духе платоновского философствования «сущностей» вне общественной практики может подавлять частный интерес (подчиняет его Долгу, Добродетели, служению Общественному Благу).

Современность предстаёт не только с некоторым противным содержанием. Она предстаёт для человека и как проблема и вызов ему. Человеку, выбирающему истинный смысл жизни, надо внимательно к ней отнестись, чтобы выбрать поистине высокие духовные ориентиры, которые не только станут твоим идеалом, но и ещё помогут эффективно решать вставшие перед тобой и обществом проблемы.

Сегодня актуальным стал вопрос индивидуального самоопределения в контексте процесса развития возможных практик и теорий в современном российском обществе. Человеку дано прожить много потенциальных жизней, а ему предлагается только одна реальная, что вызывает неудовлетворение и потребность в поиске других возможных жизненных путей. Мыслительный потенциал человека выше, чем сумма предлагаемых ему обстоятельств, которые могли бы востребовать что-то другое, возможное для удовлетворения его интересов, потребностей, мечты. Речь идёт об особом бытии, бытии трансцендентальном, которое открыто человеческому существованию, давая возможность творчеству и преобразованию реального мира, то есть о мире возможного. Вся современная действительность пронизана возможными путями самоопределения личности, когда человек из состояния «есть» переходит в модус «если» и предъявляет к себе соответственно «посибилитического» подхода, т.е. смещение акцента с описания сущего и преобразовательного активизма к осмыслению как порождению всё новых и новых возможностей, альтернативных моделей сознания и поведения.

До недавнего времени европейская метафизика, создавшая царство общих идей, имела свою обратную сторону – европейскую историю, в основе которой лежало стремление низвести эти отвлечённые идеи обратно на землю, воплотить их в жизни общества. Сначала идея отвлекалась от реальной жизни, приобретала метафизический характер, чтобы с новой силой вовлекаться в преобразование этой реальности, способствующей правильно создавать историю. Стремление их осуществить как императив господствовало и в общественном, и в индивидуальном сознании. Идеи, заложенные в универсалиях, должны воплотиться. Эта модель, верно служившая развитию западной цивилизации, да и российского общества, на протяжении многих веков уже отказывается работать. Не только метафизическая отвлечённость перестаёт воодушевлять, но и историческая вовлечённость. И если рассуждать в контексте «философии возможного», то универсалиям можно придать второе дыхание, связав их с потенциями, когда они предстают не столько как объекты в платоновском смысле, сколько потенции, актуализация которых образует мир действительных событий. Например, добро, красота и другие универсалии принадлежат одновременно области возможного и невозможного, той модальности, которая их объединяет. Универсалии могут существовать только как возможность чего-то, что есть они сами. «Универсалии – это вечные возможности; они не могут сами воплотиться, но могут бесконечно мыслиться, оставаясь при этом возможностями», – пишет М.Н. Эпштейн¹¹. Универсалии позволяют описывать действительный мир, как если бы он был возможным. Такое понимание универсалий открывает новый горизонт мыслимого, это создаёт новую возможность в универсуме.

В жизни моего «Я» есть уровни разной глубины: социальный, физический, эмоциональный, интеллектуальный, – но глубже всех этих уровней лежит не действительность, а возможность «меня». Моё самое глубокое ощущение: меня нет, но я возможен. Я могу быть. И это «могу быть» сохраняется под оболочкой всех «есть», с которых

ми человек то и дело отождествляет себя. Личность – это возможность самой себя, которая не исчерпывается никакой самореализацией. Я могу реализовать себя в семье, искусстве, в науке, в политике, но как только сделанное мной приобретает свойство реальности, я чувствую, как моё «Я» вновь ирреализуется, уходит в глубь собственных возможностей. «Я» – это вечная неосуществимость. Личность никогда ни в чём не осуществляется, а значит, и не может исчезнуть как возможность. По Бердяеву, воление и творчество суть способы реализации возможного, и даже в своём предельном развитии они не исчерпывают его глубину, которая есть невозможность. Воление и творчество увеличивают объём реализованного бытия. Именно невозможность полного воплощения творческого потенциала человеком и создаёт условия для потенциации самого бытия, его перехода из действительного в возможное. Идёт вечный процесс овозможения самого существования.

Самоопределение личности в современном мире должно быть активным, то есть способствовать своей позицией и творчеством преобразованию действительности, не в модусе должествования, а в проективно-конструктивном характере с позиции желаемого и предложения нового.

Развитие информационных технологий и, в частности, широкое использование ведущей из них – Интернета – порождает ряд проблем, связанных с возможностью осуществления свободной человеческой деятельности. Интернет, как глобальное явление, как новое техническое средство, порождает ряд революционных возможностей для проявления свободы, реализации человеческой идентичности и расширение выбора возможных путей творческой активности. Но пребывание в виртуальном пространстве создаёт новые перспективы для «игр с идентификацией». В виртуальной среде вы можете быть тем, кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, словом, у вас нет ограничений, характерных для материального мира. Бесспорно то, что создание виртуальных личностей может обогащать человека, развивать в нём способности при-

способления к новым условиям. В то же время уход в виртуальный мир чаще всего обусловлен определёнными проблемами в реальной жизни и играет чисто компенсационную функцию. Помимо приобретения положительных личностных качеств, вызывает беспокойство и даже опасность появления виртуальных личностей, осуществляющих деструктивные функции.

Итак, личностное самоопределение как сложный процесс происходит в пространстве русского духовного опыта, который в свою очередь по содержанию динамичен, имеет свои проблемы и перспективы. Свобода здесь предстаёт не как осуществление задуманного, а воление к расширению сферы возможного, учитывая, что российское общество находится в сложном проблемном состоянии.

УДК 2(470)

ТЕХНОЛОГИЯ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В РОССИИ

И.А. Дорошин

Саратовский государственный университет,
кафедра религиоведения и философской антропологии
E-mail: ivansar@mail.ru

Мифы в конфессиональной среде являются эффективным инструментом децентрализации управления, а также манипуляции сознанием чистосердечных верующих. От этого страдает сама конфессиональная среда и сложившийся институт властных отношений.

Развитие информационных технологий сопровождается совершенствованием мифологических конструкций, которые все чаще проникают в основу социальных программ религиозного объединения и, что самое страшное, размывают вероучительную основу. Это может способствовать появлению дистанции между религиозными институтами и гражданского общества, а также дестабилизации социальной системы.

Myths Inside of a Religious Discourse in Russia: Technology of a Deconstruction

I.A. Doroshin

Myths in the religious environment are the effective tool of decentralization of management, and also manipulation with consciousness of frank believers. The religious environment and the developed institute of imperious attitudes suffers from it.

Development of information technologies is accompanied by perfection of mythological designs which even more often get into a basis of social programs of religious association and, that the most terrible, «wash away» a basis of the doctrine. It can promote occurrence of a distance between religious institutes and a civil society, and also destabilization of social system.

Примечания

¹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С.231.

² Там же.

³ Бердяев Н.А. Миросозерцание Ф.М. Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С.190.

⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты деятелей исторической мысли. М., 1990. С.148.

⁵ Митрополит Сурожский. О самопознании // Вопр. психологии. 1994. №5. С.115.

⁶ Трубецкой Е. Смысл жизни. М., 1994. С.331.

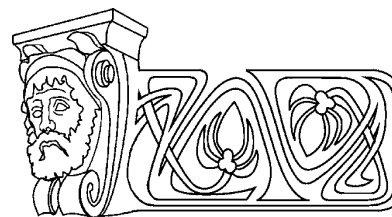
⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С.189.

⁸ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопр. философии. 1989. №2. С.30.

⁹ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. №11. С.3–23.

¹⁰ Капустин Б.Г. Современность. Новая философская энциклопедия. М., 2003. Т.3. С.587.

¹¹ Эшштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001. С.123.

Аналитика последних конфессиональных и межконфессиональных встреч в Саратове¹ высветила достаточно широкий спектр применения мифологических конструкций различного толка. Это не случайно, поскольку мифы, особенно в конфессиональной среде, являются эффективным инструментом децентрализации управления, а также манипуляции сознанием чистосердечных приверженцев. От этого страдает и сама конфессиональная среда, и сложившийся в рамках вероисповедания институт властных отношений.

Развитие информационных технологий сопровождается совершенствованием мифологических конструкций, которые все чаще проникают в основу социальных программ религиозного объединения и, что самое страшное, размывают вероучительную основу. Она сводится к второму плану, к постмодернистскому рассказыванию «историй» («stories»). Таким образом, формируется ан-

тисторическое, а соответственно проманипулятивное сознание. Практически ни один властный институт не обходится без применения мифологем, не является исключением и конфессиональная среда. Можно сделать только два «положительных» наблюдения:

1) мифы посредством упрощения реальности позволяют человеку ориентироваться в сложной мозаике конфессионального спектра, что способствует нивелированию возможных общественных противоречий;

2) мифы в конфессиональной среде выступают средством повышения заинтересованности и «явки» рядовых членов, мобилизуя их и побуждая к активному участию в общинной и общественной деятельности.

Как легко заметить, «польза» далеко не однозначна. Встает вопрос: допустимо ли использовать миф в конфессиональном дискурсе? Ответ, по-видимому, должен быть отрицательным, но без участия авторитетного богословского мнения не может быть решен однозначно. Это как раз тот случай, когда религиоведение не может обойтись «своими силами». Таким образом, за неимением самого пропонента в этом рассуждении вопрос «виснет».

Часто допускается «разумное» использование мифологем в «обращении» и агитации: это чуть ли не необходимо в полемике, поскольку миф позволяет упростить сложную и многообразную реальность конфессионального и тем более межконфессионального дискурса и сделать ее более понятной и доступной. Во-первых, таким образом осуществляется структурирование процесса выбора ценностных приоритетов, а также организационных предложений. Затем происходит деление их на более или менее четкие сегменты. События этого процесса, уложенные в мифологическую схему, просты и доступны всем. Миф позволяет связывать воедино различные события, создавая ощущение цельности и осмысленности происходящего, «опереть» новое событие на имеющийся опыт.

Этим, конечно, спешит воспользоваться манипулятор. Используя собственные или заимствованные мифы (возможно бродячие, но это тема отдельного исследования), он

настолько искусно работает с сознанием, что рядовому человеку часто практически невозможно прояснить правду.

Понятно, что цель заключается в том, чтобы отучить людей мыслить и рассуждать самостоятельно. Главная причина в следующем: в условиях современной глобальной тенденции к узкой специализации во всех сферах деятельности люди не в состоянии иметь свое мнение по всем проблемам, которые обрушивает на них современная действительность. Индивид же не может не иметь вообще никакого мнения, поскольку тогда он лишается возможности хотя бы объяснить те или иные факты реальности. Ему нужна определенная схема, в которую он может уложить разрозненные факты действительности. Поэтому в большинстве случаев человеку приходится заимствовать чужие модели.

Сам человек может не ощущать свою зависимость от внешних воздействий. М. Мамардашвили описал этот механизм следующим образом: «Человеческие поступки, деяния, диктуемые определенными намерениями, вливаются в общие сцепления и в общий контекст бытия, и свой смысл обретают или получают там, а не в голове совершающего поступок. В каждый данный момент времени, когда мы делаем что-то, мы совершаем зависимые поступки, которые лишь кажутся нам свободными, продиктованными нашими желаниями, а в действительности они вызваны натуральным ходом событий»². Это, по-видимому, является механизмом действия мифа, который «подключает» человека к коллективному опыту, предлагая личности раствориться. Человек уходит от собственно религиозного дискурса. Поступки, образ мысли, переживания становятся зависимы от коллективного бессознательного. Поэтому она становится легко управляемой с помощью мифа и начинает почти всецело зависеть от манипуляторов, которые данный миф эксплуатируют.

Наиболее остро зависимость человека от мифов наблюдается в период *обращения*. Если его сознание не защищено культурными и общественными стереотипами, то он становится легкой мишенью. Чтобы не попасть в ловушку опытных манипуляторов, необхо-

димо знать основные признаки мифологизации сознания. К ним можно отнести подмену понятий, неконтролируемость источника информации, абсолютизацию явления, тенденциозную выборку фактов, отождествление манипулятора и манипулируемого, использование эмоций вместо конкретных фактов и аргументов, концентрацию внимания на эфемерном, сенсационном без включения его в более широкий контекст, дробление политических явлений на отдельные, изолированные сегменты, неоднократные повторения недоказанного вывода как установленного факта, безальтернативность мнений, обеспечиваемую авторитетом «экспертов», аксиоматичность мировоззренческих конструкций.

Указанные признаки манипуляции сознанием имеют одну общую черту, опирающуюся на универсальное свойство познания: структура связей между реальными объектами религиозной действительности не совпадает со структурой модели реальности, возникающей в сознании индивида. Миф – это основной фактор, меняющий структуру модели сознания индивида, который служит универсальным орудием трансформации предпочтений человека.

Внедряя в массовое сознание потоки информации, СМИ может изменять предпочтения общества в выгодном направлении – *коммерциализации*, главного фактора, стимулирующего мифологизацию. Хорошим примером может служить подогревание апокалиптических настроений в свете последних событий на телевидении. В этом плане оно мало отличается от других социальных институтов, формирующих общественное мировоззрение: школ, университета. В то же время оно отличается от других институтов силой «эффекта присутствия», когда человек как бы «видел событие», возможностями «моделирования».

Человек может освобождаться от манипулирования только в поиске информации, будучи исследователем. Научная дисциплина позволяет почти автоматически преодолевать часть типичных методов манипуляции и дает шансы постепенно выявлять сущностно важную информацию, даже не получая доступа к

столь соблазнительной «закрытой информации», которой журналистские расследования привлекают зрителей»³.

Необходимо отметить, что современная ситуация в сфере информации имеет два существенных преимущества по сравнению с советской эпохой. Во-первых, она плюралистична. У общества есть определенная возможность сравнивать различные источники информации и подвергать их критическому анализу. «Манипуляция – это не насилие, а соблазн»⁴, – писал С.Г. Кара-Мурза. Никто не заставляет обывателя соблазняться.

Во-вторых, появились объективные возможности для развития *альтернативных* источников информации. Интернет и широкие возможности малотиражного копирования создают важные предпосылки для расширения *субкультур в конфессиональной среде*, в которых люди могут получать информацию и идеи, уже обработанные и систематизированные в соответствии с их потребностями и интересами.

Субкультурные тенденции в обществе во многом вызваны к жизни стремлением официальной культуры заполнить собой все поры социального организма. К субкультурам в конфессиональной среде относят, прежде всего, секты. Несмотря на жесткие меры, которые применяются к адептам «новых религий», многолетняя работа с культовыми объединениями не дает ощутимых результатов. Напротив, она вызывает «эффект бумеранга»: сторонники эксцентричных верований предстают «жертвами», «мучениками», «страдальцами». Возможно, именно тотальный рационализм вызывает такую ответную реакцию, а религиозный *модернизм* в свою очередь служит источником фундаментализма.

В то же время, несмотря на все вышеизложенное, на сегодняшний день сохраняются элементы «информационного тоталитаризма», целостной системы господства над сознанием общества с помощью манипуляции. Предпосылками формирования такой системы являются такие факторы, как совершенствование технических средств создания телевизионных миражей, хаотическое разложение рационально-логических связей при создании модели реальности, и, наконец, колоссальная мифологизация сознания обыва-

теля. Последний фактор проявляется в атомизации картины мира и приучает человека к произвольному складыванию из заранее заготовленных шаблонов определенной мифологической реальности.

Все вышеизложенные факторы проявляются в достаточно опасной тенденции, получившей широкое распространение в современной России, чрезмерной мифологизации сознания россиян. Как отмечает российский политолог А. Цуладзе, «...резко возрастает опасность использования мифов в целях узкой группы лиц, владеющей необходимыми для производства и распространения мифов ресурсами»⁵.

Полностью очистить религиозную жизнь от мифов невозможно в условиях информационной цивилизации, а снизить чрезмерную мифологизацию вполне можно и даже необходимо. Необходимость этого вызвана той опасностью, которую мифы могут нести для общества. В чем же она заключается?

Во-первых, воздействие околорелигиозных мифов на сознание людей разрушает логику социального мифа, который развивается на основе собственных закономерностей, и которые нельзя отменить. Любые мифы, направленные на кардинальную трансформацию естественных процессов, а околорелигиозные к таковым относятся, дезориентируют общество и тормозят его развитие.

Во-вторых, мифы деформируют сознание человека. Находящиеся во власти мифа люди не в состоянии дать адекватную оценку процессам, происходящим в межконфессиональной среде, а, следовательно, общество теряет значительную часть людей, способных сделать осознанный, рациональный выбор.

В-третьих, мифы, исходящие от представителей различных религиозных движений, а также в большей степени от сект, занимающих противоположные позиции по стратегическим и тактическим вопросам развития российского общества, ведут к конфронтации социальных сил, могут создать тупиковую ситуацию, а также вызвать общественный коллапс.

В-четвертых, наиболее устойчивые мифы воспроизводятся с учетом изменяющейся ситуации; часть мифов разрушается, появляются новые мифы, но в любом случае это не проходит бесследно для тех, кто эти мифы воспринял и усвоил. За разрушение мифов расплачиваются не те, кто их создал. «Разрушение... мифов само по себе не освобождает людей от их воздействия. Сознание может оставаться под властью уже разрушенного мифа... закрепощенное сознание может проявляться еще сильнее, чем влияние реально действующего мифа»⁶.

Существует целый ряд инструментов и методов для борьбы с излишней мифологизацией процесса выбора. Можно выделить, по крайней мере, три основных тактических метода демифологизации сознания: ужесточение законодательства и работы комиссий, регистрирующих религиозные объединения; увеличение контроля над СМИ и, естественно, повышение информированности граждан о религиозных процессах и институтах.

Если позволить процессу мифологизации массового сознания развиваться без конструктивного вмешательства в него, то это, в конечном счете, может способствовать дистанцированию конфессиональных институтов от общества и как следствие этого – дестабилизации социальной системы. Оградить массовое сознание от внедрения в него мифологем – задача довольно сложная. Ее эффективность зависит не только от усилий тех, кто осознает негативность мифологизированного воздействия, но и от отношения основной массы людей к мифам вообще.

Примечания

¹ Саратовская область показательна в отношении проблематики межконфессиональных отношений в России.

² Мамардашвили М. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С.76.

³ Шубин А.В. Средства массовой информации: информирование и манипулирование // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2002. С.200.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. С.64.

⁵ Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003. С.45.

⁶ Соловей Т. Русские мифы в современном контексте // www.tomlin.ru

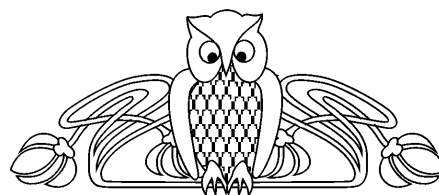

УДК 111+929 [Хайдеггер]

КРИТИКА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ БЫТИЯ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

В.Г. Косыхин

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья рассматривает проблему соотношения метафизического и онто-герменевтического понимания бытия в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Автор констатирует, что именно через критическое рассмотрение метафизических тезисов о бытии конституируются главные проблемы фундаментальной онтологии. Результатом хайдеггеровского исследования оказывается новая форма постановки вопроса о соотношении бытия и истины в контексте экспликации онтологической проблематики присутствия (Dasein).

The Critics of Metaphysical Understanding of Being In Fundamental Ontology of Martin Heidegger

V.G. Kosykhin

The article deals with the problem of relation between metaphysical and onto-hermeneutical understanding of being in fundamental ontology of Martin Heidegger. The author demonstrates that critical investigation of metaphysical theses about being constitutes the main problems of fundamental ontology. The result of Heidegger's investigation was a new form of posing a question about relation between being and truth in the context of explication of ontological problematic of presence (Dasein).

Согласно Хайдеггеру, та мысль, что пытаются мыслить истину бытия, уже с самого начала (я бы даже сказал, самой своей герменевтической разомкнутостью, обращенностью к опыту понимающей мысли) покидает сферу традиционной метафизической онтологии, представляя, в фундаментально-онтологическом смысле, в виде вопроса, исходящего из основания метафизики, но уже как вопрос о самом этом основании.

Из этого основополагающего вопроса вырастают четыре главные проблемы фундаментальной онтологии:

- а) проблема онтологической разницы бытия и сущего;
- б) проблема различия модусов бытия (проблема «артикуляции» внутри бытия);
- в) проблема возможных модификаций бытия в его бытийных способах;
- г) проблема истинностного характера бытия¹.

Прежде чем обратиться к детальному анализу этих проблем, следует уделить внимание факту привязки каждой из вышеупомянутых проблем фундаментальной онтологии к соответствующему из четырех тезисов о бытии в истории метафизики. Именно исходя из этих тезисов Хайдеггер видит возможность перехода к разбору основных проблем науки о бытии. В «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер представляет эти тезисы следующим образом:

«1. Тезис Канта: бытие не есть реальный предикат.

2. Восходящий к Аристотелю тезис средневековой онтологии (схоластики): к бытийному устройению сущего относятся что-бытие (essentia) и бытие в наличии (existentia).

3. Тезис онтологии Нового времени: основные способы бытия суть бытие природы (res extensa) и бытие духа (res cogitans).

4. Тезис логики в самом широком смысле: всякое сущее без ущерба для присущего ему способа быть позволяет говорить о себе посредством «есть»; бытие как копула².

Хайдеггер отмечает, что хотя эти тезисы на первый взгляд могут показаться подобными произвольным образом, тем не менее в результате их рассмотрения связь между ними оказывается налицо, и эта связь помогает поставить фундаментальный вопрос всей науки о бытии. Эта глубинная взаимосвязь между собой четырех тезисов о бытии выступает именно тогда, когда те анализируются в свете четырех привязанных к ним, вырастающих из них проблем фундаментальной онтологии. К постановке вопроса о бытии мы приближаемся через тщательный разбор каждой из вышеназванных проблем. Первой, главной из них является проблема онтологической разницы бытия и сущего. Эта проблема связана с известным тезисом

Канта из «Критики чистого разума», который в полном виде гласит следующее: «...*Бытие* не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе»³.

Анализируя этот тезис Канта, Хайдеггер видит в нем два высказывания: отрицательное, отказывающее бытию в характере реального предиката, и положительное, характеризующее бытие как «просто полагание»⁴. Отрицательную часть тезиса Кант весьма четко поясняет чуть дальше: «Итак, если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя ее), то от добавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не прибавляется. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии»⁵. Иными словами, говоря, что, например, это дерево есть, мы ничего тем самым не прибавляем к понятию дерева. Очевидно, что данная позиция Канта полностью совпадает с аристотелевским утверждением о том, что бытие вещи и сама вещь тождественны и составляют одно⁶. Как кажется, Кант испытывает некую неуверенность, так как абзацем ниже он говорит фактически прямо противоположное: «Итак, что бы и сколько бы ни содержало наше понятие предмета, мы во всяком случае должны выйти за его пределы, чтобы приписать предмету существование»⁷. Отметим, что Кант здесь абсолютно логичен и не противоречит сам себе: первое высказывание охватывает отрицательную сторону его тезиса о бытии, второе – положительную, так как «выходом за пределы понятия» оказывается лишь акт «просто полагания». Вместе с тем, сам факт того, что с точки зрения Канта, говоря, к примеру, «дерево есть», мы выходим за пределы понятия «дерева», может быть проинтерпретирован как кантовское понимание значимости того, что скрывается в этом «есть», пусть даже понимаемом как только предикат и только полагание. Ибо это «есть», и Кант это признает, все же заставляет нас покинуть территорию понятия, выйти за его пределы, вновь обратиться мыслью к значению этого «есть». Но если для Канта данные размышления были всего лишь второстепен-

ными, метафизически-очевидными примечаниями к интересовавшей его проблеме невозможности онтологического доказательства бытия Бога, то для Хайдеггера в них в явном виде присутствовала фундаментально-онтологическая проблема разницы бытия и сущего.

Поскольку онтология является наукой о бытии, а метафизика понимает бытие всегда и только как бытие сущего (в этом убеждают тезисы Аристотеля и Канта), то, согласно Хайдеггеру, метафизика в своем вопрошании о бытии остается на онтическом фундаменте (то есть бытие всегда как бытие сущего), не ставя собственно онтологического вопроса (о бытии как таковом), который еще должен быть поставлен. Проблема онтологической разницы бытия и сущего является для Хайдеггера *первой задачей* прояснения научного характера онтологии через «*удостоверение в ее онтическом фундаменте* и характеристика этой фундированности»⁸.

Этот показ осуществляется посредством обнаружения и развертывания оппозиции онтическое-онтологическое, где первому как метафизическому противопоставлено второе как феноменологическое (или фундаментально-онтологическое, так как для Хайдеггера периода «Бытия и времени» и «Основных проблем феноменологии» эти понятия равнозначны). Взгляд Хайдеггера на проблему онтологической разницы очень хорошо показан Фр.-В. фон Херрманном в работе «“Бытие и время” и “Основные проблемы феноменологии”»; характеристика Херрманна настолько исчерпывающа, что я просто ограничусь здесь обширной цитатой: «Фундаментальная онтология есть философская наука о бытии как таковом, а не о сущем как таковом. Бытие как таковое, однако, есть все же бытие сущего. Вместе с тем, само ни будучи ничем из сущего, бытие принципиально отлично от сущего. Поэтому мы и говорим о бытии самом по себе. В качестве бытия, отличного от сущего, оно так или иначе определяет сущее как сущее. Без бытия сущее как таковое не могло бы обнаружиться и быть понятным. Соответственно надо спросить, как надлежит воспринимать различие бытия и сущего, а затем как обосновать возможность этого различия. К понятийному прояснению различия бытия и сущего относится также и

определение того, каким образом, отличаясь от сущего, бытие все же относится к сущему, как оно позволяет сущему обнаружиться таким, каково оно есть. Лишь когда мы однозначно и отчетливо увидим различие бытия и сущего, мы сможем овладеть темой фундаментальной онтологии, бытием как таковым и в его смысле»⁹.

Прояснение онтологической разницы ставится Хайдеггером в зависимость от первоначального эксплицитного выведения смысла бытия, то есть показ того, «как экзистенциально-горизонтообразующая временность делает возможной различимость бытия и сущего»¹⁰.

Здесь не представляется возможным погрузиться в прямое исследование временных модусов бытия, так как исследование связанной с постановкой вопроса о бытии проблемы временности, времени, временения (*Zeitlichkeit*) увело бы нас слишком далеко от обсуждаемой темы. Вместе с тем стоит отметить, что именно исходя из присутствия (*Dasein*), временного характера присутствия и решается проблема онтологической разницы. Присутствие (*Dasein*) в осуществлении своей экзистенции, своего присутствования, вот-бытия (*Da-sein*) понимает бытие, исходя из этого понимания бытия вступает в отношение к сущему и познает, соответственно, это последнее в качестве такового. Различие бытия и сущего проявляется в самом ходе осуществления присутствием своей экзистенции, где оно, это различие, проясняется как обладающее бытийным характером присутствия (*Dasein*).

Вторая основная проблема фундаментальной онтологии, вырастающая из тезиса средневековой схоластики о бытийном различии *essentia* и *existentia*, затрагивает основополагающее членение внутри самого бытия сущего, относясь к самоартикуляции этого бытия. Она встает в ходе критической проработки тезиса восходящей к Аристотелю средневековой онтологии, гласящего, что к бытийной конституции любого сущего принадлежит «чтойность» (*essentia*) и наличие (существование) (*existentia*). Иначе говоря, как отмечает фон Херрманн, «средневековая онтология в своем учении о реальном различии, различии модусов или различии, существующем только в нашем разуме (*distinctio realis, modalis, rationis*), высказала тезис о

том, что каждому сущему присущи чтойность (*essentia*) и тот или иной способ бытия (*existentia*). Чтойность и наличие (действительное существование) понимаются при этом как бытийные черты сущего»¹¹.

Отмечая догматичность (на языке средневековья – непререкаемость, очевидность) этого положения о том, что к каждому сущему принадлежат «что» и род бытия (*Seinsart*), *essentia* и *existentia* как нечто самопонятное, Хайдеггер в «Основных проблемах феноменологии» задается вопросом: почему каждое сущее должно иметь и может иметь некое «что» и некий возможный способ быть? Принадлежат ли эти определенности *essentia* и *existentia* к самому бытию? «Артикулировано ли [само] бытие по своей сути при помощи этих определений? Тем самым мы стоим перед проблемой *глубинной артикуляции бытия*, т.е. перед вопросом о необходимой взаимной принадлежности *что-бытия* и *способа-быть*, а также *принадлежности того и другого в их единстве идеи бытия вообще*»¹². Эта принадлежность *essentia* и *existentia* в их единстве «к идее бытия вообще» (самому по себе бытию) превращает вопрос из онтического в онтологический, то есть вновь возвращает нас к первой проблеме фундаментальной онтологии – проблеме онтологической разницы, связывая тем самым два казалось бы разнородных метафизических тезиса о бытии в глубинном единстве проблематики.

Вообще говоря, все четыре главные проблемы фундаментальной онтологии (и соответственно, их разрешение) восходят и даже *сводятся* по сути дела к первой и главной, основополагающей проблеме онтологической разницы. Особое место этой проблемы среди других Хайдеггер обосновывает следующим образом: «Это различие вовсе не первое встречное, но именно то самое, посредством которого онтология, а вместе с ней и сама философия, впервые обретают свою тему. Мы обозначаем это различие как *онтологическую дифференцию*, т. е. как разведение (*Scheidung*) бытия и сущего»¹³.

Что касается рассматриваемого здесь второго тезиса метафизики о бытии, то он, с точки зрения Хайдеггера, подлежит спецификации и модификации, которые вовсе не противопоставляются артикуляции бытия

как таковой, но направлены против догматического утверждения, что для всего сущего характерен только один способ бытия (а именно: *existentia*), и что всякое сущее отличается от другого сущего лишь своей чтойностью (*essentia*), а не своим способом бытия. Тезис средневековой онтологии универсален: он подразумевает *всякое* сущее, включая человека. И здесь Хайдеггер обнаруживает возможность для фундаментально-онтологической (феноменологической) критики этого тезиса. Он выявляет, что *existentia* – это далеко не однообразный способ бытия сущего, так как подразумевает и сущее, чьим способом существования является бытийно-понимающее экзистирование. Человек, понятий в свете своего понимающего самоприсутствия (*Dasein*), в бытии существует, бытийствует несколько иначе, чем лишенная бытийно-понимающего экзистирования вещь. Как метко замечает фон Херрманн, «бытийный способ экзистенции предписывает для присутствия никоим образом не чтойность, а *чтойность*... Бытие присутствия никогда не артикулируется на *essentia* и *existentia*, оно расчленяется на экзистенцию и *чтойность*»¹⁴. То, что *existentia* не является единственным способом бытия сущего, видно не только из спецификации особого понимающе-экзистирующего сущего (*Dasein*), но и из модификации способов бытия *не*-понимающе-экзистирующего, то есть «вещного» сущего. Этих способов бытия Хайдеггер насчитывает четыре:

1) бытийный способ наличия в качестве «чтойности», т.е. собственно «бытие вещьности»;

2) бытийный способ наличия доступности этой «чтойности» для *Dasein*, т.е. собственно «бытие отнесенности»;

3) бытийный способ самостоятельной чтойности живого сущего – та чтойность, что непредставима ни как просто вещьность, ни как просто отнесенность;

4) способ бытия геометрических и арифметических соотношений, который, в отличие от трех предыдущих способов бытия сущего, не имеющего характера присутствия (*Dasein*), обладает качеством «постоянства» или «постоянности».

При всей сложности проблемы артикуляции внутри бытия, как подчеркивает Хай-

деггер в «Основных проблемах феноменологии», данная проблема «представляет собой один специальный вопрос, который касается онтологической дифференции вообще»¹⁵, и, следовательно, должна осмысляться именно исходя из первой и основной фундаментально-онтологической разницы бытия и сущего.

Третья основная проблема фундаментальной онтологии, проблема модификации бытия и единства его многообразия, тесно связана с вышеприведенным выявлением разнообразных бытийных способов наличия. Традиционно-метафизическое деление сущего на *res cogitans* (личность) и *res extensa* (вещь) руководствуется тем унифицирующе-всеохватывающим понятием бытия, которое отождествляет бытие с наличием. Однако фундаментально-онтологическое различие между способами бытия, присущими экзистенции и наличию, выявляет разницу между бытийной конституцией присутствия и бытийной конституцией сущего, не обладающего характером присутствия. Разница между этими двумя способами бытия может создавать впечатление их несхожести и несопоставимости, что ставит вопрос: а поддаются ли они вообще какому-то единому определению, исходящему из единства способов бытия? Фактически это есть вопрос о «единстве понятия бытия в связи с многообразием способов бытия»¹⁶.

Эта проблема касается также центрального тезиса новоевропейской, начинающейся с Декарта, онтологии, согласно которому бытие духа и бытие природы следует различать в качестве основных модусов бытия. Однако способ быть у всего сущего, с точки зрения новоевропейской метафизики, один и тот же. Следовательно, названное различие не есть различие способов бытия в строгом смысле, но лишь различие внутри чтойности сущего. Хайдеггер утверждает, что в круге чтойности сущего возможен лишь один способ бытия, которым и занята метафизика, а именно бытие как наличие. Фундаментально-онтологическая критика призвана выявить недостаточность такого понимания бытия. В ходе этой критики и ставится третья основная проблема фундаментальной онтологии, а именно: проблема возможных модификаций бытия и единства его многосложности. Эта проблема выступает в виде четырех основ-

ных вопросов: «Каковы основные способы бытия? В самом ли деле имеется некое многообразие таких способов? Как возможна множественность способов-быть и как ее можно понять, исходя из смысла бытия вообще? Как можно вопреки множественности способов-быть вообще говорить о едином понятии бытия?»¹⁷

Четвертая основная проблема фундаментальной онтологии, или проблема истинностного характера бытия, восходит еще к аристотелевской логике. В высказывании «S есть P», обладающим качеством быть либо истинным, либо ложным, имеется связка «есть». Истинность и ложность находятся в какой-то связи с бытием этой связки; именно через эту связку логике известна связь истины и бытия. Данная связь может служить отправной точкой для постановки фундаментально-онтологической проблемы, относящейся к истинностному характеру бытия как такового. Как отмечает фон Херрманн, «выявление, осуществляемое предикативным высказыванием, есть предикативное раскрытие сущего, которое как таковое опирается на допредикативное, первичное раскрытие этого сущего. Истинность высказывания есть предикативная истина, коренящаяся в допредикативной истине сущего, т.е. в его допредикативной обнаруженности. Допредикативное раскрытие сущего коренится со своей стороны в понимании бытия сущего, подлежащего раскрытию»¹⁸. Хайдеггер делает вывод о сущности соотносительности бытия и истины. То, как решается проблема истины в метафизике, то, как метафизика относится к истине, связано с отношением метафизики к самому бытию. «Бытие “дано” только в специфической разомкнутости, которая характерна для понимания бытия. Но разомкнутость чего-то мы называем истиной. Это и есть подлинное понятие истины, черты которого стали вырисовываться уже в античности. Бытие имеется только тогда, когда есть разомкнутость, т.е. когда есть истина»¹⁹. Заря понятия истины, как это следует из данного высказывания Хайдеггера, есть античность, причем античность еще до-сократическая, в противоположность античности метафизической. На это указывает понимание истины как разомкнутости, несокрытости, ἀληθεια. Но это именно та разомкнутость, которая

размыкает двойное кольцо метафизической герметичности. Данная разомкнутость бытия, принадлежащая к экзистенции присутствия, то есть вы-ступанию Da-sein, делает возможным первичное раскрытие сущего, обнаруживающее истинность этого сущего.

Четвертая проблема фундаментальной онтологии впервые со всей очевидностью вплотную приводит нас к проблематике присутствия (Dasein). Именно представлением Dasein в «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер считает нужным завершить экспозицию четырех названных проблем, обсуждавшихся выше: «А истина есть лишь тогда, когда существует (экзистирует) такое сущее, которое распаивает и размыкает, причем так, что само размыкание принадлежит способу бытия этого сущего. Таковое сущее есть мы сами. Dasein само экзистирует в истине. Dasein существенным образом принадлежит некий распаивнутый мир и заодно с ним распаивнутость самого Dasein. Dasein в соответствии с сущностью своей экзистенции есть «в» истине ... Бытие дано только тогда, когда истина – т.е. когда Dasein – экзистирует»²⁰. Логика Хайдеггера в экспликации проблематики присутствия (или вот-бытия (Dasein)) проста и последовательна: через критику метафизического положения о existentia как единственном способе бытия сущего выявляется особый, отличный от бытия «вещного» сущего способ бытия «понимающе-экзистирующего сущего» (Dasein), которое «есть мы сами». Dasein укоренено в истине как размыкании, более того, сама истина присутствует только через экзистирование (здесь этот термин можно употребить в значении «выхода-к-пониманию») Dasein, да и, как сказано в вышеприведенной цитате, само бытие, присутствие бытия зависит от присутствия Dasein.

Вопрос о бытии перерастает в вопрос о Dasein, вот-бытии, по мысли Хайдеггера, изначально скрывающемся в метафизической тени existential, и вывод которого на свет является главной задачей фундаментальной онтологии. Следовательно, именно через анализ Dasein можно герменевтически раскрыть, восстановить терминологическую жизнь понятия «бытие». Но Dasein – это мы сами. Если так, то вопрос стоит о нас самих. Ведь в нас сокрыто и именно через нас

должно раскрыться само бытие в своей истине. Именно человек как *Dasein*, понимающее присутствие вот здесь и сейчас, способен задать вопросом о той истине своего бытия, которая раскрывается через понимающее присутствие (*Dasein*) и в этом самом понимающем присутствии.

Примечания

¹ См.: Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С.22–23.

² Там же. С.18.

³ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С.361–362.

⁴ См.: Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.363.

⁵ Кант И. Указ. соч. С.362.

⁶ См.: Аристотель. Метафизика, VII в, 1032а.

⁷ Кант И. Указ. соч. С.363.

⁸ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.24.

⁹ Херрманн Фр.-В. фон. «Бытие и время» и «Основные проблемы феноменологии» // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С.74.

¹⁰ Там же. С.75.

¹¹ Там же. С.76.

¹² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.21.

¹³ Там же. С.20.

¹⁴ Херрманн Фр.-В. фон. Указ. соч. С.77.

¹⁵ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.159.

¹⁶ Там же. С.233.

¹⁷ Там же. С.22.

¹⁸ Херрманн Фр.-В. фон. Указ. соч. С.79.

¹⁹ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.22.

²⁰ Там же.

УДК 141.78:17

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ У.ЭКО

С.М. Малкина

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

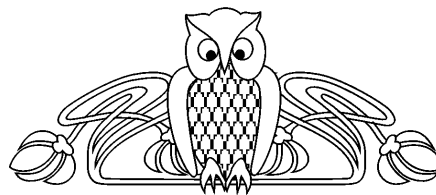
Статья посвящена анализу проблемы текста в структурализме и постструктурализме, ее реализации в творчестве У. Эко на примере его художественных и научных работ. Показывается, что концепция «открытого произведения» и основные художественные принципы Эко совпадают с общей концепцией «мира как текста» в постструктурализме. В статье сравниваются данная концепция и этические позиции Эко, и делается вывод об их взаимосвязи, что говорит об определенной этической нагруженности понятия текстовой реальности.

The Ethic Aspects of the Problem of Text in U. Eco's Works

S.M. Malkina

The article is dedicated to the analysis of the problem of text in structuralism and post-structuralism, and to its realization in U. Eco's fiction and scientific works. It is demonstrated that Eco's conception of "open work" and his main artistic principles coincide with the general post-structural conception of "the world as the text". In the article this conception and Eco's ethic positions are compared, and the conclusion about their correlation is made. It implies the certain ethic commitment of the notion of textual reality.

Цель данной статьи – не столько анализ текста как теоретического концепта из области семиологии, сколько взгляд на его практическую и, в частности, этическую со-

ставляющую. Это особенно важно, поскольку фигура У.Эко им самим соотносится с культурой постмодерна, которая с расхожей точки зрения как раз и теряет какое бы то ни было измерение морали.

Проблема текста возникает в философии, литературе и культурологии XX в. в ряде направлений, но в первую очередь – под влиянием работ структуралистов, опирающихся на достижения в области лингвистики и семиологии, и постструктурализма, переосмысляющего концепцию текста и трактующего его уже не как систему, но производство знаков. И здесь не последние роли играют такие теоретики культуры, как Жак Деррида, Юлия Кристева, Ролан Барт и, конечно же, Умберто Эко.

В работе «О грамматологии» Ж. Деррида пишет: «Внетекстовой реальности вообще не существует» («Il n'y a pas de hors-texte»)¹. Вся реальность, по его мнению, вписана в текст, записана в тексте, может быть интер-

претерпевает как текст: «Мы уже более не можем столь легковёрно полагать, что мы исходим из самих вещей, обходя “тексты”, просто уклоняясь от цитирования и от появления видимости “комментирования”. По видимости, прямейшие, самым прямым способом имеющие конкретную, личную и якобы непосредственную хватку на “сами вещи” сочинения существуют “в кредит”: подверженные авторитету комментария или повторного издания, которые они сами не способны прочесть»².

Наиболее четкое выражение понятие текста нашло в работе Р. Барта «От произведения к тексту», чью концепцию можно считать исходной в постструктуралистском движении в целом³, хотя основные идеи отстаиваются так или иначе всеми названными мыслителями. В частности, Р. Барт выделяет семь признаков текста в отличие от традиционно понимаемого произведения.

1. В отличие от произведения, являющегося вещественным фрагментом (например, книгой), *текст* – это поле методологических операций. В работе «Структурализм как деятельность» Барт отмечает, что отличительной чертой структурализма от всех остальных способов анализа является то, что его цель связана с его техникой: результатом оказывается сам проделанный анализом путь надления объекты смыслом, а не сам смысл⁴. Сходных позиций придерживается и Ю. Кристева: «Наша работа – не исследование законченных структур, а структуризация как аппарат, который продуцирует и трансформирует кванты смыслов, прежде чем эти смыслы станут законченными и пойдут в ход»⁵. Само понятие текста здесь подразумевает не столько написанные слова и предложения, сколько *читаемый* текст. Чтение же понимается как трансформативное: «Текст ощущается только в процессе работы, производства»⁶. Отсюда следует понимание текста не как застывшего, а как находящегося в движении.

2. *Текст не относится к какому-либо жанру*, а соответственно ему неизвестно деление на «художественную», «бульварную» или «научную» литературу. Текст «взламывает» и размывает жанры, уравнивая в правах все тексты и составляя их в единый текст.

3. Произведение и текст представляют собой различные знаковые системы. Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому. Это означаемое может быть как явным (тогда его изучает филология), либо тайным, глубинным, скрытым (тогда произведение нуждается в интерпретации). В противовес этому *в тексте означаемое бесконечно откладывается на будущее*. Здесь нет места означаемому, но не столько потому, что оно всегда выступает под маской означающего, сколько потому, что логика текста зиждется на *игре*. Игра – это порождение означающего в поле текста, «причем не органически, путем вызревания, и не герменевтически, путем углубления в смысл, но посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов»⁷.

Как следствие логика текста строится не на понимании как выяснении, «что значит» произведение, а на метонимии, т.е. в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов. В связи с этим возникает проблема соотношения значения и контекста, являющаяся одной из ключевых для герменевтики. Деррида заявляет: «Моя исходная позиция такова: никакой смысл не может быть определен вне контекста, но никакой контекст не исчерпывает значения. То, на что я здесь указываю, не является богатством субстанции, семантическим избытком, но скорее структурой, структурой следа или повторения»⁸.

4. *Тексту присуща множественность*, которая реализуется на двух уровнях: смысловом и структурном:

– смысловая множественность подразумевает два момента. Во-первых, отсутствие единого смысла текста, во-вторых, смысловая множественность означает, что у него не просто несколько смыслов, но что множественность смыслов является в нем принципиально неустранимой: «В Тексте нет мирного сосуществования смыслов – Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла»⁹. Такая множественность прочтений не означает двусмысленности составляющих текст элементов. Просто смыслы текста рас-

ходятся по разным направлениям, составляя «пространственную многолинейность»¹⁰ текста, образуя *дифракцию смысла*;

– структурная множественность текста выражается в *интертекстуальности*. Составляющие структуру текста представляют собой цитаты (скрытые и явные), отсылки, аллюзии: «Все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию»¹¹. Текст является «пермутацией текстов», ибо он выступает как интертекстуальность: в пространстве текста напластовываются и интерферируются многие высказывания, пришедшие из других текстов¹². Интертекстуальная поэтика особенно развивается на фазе постструктурализма, стремящегося выявить «мозаику цитат», диалогичность текстов в каждом произведении.

Таким образом, можно сказать, что всякий текст – это, так сказать, между-текст (*inter-text*) по отношению к какому-то другому тексту, но это ничего не говорит о происхождении текста. В отличие от произведения в тексте невозможны заковыченные цитаты, отсылающие к конкретному произведению или автору. Означающие множатся, уже не опираясь на фиксированное означаемое, поэтому цитаты представляют собой бесконечные отсылки, движение по которым может осуществляться бесконечно. Этим текст принципиально отличается от произведения: «Основу текста составляет не его внутренняя закрытая структура, поддающаяся объективному изучению, а его “выход” в другие тексты, другие коды, другие знаки»¹³.

Понимаемая таким образом проблема отсылок приводит к проблеме авторства, которая формулирует следующую характерную особенность текста.

5. *Текст*, в отличие от произведения, *не имеет Автора*. Автор начинает пониматься не как некий субстанциональный элемент, а как «эффект» письма: «“Субъекта” письма не существует, если под ним мы подразумеваем некое суверенное одиночество писателя. Субъект письма – это *система* отношений между различными слоями: слоями магического блока, психического общества, мира»¹⁴.

Как показывает исторический экскурс, фигура Автора как таковая была изобретена только в Новое время под влиянием культа индивидуальности, «человеческой личности». До этого (примитивные народы, средние века) рассказчики выступали только как исполнители, но не как создатели текстов.

Удаление автора означает переосмысление временной перспективы текста. Для тех, кто верит в автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге. Что же касается современного *скриптора* (термин Барта, означающего фигуру пишущего в ситуации отсутствия автора), то он рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия *до* и *вне* письма, поэтому текст не имеет прошлого, он всегда пишется *здесь* и *сейчас*. Если фигура автора и появляется в тексте, то только на правах одного из персонажей.

Осмысление текста как системы отсылок, референций и бесконечных цитаций приводит к переосмыслению понятия *цельности* текста: «...Сама литература есть не что иное, как единый и единственный текст: индивидуальный текст вовсе не дает доступа (индуктивного) к определенной Модели, он служит одним из входов в разветвленную систему с множеством подобных входов; воспользоваться этим входом значит увидеть вдали не узаконенную структуру норм и отклонений от них, не нарративный или поэтический Закон, но целую перспективу (обрывки чьих-то речей, голоса, доносящиеся из недр других текстов и других кодов) с убегающим, отступающим, таинственно распахантым горизонтом: всякий текст (единичный) есть воплощенная теория (а не простая иллюстрация) этого убегания, этого бесконечного возобновляемого и никогда не изглаживающегося “различения”»¹⁵.

Постструктурализм вообще переосмысливает понятие *цельности* текста. Текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, а *читатель*. Барт провозглашает не только смерть автора, но и рождение читателя: «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до еди-

ной цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении»¹⁶.

В этих условиях совершенно напрасными становятся любые притязания на «расшифровку» текста. Наличие у текста автора означало ограничение смысла текста одним значением, замыкание письма: если «реконструирован» автор, то значит, что текст «объяснен». Текст без автора, напротив, становится многомерным и многомысловым: его можно проследить во всех его повторах и на всех его уровнях, но невозможно достичь дна, «пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла»¹⁷.

Поскольку текст больше не имеет происхождения, то он больше не является *растущим организмом*, а становится *сетью*. Поэтому если текст и распространяется, то в результате комбинирования и систематической организации элементов. В тексте, следовательно, не требуется «уважать» никакую органическую цельность; его можно *дробить*, можно читать, не принимая в расчет замысел автора. Главное назначение текста – «увернуться» от власти, не стать стереотипом, не превратиться в пропаганду чего-либо неизменного, подавляющего текстовую игру.

6. Произведение обычно является предметом потребления. Различие между книгами определяется, как правило, «качеством» произведения, а не тем способом, каким оно читается.

Чтение текста противостоит потреблению. *Текст* нередко *сопротивляется* «потребительскому» чтению уже своей неудобочитаемостью (хотя так можно читать любой текст). Чтение текста – это игра, работа, производство, практическая деятельность читателя. Читатель выступает сотворцом текста.

Это приводит, по мысли Барта, к сокращению дистанции между чтением и письмом, читателем и текстом. Чтение превращается из потребления в «игру с текстом»: «Слово “игра” следует здесь понимать во всей своей многозначности. *Играет* сам текст..., и читатель тоже играет, причем двояко; он играет в *Текст* (как в игру), ищет

такую форму практики, в которой бы он воспроизводился, но, чтобы практика эта не свелась к пассивному внутреннему *мимесису* (а сопротивление подобной операции как раз и составляет существо Текста), он еще и *играет Текст*»¹⁸. Словом, текст требует от читателя деятельного сотрудничества.

7. Итогом такого понимания текста является особое удовольствие, которое читатель испытывает от его чтения. Некоторые произведения могут доставить удовольствие при чтении, но это удовольствие будет потребительским, ограниченным, ведь их чтение сопровождается осознанием невозможности их переписать. Это отчуждающее осознание, портящее удовольствие от чтения, не свойственно чтению текста. Ведь чтение текста – процесс сотворчества, когда читатель сам творит текст, в этом и состоит специфическое удовольствие от текста. Любая интерпретация и любое прочтение создают как бы свой собственный текст, который «пишется» по-новому в каждом случае.

Итак, очертив общие характеристики того, что понимается в данном направлении под «текстом», рассмотрим теперь то, как эти принципы «текстуальной онтологии», «мира как текста» воплощаются у Умберто Эко. В своих романах Эко демонстрирует онтологию текста, реальность, которая дается сквозь призму текста, которая сама есть текст, тклет его. К ним мы и обратимся, но не с литературной точки зрения, а с точки зрения воплощения текстовой реальности как она представлена в постструктурализме.

Два лучших романа У. Эко – «Имя розы» и «Маятник Фуко» – представляют собой художественное воплощение текстовой реальности. В первом из них место действия – это библиотека, законы которой структурируют всю окружающую реальность. Мир романа – это лабиринт библиотеки, выход из которого, если он есть, может быть найден по определенным знакам – текстовым ориентирам. Главными действующими «лицами» являются не люди, а книги и их интерпретации, одни из которых объявляются еретическими, а другие догматическими. Эко сам указывает на то, что это именно текст, а не произведение, уже в названии «Имя розы», на первый взгляд не говорящем ни о чем и не связанном с романом. В «Заметках на полях

Имени розы» Эко – тоже текстовыми цитатами, а не от первого лица – замечает, что у Абеляра пример *nulla rosa est* использован для доказательства, что язык способен описывать и исчезнувшие, и несуществующие вещи, а у Бернарда к традиционному топосу (великие мужи, пышные города, прекрасные принцессы – все превратится в ничто) добавлена еще одна мысль: что от исчезнувших вещей остаются пустые имена¹⁹. Таким образом, уже название косвенно указывает на то, что именно имена и тексты и являются действующими лицами романа, имена, которые не претендуют на описание реальности, тексты, разыгрывающие драму между собой.

«Маятник Фуко» представляет собой текст, который постепенно становится реальностью, деформирует ее, причем так, что между текстом и так называемой «внетекстовой реальностью» нельзя провести демаркационную черту: сочиняемый текстуальный интеллектуальный План настолько хорошо встраивается в общую текстуальную традицию и логику фанатиков-эзотериков, что воспринимается «одержимцами» за реальный, и они начинают действовать в соответствии с этим. В результате реальность действительно начинает соответствовать Плану, так что к концу романа их уже нельзя разединить, найти что-либо внетекстуальное, что могло бы вывести героев из рокового действия придуманного ими Плана²⁰. Эта текстовая реальность обладает всей полнотой существования, подтверждением чего является катастрофическое завершение (хотя, конечно, и не носящее однозначный характер).

Примечательно, что в обоих романах фигурами-разрушителями становятся те, кто жаждет истинной реальности, которая для них просвечивает сквозь призму текстов, ищут подлинного бытия (Хорхе в «Имени розы» и одержимцы в «Маятнике Фуко»). Эко показывает, что это стремление к подлинному бытию, к истине вовсе не так уж безобидно и зачастую оборачивается ужасными последствиями: «В этом лице, иссушенном ненавистью к философии, я впервые в жизни увидел лик Антихриста. Он не из племени Иудина идет, как считают его провозвестники, и не из дальней страны. Антихрист способен родиться из того же благочестия, из той же любви к Господу, однако

чрезмерной. Из любви к истине. Как еретик рождается из святого, а бесноватый – из провидца. Бойся, Адсон, пророков и тех, кто расположен отдать жизнь за истину. Обычно они вместе со своей отдают жизни многих других. Иногда – еще до того, как отдать свою. А иногда – вместо того чтоб отдать свою»²¹, – заявляет словами Вильгельма Баскервильского писатель.

Таким образом, фанатизм рождается, как показывает Эко, из самых благородных устремлений, из монопольных представлений об истине. Такой монополизм (благородный монополизм!) во всех сферах культуры другой теоретик проблемы текста, представитель деконструктивизма Ж. Деррида, исследует под названием «логоцентризма». Логоцентризм – это структуризация смыслов философии и культуры вокруг какого-либо центрального понятия и символа, которые обладают всей полнотой истины и бытия. Именно это образование, с точки зрения Деррида, является господствующим в западной философии и культуре на протяжении всей ее истории. Центрообразующей единицей может быть Бог, идея, субстанция и т.п., названия могут меняться, однако общее положение дел всегда остается: одно что-то объявляется подлинным бытием, а все остальное подчиняется так или иначе ему. Эко показывает, что благие намерения логоцентризма на деле обращаются все разрушающим авторитаризмом. И именно этому монополизму-логоцентризму и пытается противопоставить У.Эко постмодернистские стратегии обращения с текстом.

Мы выделим лишь несколько моментов для иллюстрации этих деконструктивистских текстуальных стратегий Эко, чтобы посмотреть, к чему они приводят, если приводят, читателя. Все вместе они составляют то, что Эко называет, используя термин Пуссёра, *открытое произведение*. Его поэтика состоит в том, чтобы подталкивать его истолкователя к «осознанно свободным действиям», делать его активным средоточием совокупности неисчислимых связей, среди которых он воссоздает свою собственную форму, не ощущая давления той *необходимости*, которая навязывает ему вполне определенные способы организации воспринимаемого произведения²².

Во-первых, Эко выбирает название, которое не фокусирует действие вокруг какого-либо персонажа, события или сюжетной линии, в отличие от традиционных названий произведений, в которых уже заключается ключ к их интерпретации. Это название, которое само представляет собой загадку, роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет, и единственный «ключ», который здесь содержится, – это апофатическое указание на отсутствие единственного правильного прочтения, интерпретации текста, отсутствие единственной всеобъясняющей разгадки.

Во-вторых, сам Эко старается следовать бартовской концепции о «смерти автора». Автор – это не носитель права собственности на единственно возможное «правильное прочтение» книги. Эко показывает, что даже само выражение о том, что «задумал» автор в произведении, бессмысленно в свете теории бессознательного, где то, о чем мы «думаем», перестает быть существенным. Эко старается поместить себя в то место, о котором говорит Ж. Деррида в своей работе «Сила и значение», не-место, пространство молчания, а не желания-сказать, которое только и «может вдохновить», т.е. *работать* и затем заставить работать»²³. Эко пишет: «Я не говорю, что какие-то прочтения не могут казаться автору ошибочными. Но все равно он обязан молчать <...> Текст перед вами и порождает собственные смыслы»²⁴, или: «Ничего не могу объяснить, хоть и понимаю, что тут зарыт некий смысл (а может быть, несколько). Автору следовало бы умереть, закончив книгу, чтобы не становиться на пути текста»²⁵. Ошибочное прочтение – это тоже вариант прочтения, как мы видим из расследования Вильгельма, который, «исходя из ошибочных порядков», все-таки что-то нашел: «И замысла не было, и открыл я его по ошибке», – парадоксально заключает Вильгельм²⁶.

В-третьих, самой бросающейся в глаза чертой романов Эко является интертекстуальность. Эко подходит к этому феномену не как к оригинальному приему, который необходимо воплотить в романе с поэтической точки зрения. Эко не считает, что интертекстуальность – изобретение постструктурализма. Как и положено с позиций интертекстуальности, он вычитывает указания на этот

феномен в других текстах. Он пишет, что ему «открылось то, что писатели знали всегда и всегда твердили нам: что во всех книгах говорится о других книгах, что всякая история пересказывает историю уже рассказанную. Это знал Гомер, это знал Ариосто, не говоря о Рабле или Сервантесе»²⁷. И роман представляет собой бесконечные аллюзии и цитаты, большей частью из средневековых текстов (а те, в свою очередь – из античных и библейских текстов), но не только²⁸.

В-четвертых, текст – это пространство не монолога, а диалога. Эко отмечает, что можно говорить о нескольких диалогах в тексте: «По окончании любой работы завязывается диалог между произведением и публикой. Автор из него исключается. А пока работа еще не кончена, ведутся два других диалога. Во-первых, между создаваемым текстом и остальными, ранее созданными текстами (каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг). И, во-вторых, диалог автора с идеальным читателем»²⁹. Итак, так же как и у Барта, смерть Автора означает рождение читателя.

В-пятых, это самодеконструирующийся сюжет. В «Имени розы» Вильгельм говорит, что и «замысла не было, и открыл я его по ошибке». А в «Маятнике Фуко» невозможно утверждать, создали или открыли План герои книги. Это лента Мебиуса, которая утверждает и себя, и свое собственное отрицание.

Таким образом, Эко противопоставляет поэтику открытого произведения, текстовой реальности, провоцирующей читателя на свободное творчество, стимулирующей «личный мир истолкователя, заставляя его отыскивать в глубине себя самого сокровенный ответ, родившийся из таинственных смысловых созвучий»³⁰, традиционному произведению, которое он сравнивает с порядком имперского и теократического общества, а правила его прочтения – с правилами авторитарного правления, которые направляют человека в каждом его действии, определяя цели и наделяя средствами для их достижения³¹. На смену миру, упорядоченному в соответствии с общепризнанными законами, приходит мир, основанный на неоднозначности, как в отрицательном смысле (отсутствие каких-либо ориентиров), так и в положи-

тельном смысле (постоянный пересмотр имеющихся ценностей и непреложных истин). Открытость текста – это открытость дискуссии, ставящей проблемы и требующей их разрешения самим читателем. Это видение мира в его первоизданной возможности, которая предшествует всякой искусственной стабилизации, обусловленной привычным, устоявшимся взглядом на него. Текстуальные стратегии – это не вопрос прочтения, а вопрос этики, поведения в этом по-иному организованном мире.

В «Маятнике Фуко» Эко выводит тему этической нагруженности проблемы текста в маниакальности одержимцев, пытающихся докопаться до последней истины, заложенной в тексте, и готовых ради этого пожертвовать всем, вплоть до жизни другого. И их невозможно в этом переубедить. Это не вопрос знания. Это вопрос одержимости. Этой одержимости Эко противопоставляет плюрализм текста, в котором структура может быть только отсутствующей³² (что противопоставляется строгой центрации вокруг единого смысла монологического логоцентризма), а мудрость проявляется не в каком-либо конкретном знании, ради которого нужно пожертвовать всем, а в неприсутствии. Одержимые той или иной идеей – ее рабы, они не могут и не хотят критически осмыслить ее, они не свободны. Более того, они боятся свободы как того, что может разрушить смысловой центр их собственного бытия.

Эко говорит словами Вильгельма: «Хорхе боялся второй книги Аристотеля потому, что она, вероятно, учила преобразовать любую истину, дабы не становиться рабами собственных убеждений. Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, – учить смеяться над истиной, *учить смеяться саму истину*, так как единственная твердая истина – что надо освободиться от нездоровой страсти к истине»³³.

Эта «нездоровая страсть к истине» как раз и составляет основу выхода в этическую проблематику, ведь любая страсть является источником того или иного поведения. И, как это ни парадоксально на первый взгляд, мы находим продолжение данной тематики в анализе проблемы фашизма у Эко. В своем сборнике работ, посвященном проблемам этики³⁴, Эко приводит 14 типических харак-

теристик Ур-фашизма (или Вечного Фашизма) – того архетипа, с которым ассоциируется не только итальянская националистическая партия, но и многие другие политические и культурные феномены XX столетия. И заканчивая анализ данного явления, Эко заключает: Ур-фашизм до сих пор около нас, иногда он ходит в штатском. Он скорее всего больше не появится как дословное повторение Освенцима, но это не значит, что он не действует под другими именами в других культурных контекстах. «Наш долг, – заявляет Эко, – выявлять его сущность и указывать на новые его формы, каждый день, в любой точке земного шара... Свобода и Освобождение – наша работа. Она не кончается никогда»³⁵.

В связи с этим логично поставить вопрос: как данная этическая проблематика фашизма может проявляться в свете теории текста? Хотя Эко выявляет 14 характеристик «вечного фашизма», он отмечает, что достаточно наличия даже одной, чтобы начинал формироваться фашизм. Поэтому мы обратимся к наиболее ярким проявлениям этих признаков и тем текстуальным стратегиям, которые у Эко противостоят им.

Во-первых, одной из черт Ур-фашизма Эко называет ценности традиционализма и синкретизма. В данном случае это представление о том, что истина уже провозглашена раз и навсегда, она проявляется в различных формах, остается только истолковывать ее. Как мы видели, текстуальное пространство всеми средствами противодействует монологическому пониманию истины.

Во-вторых, фашизм отличает культ действия ради действия, подозрительность к интеллектуальному миру. Эко вспоминает и знаменитые лозунги Геббельса относительно культуры, и вообще обвинение либеральной интеллигенции в том, что она отходит от вековых ценностей. Эти обвинения выявляют боязнь нового, иного, критики и других мнений, которые могли бы поставить под сомнение нерушимость позиции центральной идеи. Текст же не имеет центральной идеи, единого смысла и наоборот может быть явлен только через плюрализм мнений, не сводимый к чему-то единому. Текст не боится критики, а напротив, строится из сшибки зачастую противоположных тем, смыслов и культурных традиций.

Таким образом, мы видим, что анализ фашизма показывает во многом фундированность позиции тех, кто подвержен «нездоровой страстью к истине», в пространстве ценностей «вечного фашизма». Несмотря на то, что традиционно одних принято оценивать более-менее положительно как фанатиков подлинного бытия, а других – оценивать негативно как противников гуманизма, и те и другие в принципе – проявления одного и того же логоцентризма. И текстуальная онтология, создаваемая Эко – это не интеллектуальная герменевтическая игрушка тех, кто пытается бежать от «реальности», а определенная этическая жизненная стратегия, призванная в том числе противостоять этому феномену и освободить человека в русле «переоценки всех ценностей».

Эко говорит не просто о тексте как произведении, которое мы читаем и которое к нам никак не относится. Текстовая реальность – это та реальность, в которой находит себя современный человек, хочет он того или нет, относящийся к своему бытию сквозь призму тех или иных текстов. Среди обилия текстов простота непосредственности уже невозможна, она сама уже становится только знаком, отсылающим к чему-то иному. Поэтому единственный возможный путь – это научиться существовать в мире текста так, чтобы он сохранял свой открытый характер. Здесь речь идет не только и не столько о процессе интерпретации тех или иных традиционных текстов – проблема сама по себе важная и интересная, – но еще и главным образом об отношении к своей собственной жизни как пространству текста, который не имеет заранее заданного смысла и не должен сводиться только к одной логике интерпретации. Такой ригористической позиции Эко противопоставляет плюрализм интерпретаций, которые, накладываясь друг на друга, создают то пространство, в котором возможны диалог, терпимость и взаимопонимание и подлинный гуманизм.

Примечания

¹ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С.313.

² Цит. по: Штегмайер В. Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб., 1999. С.89.

³ Грякалов А.А. Структурализм в эстетике: критический анализ. Л., С.117.

⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С.256.

⁵ Kristeva J. Probleme der Textstrukturierung // Literaturwissenschaft und Linguistik. Frankfurt am Main, 1971. Bd.II/2. S.485.

⁶ Барт Р. Избранные работы. С.415.

⁷ Там же. С.417.

⁸ Derrida J. Living On: Border Lines // Deconstruction and Criticism / Ed. Geoffrey Hartman. L., 1979. P.81.

⁹ Барт Р. Избранные работы. С.417.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.418.

¹² Kristeva J. Probleme der Textstrukturierung. S.486.

¹³ Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / Сост. И.Р. Гальперич. М., 1980. С.309.

¹⁴ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С.361.

¹⁵ Барт Р. S/Z. М., 1994. С.22–23.

¹⁶ Барт Р. Избранные работы. С.390.

¹⁷ Там же. С.389–390.

¹⁸ Там же. С.421.

¹⁹ См.: Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М., 1997. С.597–598.

²⁰ Главный герой пытается, правда, в конце такой выход увидеть в своем будущем ребенке, хотя этот вариант остается только вариантом.

²¹ Эко У. Имя розы. СПб., 2004. С.618.

²² См.: Эко У. Открытое произведение. СПб., 2006. С.71–72.

²³ Деррида Ж. Письмо и различие. С.16.

²⁴ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». С.598–599.

²⁵ Там же. С.600.

²⁶ Эко У. Имя розы. СПб., 2005. С.618–619.

²⁷ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». С.608.

²⁸ Подробнее об этом см.: Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 2005; Эко У. Словарь «Маятника Фуко». СПб., 2002.

²⁹ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М., 1997. С.624.

³⁰ Эко У. Открытое произведение. С.71.

³¹ Там же. С.72–75.

³² См.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. 432 с.

³³ Эко У. Имя розы. С.618.

³⁴ Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005.

³⁵ Там же. С.80.

УДК 001:1:004.4

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ПУТЬ К ДИАЛОГУ И ИНТЕГРАЦИИ

Р.В. Маслов, С.П. Позднева

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
E-mail: maslovrv@sgu.ru

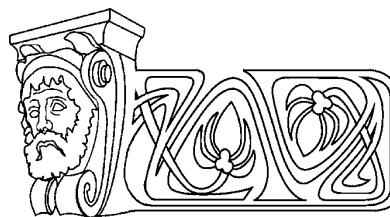
Компьютеризация дает реальную возможность преодоления разрыва между двумя культурами: естествознанием и точными науками, с одной стороны, и гуманитарными – с другой. «Размывая» границы между обособленными культурами, она способствует становлению нового стиля мышления, очерчивает контуры науки будущего.

Computerization of Science as a Way to the Dialog and the Integration

R.V. Maslov, S.P. Pozdneva

Computerization of science gives the real possibility overload the break between two kinds of cultures: natural, so called «precise» sciences, on one hand, and humanitarian sciences, on another. «Washing away» the edges between local cultures, computerization furthers new style of thinking genesis, and marks future science contours.

XXI век по праву называют веком электроники и информатики, веком новой информационной революции. Первая, как известно, была связана с изобретением языка, вторая – письменности, третья – с книгопечатанием, четвертая – с созданием электронных средств информации, и новая, пятая – компьютерная революция – с изобретением микропроцессора и машинных носителей, хранящих информацию. Компьютерная революция характеризуется стремительными темпами проникновения практически во все сферы человеческой деятельности – производство, управление, науку, медицину, военную технику. Отличительный признак компьютерной революции состоит в бурном развитии вычислительной техники, увеличивающей научный и промышленный потенциал общества, в конструировании и функционировании систем искусственного интеллекта. Общепринятыми стали понятия «техногенная» (В.С. Степин) и «информационная» цивилизация, «информационное общество» (З. Бжезинский, П. Дракер, Р. Катц, Й. Масуда, Т. Сакайя).

Бурное развитие вычислительной техники началось со становления кибернетики – науки о самоуправляющихся машинах, возникшей в последней трети XX века. Отцом кибернетики считается американский математик Н. Винер. Главная идея его книги «Кибернетика и общество»¹ – подобие процессов управления и связи в машинах, живых организмах и сообществах. Это процессы передачи, хранения и переработки информации, т.е. различных сигналов, сообщений, сведений. Кибернетика выявляет зависимости между информацией и другими характеристиками систем – энтропией, энергией и др. Понятие «информация» (от лат. informatio – ознакомление, разъединение) здесь употребляется как мера организованности системы, в отличие от понятия энтропии как меры неорганизованности.

Справедливости ради следует назвать и отечественного ученого А.А. Богданова – философа, публициста, врача, руководителя знаменитого «Пролеткульта», работа которого «Всеобщая организационная наука – тектология»² может по праву считаться предтечей кибернетики. Тектология рассматривает все явления как процессы организации и дезорганизации. Принципы организованности и динамичности связаны с принципом целостного рассмотрения отдельных явлений и мира вообще. Тектология ставит своей задачей установить общие закономерности организации для всех ступеней развития. По Богданову, существует два типа организации систем – централистический (центральное ядро, которому подчинены все элементы комплекса), и скелетный (где единство сохраняется благодаря некоей раме, скелету, состоящему из множества элементов). Общностью тектологии Богданова с кибернетикой является принцип обратной связи – когда при измене-

нии параметров одной системы изменяются параметры другой. Богданов называл этот принцип биорегулятором и первым применил этот принцип как метод новой науки – тектологии. Из специалистов по кибернетике к Богданову ближе всех стоит Р. Эшби. Последний определяет кибернетику как абстрактную теорию машин, в которой мы отвлекаемся от их особенностей, кроме присущего им поведения, задаваемого некоторым преобразованием, переводящим одни состояния машины в другие. Винер же определяет кибернетику как науку об управлении и связи в живом организме и машине.

Осознание необходимости коренной трансформации стратегии человеческой деятельности сместило акценты поиска ресурсов развития в интеллектуальную сферу. Значительную роль в смене мировоззренческих ориентиров сыграла и начавшаяся массовая компьютеризация, придавшая социальным процессам новые «компьютерные измерения». Внедрение новой информационной технологии превратило информацию в неисчерпаемый ресурс цивилизации и привело к впечатляющему рывку во многих сферах жизни общества, в том числе в научных исследованиях.

Естественно, что обстоятельства подобного рода повлекли за собой потребность их мировоззренческой и методологической оценки. Тем не менее, если социальным проблемам компьютеризации уделяется внимание, то проблема применения новых информационных технологий в научном познании в философских исследованиях занимает весьма скромное место. Общеизвестна «революционная» роль технических изобретений (микроскопа, телескопа, лазера и других), усиливающих физические способности человека. Но компьютеры – это «интеллектуальная» техника, именно в этом различии скрываются те специфические черты, которые принципиально меняют облик научного познания, выдвигают новые гносеологические и методологические проблемы взаимосвязи традиционных методов получения новых знаний и современных с применением информационной технологии.

Новая информационная технология познания существенно расширила границы естественно-научного познания от традиционных рамок вещественно-энергетических и пространственно-временных отношений до информационных процессов. Наибольший интеллектуальный вклад в становление информационного подхода внесли кибернетика и синергетика. Получение информации стало не только характерным видом человеческой деятельности, но и основой «гносеологического поворота» в науке – от поиска элементарных кирпичиков мироздания до уяснения единства и целостности мира.

Нас привлек один из частных, но значительных проявлений информатизации общества – феномен компьютеризации науки.

Анализ феномена компьютеризации науки как «интеллектуальной техники» приводит к необходимости рассмотрения не только понятий «информация», «искусственный интеллект», «виртуальность», «компьютер», но и, прежде всего, более широкого пласта исследования – «человек и техника». Любопытно, что на прошедшем недавно IV Российском философском конгрессе (май 2005, Москва) названным проблемам уделено достаточное внимание. Так, образована специальная секция «Философия техники и хозяйства», сформирована секция «Философия синергетики» и проведены круглые столы «Философские проблемы виртуалистики», «Информация и развитие» и «Философско-методологические проблемы когнитивных и компьютерных наук». В современной философской литературе появилась масса публикаций с заголовками «Киберкультура», «Киберпространство», «Киборг» и даже «Кибертеррор». На кафедре философии и методологии науки СГУ в 2003 г. защищена кандидатская диссертация М.В. Кувшиновым на тему: «Феномен компьютеризации: парадигмальный и онтологический аспекты».

Известно, что совершенствования в технике сопровождали человечество всегда. Существует обширная литература, как отечественная, так и зарубежная, по философии техники. Принято различать онтологию (М. Хайдеггер) и антропологию техники (Э. Капп, Х. Закссе), технику как коммуникативную

стратегию и «тактику жизни» (О. Шпенглер), технику как сверхпотребность и «преодоление нужды» (Х. Ортега-и-Гассет), технику как проявление бессознательного и сублимацию инстинктивного начала (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Г. Башляр) и, наконец, учитывать эсхатологическое начало во взаимосвязи человека и машины (Н. Бердяев).

Не менее содержателен анализ техники и мифа в древних цивилизациях (Й. Хэйзинга, Г. Гадамер, К. Леви-Строс) и в основных культурно-исторических типах техники. Наиболее разработан греческий вариант античной техники: соотношение «технэ» (ремесла и искусства) и «фюзис» (природы). Инженерные достижения (Архимед) применялись в подъемных механизмах, военной области, судостроении, горной промышленности и при строительстве храмов и театров (Витрувий). Медицина рассматривалась как важнейшая область приложения знаний и умений (Гиппократ, Гален). Аристотель выступает не только отцом физики и психологии как науки и теоретического знания, но и, по существу, первым «философом техники».

Средневековая техника выделяется не только религиозной мотивацией, но и «умением ума» (М. Вебер, С. Неретина) на примере Р. Бэкона, не только теологической, но и экспериментальной направленностью (К.Г. Юнг), без которой не было бы современной химической технологии – на примере Парацельса.

Эпоха Возрождения совмещает ремесло с наукой и создает свой идеал творчески универсальной личности – Леонардо да Винчи, который поддается детальному психоанализу (З. Фрейд).

В Новое время происходит сциентификация техники: техники эксперимента, наблюдения и измерения становятся основой техники как прикладного, с одной стороны, и теоретического знания – с другой (К. Хьюбер, Ф. Рапп, Г. Беме, В. Крон, В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов), и появляется понятие «технология».

В XX веке достижения в науке и технике – электродинамика, тепловая машина, теория электричества, катодные лучи, радио – становятся мерилем национального престижа и фактором социального прогресса.

Среди тенденций развития техники XX и XXI веков ведущее значение приобретают науки о сложных системах – кибернетика (Н. Винер, А.А. Богданов) и синергетика (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен). Наука приобретает технический характер. Техника становится коммуникационной стратегией. Возникает термин «компьютерная революция» (А.И. Ракитов), и даже «компьютерная культура» (С. Туркл), вводятся в оборот понятия «компьютерное время» (Т.А. Погрешаева) и «время в компьютерном обществе» (В.К. Карнаух), понятие «компьютерный андеграунд» (И.В. Куприянов) в связи с демократизацией общества. Активно обсуждается проблема компьютеризации в сфере образования (Б.С. Гершунский, Е.И. Машбиц). В связи с кибернетикой начинают обсуждаться традиционные проблемы философии – проблемы мышления, интеллекта, жизни, языка (А.И. Берг, Н. Хомский, Р. Шенк), обсуждается «ментальная жизнь некоторых машин» (Х. Патнэм). Возникает гипотеза квантовой природы сознания и квантовых компьютеров (Е.М. Иванов). Модной становится проблема «искусственного интеллекта», а компьютерный эксперимент становится новой парадигмой инженерного творчества.

Исследователи называли три важных обстоятельства, вызвавшие к жизни кибернетику. Во-первых, возрастание роли управляющей деятельности на производстве стимулировало возникновение междисциплинарной науки – на стыке теории связи, теории автоматического регулирования, теории электронно-вычислительных машин, физиологии, математики. Во-вторых, кибернетика открыла новый информационный аспект, позволивший установить общие черты в функционировании искусственно созданных человеком технических устройств и живых организмов. В-третьих, развитие математической логики – исчисление высказываний – содержит формулы, описывающие и работу релейно-контактных схем.

Исследуемая нами новая информационная революция, связанная с появлением микропроцессорной технологии, персональных компьютеров, существенно меняет в обществе не только производство, но и шка-

лу ценностей. В информационном обществе производятся и потребляются не материальные ценности, а духовные – знания. Возрастает спрос на информацию.

Развернулась дискуссия относительно природы информации. Дискуссия выявила два принципиальных подхода к трактовке информации – атрибутивный и функциональный. Согласно атрибутивному подходу (Р.Ф. Абдеев, Б.В. Бирюков, В.М. Глушков, Д.А. Гушин, Е.В. Котова, С.Т. Мелюхин, И.Б. Новик, Л.А. Петрушенко, А.Д. Урсул, Ф.Н. Цырдя, Р.А. Шералиева) информация рассматривается как свойство всех материальных объектов, согласно функциональному (Н.Т. Абрамова, Н.И. Гришкин, Д.И. Дубровский, Н.И. Жуков, Э.П. Семенюк, В.С. Тюхтин, Б.С. Украинцев) она присуща лишь самоуправляемым системам на биологическом и социальном отрезках магистрального развития материи.

В философских обобщениях понятия информации нашли отражение идеи Н. Винера, Л. Бриллюэна, У.Р. Эшби (в атрибутивной концепции) и К. Шеннона (в функциональной концепции). Так, согласно Н. Винеру³, информация интерпретируется как мера упорядоченности, организованности систем. Согласно У.Р. Эшби, информация выступает как мера разнообразия⁴. Близко к этой дефиниции стоит определение В.М. Глушкова (информация как мера неоднородности распределения материи и энергии), А.Д. Урсула и В.М. Адрова (информация как отраженное разнообразие).

Существует и попытка совместить два аспекта в трактовке информации. А.Д. Урсул и К.В. Казанцева предлагают определять информацию как существенную, инвариантную часть отраженного разнообразия, поддающуюся опредмечиванию, передаче⁵. Такой подход не только служит сближению атрибутивного и функционального подходов, попытка определить информацию через симметрию усиливает ее междисциплинарный характер, в том числе и ее социальный аспект.

В настоящее время концепция информационного общества разрабатывается Д. Беллом, Е. Масудой, М. Маклюэном и О. Тоффлером

в аспекте социальных коммуникаций. В отечественной литературе концепция информационного общества и информационной цивилизации разрабатывается группой саратовских философов – В.Б. Устьянцевым, Е.Н. Богатыревой, С.Ф. Мартыновичем, А.С. Борщовым, П.В. Романовым, Д.И. Заровым и др. Выясняются основы современной парадигмы информационной цивилизации, анализируются информационные основы природы, информационные стандарты мышления.

Информатизация общества рассматривается в качестве генеральной стратегии его развития (Ю.Л. Егоров), а также оценивается как технико-социокультурный процесс (И.А. Негодаев). В рамках информатизации общества анализируются познавательные и коммуникативные процессы (Е.А. Андрианова, В.Г. Федотова), оцениваются возможности информации в единстве со структурой и симметрией выступать в качестве единого междисциплинарного языка делового общения (С.П. Позднева), выясняются особенности «экранной культуры» (Н.И. Колоскова) и даются определения пространству системы любой степени сложности (М.Ю. Казаринов). Важно подчеркнуть, что формулируются предпосылки информационной специфики сознания (В.Н. Веселовский).

Информатика действительно ставит задачи переосмысления природы психического, соотношения понятий «информация» и «психика». В настоящее время осуществлен, по мнению Н.П. Бехтеревой, прорыв в изучении различных физиологических показателей мозговой нейродинамики при психологических тестах в условиях прямого и особенно множественного контакта с мозгом. Наряду с исследованием мозговой организации мыслительных процессов удалось получить сведения о состоянии всего мозга и его зон, что позволило строить новую функциональную анатомию мозга. Исследование интеллекта человека, его стандартов и отклонений – одно из перспективных направлений, способствующих построению систем искусственного интеллекта – главной задачи кибернетики.

Впервые коэффициент интеллекта использовался на практике службой вербовки американской армии во время Первой мировой войны. Установлено несколько врожденных способностей интеллекта – вербальная, вычислительная и пространственная. Психолога Пиаже интересует лишь процесс мышления. Гарднер полагается на теорию множественности интеллекта. У представителей престижных профессий – инженеров, архитекторов, преподавателей университетов, врачей – средний коэффициент интеллекта равен 120 баллам. Если раньше работодателей для увеличения прибыли интересовали лишь усердие и добропорядочность, то сейчас их привлекает интеллект. Анохин полагал, что мозг не истощается в связи с резким возрастанием информации. В мозгу 14 млрд нейронов. К десяти годам их можно заполнить, но каждая клетка имеет 8 тыс. контактов, т.е. кладовая мозга практически неисчерпаема – 1 и столько нулей, сколько уместится на ленте длиной 9,5 млн километров.

С конца 40-х годов ученые устремились к дерзкой цели – созданию компьютеров, которые по результатам работы были бы неотличимы от человеческого разума. Выяснилось, что для конструирования таких машин важно не только разобраться в работе миллиардов нейронов мозга, но в целом познать процессы функционирования человеческого разума, а не просто имитировать его работу. Многие склонны принять тест машинного интеллекта, данного английским математиком А. Тьюрингом: ЭВМ разумна, если она способна заставить нас поверить, что мы имеем дело не с машиной, а с человеком.

Идея создания искусственного интеллекта – мыслящих машин «человеческого типа», которые думают, говорят, двигаются, т.е. ведут себя как люди, уходит корнями в прошлое. В XVIII в. французский изобретатель Жак де Вокансон изготовил механического флейтиста, исполнявшего 12 мелодий. А Фридрих фон Кнаус сконструировал серию машин, которые имитировали писцов – умели держать перо и писали длинные тексты. Механический подход уступил место электронному. Так, «электронный мозг» предсказал итоги президентских выборов за

несколько часов до получения окончательных данных в 1952 г. Исследования по искусственному интеллекту ведутся в Массачусетском технологическом институте, Технологическом институте Карнеги в Питтсбурге и Стэнфордском университете. Однако трудности, с которыми столкнулись исследователи искусственного интеллекта, привели к пессимистическому выводу Дрейфуса: компьютеры не могут быть разумными. Третий подход, кибернетический, возникший на стыке нейропсихологии, медицины, физики и электроники, положил в основу принцип обратной связи – использование информации, поступающей из окружающего мира для изменения поведения машин. Впервые этот принцип был применен в военной технике – при малейшем изменении радиолокационных сигналов изменялась наводка орудия. Подобно принципу обратной связи Винера, Сеченов рассматривал его как механизм регуляции нервной системы.

Наконец, был использован и нейронный подход – нейрофизиолог и биолог Маккалох разработал теорию деятельности головного мозга, показавшую сходство работы машины и мозга. Нейроны упрощенно можно рассматривать как устройства, оперирующие двоичными числами – единицей и нулем, как рабочим инструментом математической логики. К. Шеннон показал, что двоичные числа соответствуют двум состояниям электрической цепи «включено–выключено» и идеально подходят для ЭВМ. Машина стала воспроизводить операции творческого мышления.

Своеобразие диалога человека и компьютера через переводчика – программиста, который в программе скрупулезно перечисляет действия машины для получения решения, создает трудности, ибо человек и машина говорят на разных языках. Не машина приспособливается к человеку, а он вынужден осваивать ее язык, приспособливаться к ней, ибо в настоящее время умение пользоваться компьютером становится уже своеобразным показателем образованности.

Образование своеобразного интеллектуального симбиоза человека и машины отражается как на статусе человека, так и на но-

вых подходах к выяснению сущности понятия мышления и понятия разумности. Разумность предполагает наличие интеллекта, осуществляющего деятельность по преобразованию действительности. Интеллект – это свойственный живым организмам механизм порождения знания и целенаправленной реализации их во взаимодействии организма со средой. При работе с машиной изменяются традиционные представления о передаче индивидуального интеллектуального опыта, складываются новые критерии фиксации творческих достижений, возникает ряд психологических и этических барьеров. В интеллектуальной мастерской человека ПЭВМ рассматриваются не только как средство досуга – видеоигры и вспомогательное средство – программы-словари, но и как мощное средство доступа к сокровищам знаний.

Наиболее характерной разновидностью интеллектуальной деятельности является решение задач. Прежде всего, ведется поиск обхода препятствий, преодоления трудностей – поиск некоторого алгоритма как средства для достижения цели. Алгоритм в этом случае выступает как точное предписание о выполнении в определенном порядке системы операций для решения данной задачи. Умение решать интеллектуальные задачи (т.е. способность целенаправленно преобразовывать имеющуюся информацию) приобретается путем обучения на опыте.

Искусственный интеллект – это совокупность автоматических методов целенаправленной переработки информации в соответствии с приобретаемым в процессе обучения опытом решения интеллектуальных задач. Это специализированные программы для ЭВМ. К интеллектуальным относят следующие задачи: игру в шахматы, сочинение музыки, доказательство теорем, диалог с человеком на русском, английском и др. языке, медицинскую диагностику. При разработке систем искусственного интеллекта невозможно обойтись без автоматического распознавания и описания зрительных и звуковых образов и др. ЭВМ не способны решать все интеллектуальные задачи – единого эффективного алгоритма не существует.

Сложились три основных подхода к искусственному интеллекту:

1) исследование структуры и механизма работы человеческого мозга, построение моделей на основе психофизиологических данных, проведение экспериментов, выдвижение гипотез относительно механизмов интеллектуальной деятельности;

2) анализ искусственного интеллекта, интеллекта роботов. Здесь речь идет о моделировании интеллектуальной деятельности с помощью вычислительных машин. Цель – создать программы, позволяющие решать задачи не хуже человека;

3) ориентация на создание смешанных интерактивных систем – симбиоз естественного и искусственного интеллекта, основанного на диалоге человека и машины.

Еще недавно дискуссия, может ли машина мыслить, оценивалась по критерию Тьюринга. В случае, когда нельзя отличить машинное от человеческого, ответ давался положительный. Сейчас же можно утверждать, что такие интеллектуальные задачи, как распознавание образов, формирование понятий, принятие решений, решение логических задач, планирование поведения, интеллектуальные игры, доказательство теорем, адаптивное управление уже можно реализовать на ЭВМ. Если знаменитая золотая рыбка из пушкинской сказки могла говорить только один на один со своим собеседником, то речевой дисплей способен отвечать на вопросы с дальнего расстояния. В 1974 г. состоялся международный шахматный турнир, в котором выиграла российская «Каисса», программу которой создавали в Институте управления РАН и в работе над которой участвовал М. Ботвинник. В настоящее время разработаны программы, позволяющие машинам играть в деловые и военные игры. Не только само возникновение кибернетики было связано с оборонной промышленностью, но и сейчас готовность к боевым действиям в киберпространстве с точки зрения национальной безопасности столь же важна, как ядерные ракеты и контроль над космосом. Важна и поддержка квантовой информационной технологии в США.

Наиболее интересной в интеллектуальном плане является задача обучения распознаванию ситуаций, решением ее продолжают заниматься физиологи, психологи, математики, инженеры. Цель – создание читающих автоматов, систем искусственного интеллекта, ставящих медицинские диагнозы, прогнозирующие погоду, проводящие криминалистическую экспертизу. В 1957 г. американский физиолог Розенблатт предложил модель распознавания – перцептрон, – программу, имитирующую распознавание в двух режимах – обучения и распознавания. Сейчас существует много программ обучения распознавания: робот может обучаться распознаванию тактильных, зрительных, слуховых и др. сенсорных ситуаций.

Американский математик Хао Ванг создал интеллектуальную программу, которая за 3 мин вывела 220 простых лемм и теорем, и затем за 8 мин напечатала доказательства еще 130 более сложных теорем. Интересен класс интеллектуальных систем – гиromатов, разработанных в Вычислительном центре России академиком Г.С. Пospelовым. Эти системы строят модель, учитывая особенности задачи, и находят решение. Так, управление пропуском судов на шлюзованном участке канала, управление работой морского порта и др. было проведено с использованием гиromатов – термин принадлежит польскому писателю-фантасту С. Лему и означает системы, меняющие структуру при изменении условий решаемой задачи. Объединение машин, приборов с ЭВМ – одно из магистральных направлений развития техники в силу процесса микроминиатюризации. Микропроцессор представляет собой электронный мозг ЭВМ – реализованный в виде одного кристалла кремния размерами $4 \times 5 \times 0,1$ мм.

На сегодняшний день в мире существует более 130 млн ЭВМ, 80% которых объединены в малые локальные или глобальные сети Интернет, что дает возможность быстрого обмена информацией между получателями и передачу сообщений – факсов, писем и др. Интернет – огромное пространство, своего рода космос с особой структурой, со своей системой обратной связи, с высокой скоростью обновления. Благодаря сети мы

имеем возможность получать практически любую информацию и отправлять сообщение в любую точку пространства. 5 веков потребовало книгопечатание. Современный компьютер с быстродействием в 1 млрд операций в секунду может иметь память, равную одной тысячной информации, содержащейся на всех полках национальной библиотеки России. Человеческий мозг содержит 2^{40} нейронов, которые соединяют 2^{50} связей. Современная ЭВМ приближается по своим вычислительным возможностям к мозгу.

Современный компьютер может практически все: он пишет музыку и сам ее воспроизводит, создает изображения и редактирует уже готовые, с его помощью создаются клипы, фильмы, мультипликация, он позволяет общаться, передавая звук и изображение. Первые музыкальные компьютеры появились в Японии 10 лет назад, хотя программы алгоритмической композиции используются с 50-х гг. Так, отечественный математик Р. Зарипов сочинял однопольные музыкальные пьесы на машине «Урал».

С лета 1993 г. композиторы и аранжировщики пользуются компьютерами IBM, снабженными специализированным интерфейсом. Цель музыкальных компьютеров – освободить человека от рутинной работы. Использование же соединенных с ЭВМ синтезаторов позволит моментально услышать будущее произведение. Появилась и компьютерная музыка. Однако полностью исключить композитора из процесса творчества нельзя.

Появилась нежелательная проблема – компьютерный вирус. Это специально написанная небольшая по размерам программа, которая может приписывать себя к другим программам – заражать их. Признаки вируса: некоторые программы начинают работать неправильно, на экран выводятся посторонние сообщения, работа существенно замедляется и т.д. Необходимо использовать программы-детекторы, позволяющие распознавать вирусы и их тела и либо удалять сами вирусы, либо исправлять ошибки, вносимые действиями программ-червей.

В настоящее время проблема диалога человека и компьютера переходит на свою качественно новую ступень. Вопрос об обмене информацией между человеком и компьютером приобретает иной оттенок – до каких пределов можно увеличить скорость обмена. Наиболее актуальными в решении этой проблемы стали достижения программистов в решении задач распознавания и синтеза человеческой речи. Если синтез человеческой речи – задача проблемно-ориентированная и направлена на разработку программного обеспечения для незрячих или слабовидящих пользователей ЭВМ с целью обеспечения их необходимым инструментом для доступа к информации и коммуникационным сетям (сети Интернет, электронная почта, электронные библиотеки и базы данных), то системы распознавания речи открывают широкие горизонты в плане использования их любым человеком, значительно повышая интенсивность обмена информацией между пользователем и персональным компьютером.

Первые программы, преобразующие обычный печатный текст, получаемый либо распознаванием печатного текста с помощью сканера, либо набираемый обычным путем, в человеческий голос, появились давно. В настоящее время их насчитывается уже несколько десятков. Среди областей их применения можно выделить специализированные программы, предназначенные для чтения электронной почты, программы, озвучивающие среды операционных систем для удобства навигации, программы-тесты и обучающие (в основном языковые) программы. Есть и очень компактные по размеру, занимающие объем памяти компьютера, не превышающий нескольких десятков килобайт. Есть и «гиганты», требующие для своего размещения целый компакт-диск, т.е. занимающие около 500 мегабайт памяти. Начинают появляться программы, позволяющие прослушивать текст разными голосами с достаточно хорошим произношением, менять скорость, интонацию и тембр диктора.

Основными проблемами, встающими перед разработчиками голосовых технологий, остаются следующие.

1. Проблема размера речевого модуля, определяющая необходимую конфигурацию компьютера и скорость его работы. Многие разработанные к настоящему времени голосовые модули имеют достаточно приличный размер и значительно сокращают возможности компьютера в решении многозадачности. В частности, конфигурация компьютера Pentium III – 2,2 GHz, позволяющая проводить математические и логические операции со скоростью свыше 1000 млн операций в секунду, обрабатываемая речевым модулем Digalo Russian, разработанным фирмой Digalo (Франция), обычный текст, не позволяет компьютеру в момент обработки речевой информации решать любую другую задачу.

2. Проблема метода разработки голосовых модулей. Воспроизведение речи возможно осуществить несколькими путями. Можно использовать готовые речевые фрагменты, записываемые либо для каждой отдельной буквы, либо для определенной фонемы (набора звуков), либо для целых слов. Здесь обнаруживает себя некоторое неудобство, связанное с громоздкостью такого рода хранения речевой информации. В частности, все, даже фонемные, речевые модули занимают приличный объем памяти, становящийся проблемой при использовании нескольких типов голосов. А с добавлением дополнительных возможностей, таких, как скорость воспроизведения, появляется новая проблема, связанная с автоматическим изменением тембра. Поэтому наиболее предпочтительным на современном этапе разработки модулей text-to-speech является синтез человеческого голоса, который хоть и страдает пока определенными недостатками, большей частью связанными с качеством произношения, но требует гораздо меньшего объема памяти, и связанные с этим преимущества в скорости чтения и возможном изменении тембра голоса до желаемой величины.

3. Проблема метода обработки текстовой информации. Для получения озвученной речи обработка текста протекает в несколько этапов. Первоначально исполняющей программой анализируется тип текстового файла или содержимого буфера обмена, рассчитыва-

ваются коды клавиш, соответствующие буквам слов, затем проводится анализ наиболее выгодного обращения программы к головному модулю (по фонемам или буквам), и в конечном итоге осуществляется преобразование цифровой информации модуля синтеза в звук устройствами обработки звуковой информации (звуковой картой). Если текстовая информация представлена в графическом режиме, который преимущественно используется в текстовых редакторах Microsoft Office, встает необходимость затрачивать дополнительное время для перекодировки графической информации в текстовую.

4. Проблема качества речевых модулей с учетом специфики языка. Например, одна из многочисленных проблем такого рода – проблема ударений во французском языке, которая решается довольно просто – ударения во французских словах приходится всегда на последний слог, и необходимо решить только проблему произносимых и непроезносимых окончаний, так как при разработке речевых модулей для русского языка необходима точная постановка ударений, иначе некачественное произношение может сильно ухудшить восприятие. Использование библиотек данных по ударениям могут сильно увеличить объем речевого модуля. Помимо этого встает проблема расстановки ударений в словах, в которых ударения зависят от контекста всего предложения или тех или иных речевых оборотов. Например, ударения в конструкциях «бе́лым-бе́лым снегом» и «на улице белы́м-бело́». Кроме того, в печатных текстах часто не используется различие между написанием букв «е» и «ё», что при озвучивании дает заметное на слух искажение.

5. Разработка программ, позволяющих человеку «общаться» с компьютером без помощи клавиатуры – проблема распознавания человеческой речи. В настоящее время известна только одна программа, позволяющая судить о состоянии этой проблемы и возможности ее решения – это разработанный в США комплекс программ под названием Dragon Dictate. Программа позволяет человеку надиктовывать тексты и управлять работой компьютерных приложений с помощью микрофона. Идея управления компьютером с

помощью речи возникла еще лет двадцать назад, и современные достижения в развитии компьютерных технологий позволяют постепенно реализовывать некоторые ее идеи. В частности, в последнее время разработаны англоязычные библиотеки, включающие в себя около 300 тысяч слов, которые компьютер может «распознать» с голоса. Здесь обнаруживаются следующие проблемы:

1) проблема неуверенного распознавания, которая заключается в том, что в зависимости от интонации, особенностей произношения, скорости диктовки компьютер оказывается неспособным к уверенному, стопроцентному распознаванию слов. В решении этой проблемы помогают модули программ, осуществляющие слежение за особенностями произношения и при верном распознавании сохраняются в памяти индивидуальные копии произношения слов. К сожалению, такие модули часто не приносят должного результата и процент правильно распознанных слов все равно остается достаточно низким;

2) проблема способа распознавания. Программа Dragon рассчитана на диктовку текста или управление работой системы словами и даже устойчивыми словосочетаниями, что влечет за собой необходимость постоянного расширения словарей, запоминания компьютером слов разной специальной тематики, определенных специфических терминов, которыми пользуется тот или иной специалист при диктовке текстов. А при расширении словарей самой большой проблемой становится необходимость в огромном быстродействии компьютера с целью анализа большого количества баз данных и библиотек образцов произношения слов. Попытки использовать фонемы или слоги для распознавания и надиктовки текста не дают необходимой точности распознавания, поэтому для надиктовки неизвестных слов введена возможность диктовки по буквам, в которой реализуется возможность диктовки по буквам через ключевые слова (альфа, бета и т.д.). Слова с различными, но близкими по звучанию окончаниями практически не различаются при распознавании системой Dragon.

В целом вырисовывается следующая картина: возможность распознавания человеческой речи существует, но необходим иной подход в методике этого распознавания, в частности для русского языка.

Итак, феномен компьютеризации дает реальную возможность преодоления разрыва между двумя культурами: естествознанием и точными науками, с одной стороны, и гуманитарными – с другой. В этом смысле компьютеризация очерчивает контуры науки будущего – «размывание» границ между обособленными ранее культурами, становление

нового стиля мышления, увеличения возможностей развития духовного, интеллектуального мира человека как истинного мерила общественного богатства.

Примечания

- ¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1965.
- ² Богданов А.А. Всеобщая организационная наука – тектология. М., 1925.
- ³ Винер Н. Указ. соч. С.123.
- ⁴ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
- ⁵ Казанцева К.В., Урсул А.Д. Отражение, знание, информация // Науч.-техн. информ. Сер.2. 1981. №1. С.6.

УДК 1:316.3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

М.О. Орлов, С.А. Данилов

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: orok-saratov@mail.ru

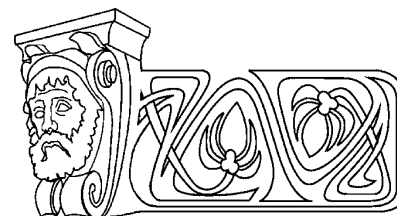
Статья посвящена этике ответственности, исследованию динамики глобальных процессов современности. Авторы изучают стратегию дискурсивного управления, которые позволяют диагностировать позитивные и негативные тенденции в ходе глобализации и осуществлять коррекцию глобального развития.

Globalization as a Dynamic Phenomenon of the Present

М.О. Orlov, S.A. Danilov

The article deals with ethics of responsibility and analyses dynamics of modern global processes. The authors explore the strategies of discourse management, allowing to diagnose positive and negative tendencies in the course of globalization and to realize the correcting of global development.

При анализе процессов глобализации, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание динамике процессов технологических изменений, лежащих в ее основе. Между тем именно технико-технологическая динамика привела к радикальному обновлению средств производства и обусловила далеко идущую трансформацию институтов общества и его ценностных оснований. Явления, обозначаемые как информационная и коммуникационная революция, стали основой для целого ряда социально-теоретических концепций

общества, заставляя переосмыслить отношение к таким фундаментальным понятиям, как пространство, время, действительность.

Исходный пункт, относительно которого наблюдается наибольшее согласие в дискуссии о сущности глобализации, был высказан Д. Харвеем еще в самом начале этой дискуссии¹. Он характеризует глобализацию как процесс сжатия (компрессии) временных и пространственных дистанций. Действительно, расстояния, для преодоления которых конвенциональными средствами передвижения требовались недели–месяцы–годы, сегодня преодолеваются за часы. Это означает, что для определенных видов действия, например, индивидуальной языковой коммуникации категория пространства как среды этого действия во многих случаях просто исчезает (становится совершенно все равно, где находится партнер – в соседней квартире или на противоположном краю земли). Средства мгновенных почты–телефона–факса–интернета в сочетании с новыми институциональными условиями (например, телекоммуникационной, компьютерной, банковской и дру-

гими сетями по всему миру) делают возможными почти мгновенное перемещение информации и денежных ресурсов независимо от расстояний. Этому же способствуют увеличение скоростей средств транспорта и развитие конвенциональных транспортных сетей.

«Сжатие времени» является обратной стороной сжатия пространства. Сокращается время, которое требовалось для совершения сложных пространственных действий. Соответственно каждая единица времени уплотняется, наполняется количеством деятельности, многократно превышающим то, которое можно было совершить когда-либо прежде. Когда время становится решающим условием совершения множества других событий, следующих за определенным действием, ценность времени значительно возрастает.

«Для экономики и ее организаций пространственное измерение действия становится все более иррелевантным при одновременном росте значения измерения времени. Организации политической и правовой системы, напротив, не могут освободиться от территориального принципа или преодолевают его лишь со значительным бюджетом времени и транзакционными затратами. Именно это обстоятельство диаметрально противоположно процессу темпорализации экономической жизни и экономизации времени как ресурса», – справедливо замечает Й. Виланд².

Сказанное позволяет понять, что пространство и время сжимаются не сами по себе, а в рамках комплексных – пространственным и временным образом разведенных – действий. Суть инноваций заключается в возможности эффективного менеджмента пространства и времени в глобальном масштабе: объединения массы событий в разное время и на разных участках земли в единый цикл. В этой согласованной цепочке событий, перемещений, транзакций каждый отдельный элемент приобретает значение для возможности целого. Тем самым степень дифференциации в системе разделения труда, которая со времен Адама Смита остается ключевым фактором промышленной революции Нового времени, выходит на новый уровень³. Глобальная система разделения труда позволяет включать в единый производственный процесс достоинства удален-

ных мест конкуренции: например, сочетать интеллектуальный потенциал высокоразвитых стран с дешевой рабочей силой развивающихся стран. Решающим становится сам менеджерский замысел и управление, которое порождает эти сложные цепочки. Концепция «общества менеджеров»⁴ в эпоху глобализации лишь упрочивает свое значение.

Функция менеджмента в организации пространственно-временной структуры деятельности заключается не просто в волевом импульсе для комплексного действия. Он снабжает агентов интеракции информацией о содержании конкретных действий в определенное пространство–время. Основания того, зачем и как организовывать пространство–время в комплексных действиях, актеры получают в качестве информации. Власть меритократии, о которой много писал Д. Белл⁵, становится еще более тотальной, чем прежде. В эпоху глобализации требуются значительные массивы информации и знаний, которые бы соответствовали повышению степени комплексности действий. Этот обмен информации совершается в ходе коммуникации, в которую актеры вступают по ходу совершения действий. Требование полноты информации для успешной координации деятельности дополняется требованием полноты и оперативности коммуникации.

Описанная структура комплексных действий (интеракций) не является чем-то специфичным для глобализации. Но именно в условиях глобализации комплексные интеракции преодолевают локальные рамки и приобретают планетарный характер. Благодаря интенсивности коммуникации и темпам обмена информацией становятся возможными действия, охватывающие весь земной шар и длящиеся круглые сутки, включая в себя бесчисленное множество элементарных акций и отдельных актеров. Сама жизнь мирового сообщества характеризуется отныне тем, что ее пронизывают глобальные акции, она обретает глобальное время и глобальную размерность⁶. Глобализация дала новую перспективу, которая, подобно релятивистской теории относительности, позволила установить, что на земле существует много времен и много пространств⁷. Но, научив сравнивать, она одновременно создала глобальный масштаб, который позволяет сопоставлять

эти времена и пространства. Для тех, кто улавливает этот масштаб, размерность событий становится принципиально иной, и именно это создает для них преимущества, которыми не обладают другие, меняя общую конкурентную ситуацию. Эта размерность существенно приближает конституцию реального коммуникационного общества к апелевскому конструкту неограниченного коммуникативного сообщества.

Еще в начале 90-х гг. глобализация едва ли тематизировалась как проблема. В конце 90-х эта тема уже претендовала на прочное лидерство в социальной науке и общественной дискуссии. В названиях научных конференций и заголовках публикаций слово «глобализация» занимает сегодня, возможно, наибольший удельный вес. Ничто не может лучше свидетельствовать о существовании и актуальности феномена. Тем не менее, взгляды на глобализацию очень разнятся, а оценки зачастую носят взаимоисключающий характер: на настоящий момент нет единой точки зрения на то, несет ли она новые возможности или, напротив, опасности, в чем ее сущность и проявления, следует ли глобализации способствовать или ей сопротивляться. Единство наблюдается лишь в одном: глобализация неостановима.

На фоне потока литературы о глобализации бросается в глаза дефицит философско-теоретических работ, в которых присутствует серьезный научный анализ. «Господствующие экономические и социальные теории не анализируют процесс глобализации, — отмечает латиноамериканский автор Ф. Хинкельмерт, — они превозносят его»⁸. Справедливости ради следует отметить, что как раз со стороны экономической и социологической науки этот дефицит заполняется появлением серьезных исследований⁹, в философской области подобных исследований значительно меньше¹⁰. В настоящий момент трудно назвать автора, исследования которого были бы концептуально доминирующими в данной области.

Сколь оригинален тот процесс, который именуется глобализацией? На наш взгляд, как раз в этом пункте меньше ясности, поскольку схожие процессы углубления международной интеграции наблюдались с середины XIX в. уже несколько раз, но каждый

раз были останавливаемы глубокими кризисными явлениями¹¹. Вера в то обстоятельство, что процессы глобализации не являются слепым развитием событий, а поощряются или предотвращаются коллективной политической волей, создает пространство для активных дискуссий. Обсуждение того, какими должны быть формы нового мирового порядка, переводит эту дискуссию из сферы фактичности в область нормативного, составляющего прерогативу философии. Поэтому в значительной части точки зрения, высказываемые по поводу глобализации экономистами, политиками, социологами, имеют социально-этическую природу.

В этой связи перед философами стоит насущная задача создать теоретический фундамент для дискуссий о глобализации и формах ее динамики. Несмотря на то, что явления глобализации носят эмпирический характер, существует потребность концептуального осмысления понятийной базы этих процессов. Глобализация, несомненно, вносит коррективы в фундаментальные теории общества, а в ряде случаев может даже привести к их пересмотру. Вместе с тем, глобализация не носит такого самостоятельного и целостного характера, чтобы можно было говорить о возникновении «теории глобализации». Скорее социологические наблюдения и философские обобщения в этой области призваны обогатить теории среднего уровня, прежде всего теории социально-экономического развития — «постиндустриального», «информационного» обществ и т.д. Внесение этического, нормативного измерения в соответствующий научный дискурс составляет одну из основных задач философии.

О глобализации стремятся говорить не как о явлении, а как о *динамическом процессе*, т.е. ряде легко узнаваемых тенденций (как говорил Несбит, «менатенденций»¹²). При этом в вопросах определения характерных черт глобализации и, следовательно, самой ее дефиниции царит вполне устойчивое единомыслие. В качестве примера стандартного определения можно процитировать результаты исследовательского проекта университета Бремена, в котором под глобализацией понимается рост интенсивности и охвата переходящих границы отношений обмена

и интеракций, будь это экономические трансакции, культурные и неформальные процессы обмена или циркуляция загрязняющих окружающую среду материалов. Другое определение, М. Кастельса, подчеркивает обретение человеческой деятельностью планетарного характера: «Под глобальной экономикой мы понимаем экономику, которая работает сообща в реальном времени в планетарном масштабе. Это экономика, в которой потоки капиталов, рынков труда, информации, сырья, менеджмента и организации интернационализируются и становятся полностью взаимозависимыми»¹³.

В настоящее время, помимо множества эмпирических наблюдений относительно процессов глобализации и их политических оценок, сформировалось несколько методологических подходов систематического изучения глобализации. Каждый из них восходит к определенному философскому видению сущности этих процессов.

Первый из подходов определяет результат нового качества экономических отношений в мире. Это в целом оптимистическое видение вещей опирается на позитивную оценку происходящих изменений и представлено рядом ведущих ученых и политиков: Р. Дарендорфом, Ф. Нушелером, О. Лафонтеном, Б. Клинтонем, Б. Гейтсом и др.¹⁴ Глобализация, согласно этой точке зрения, есть интенсификация экономического развития, позитивно воздействующая на все прочие сферы общества. Новой оказалась тенденция к сжиманию и концентрации времени и пространства, действующая как революционизирующий экономику фактор производительности. Иначе говоря, глобализация есть новый уровень процветания. Ключевыми для понимания глобализации с этой точки зрения видятся конструктивные качественные изменения в смысле научно-технического прогресса, укрепление демократии во всем мире, повышение благосостояния людей и их культурного уровня и т.д. Глобализация дает возможность ликвидировать казавшиеся прежде непреодолимыми проблемы человечества: сократить количество международных конфликтов, включить в процесс технологического развития развивающиеся страны, победить бедность. Глобализация дает шансы, о которых человечество прежде не

могло мечтать. Благодаря ей жизнь человечества в целом становится более управляемой и гармоничной. Проблемы же, которые она несет, будут устранены с ее же помощью благодаря разумной социальной инженерии, т.е. активного воздействия на рамочный порядок общества.

Уже из изложения этих тезисов очевидны как чрезмерно оптимистическая оценка, так и односторонний подход к анализу процессов глобализации. Хотя экономика является мотором глобализационных процессов, из ее перспективы никак нельзя оценить всех последствий, инициированных ею в других подсистемах общества. Ограничен и теоретический потенциал этих концепций, исходящих, как правило, из панэкономических установок неолиберализма. Другие подходы отмечены скорее беспокойством, чем оптимизмом.

С позиций другого подхода глобализация представляет собой особое качество межкультурных и геополитических отношений. Она означает новый этап истории, сменивший порядок фрагментации колониальных держав в довоенное время и эпоху мирового противостояния во времена холодной войны. Новые проблемы, которые она несет, не проще, чем прежде. Глобализация стирает культурные границы, устанавливавшиеся тысячелетиями. Она разрушает идентичность, которая будет восстановлена другим путем. Ярким представителем этой линии анализа является С. Хантингтон. Глобализация означает для него, главным образом, рост конфликтности в мире: мир становится ареной конфликтов более мелких систем – культурно-этнических цивилизаций. Экономическое развитие в ходе глобализации изменяет геополитическую карту, что чревато множеством новых конфликтов, главный из которых лежит на границе между западной и незападной цивилизациями. Большое значение придается в этом подходе проблемам распределения ресурсов в условиях их недостатка, проблемам передела власти и т.д. Множество приверженцев этого направления концентрируются на анализе возникших геополитических конфигураций: однополюсного мира, геополитического треугольника, многополюсного мирового порядка и т.д.¹⁵ Спор идет во многом относительно того, бу-

дет ли новый порядок конфликтным или мирным. Понятия цивилизационного конфликта и нового политического порядка являются здесь доминирующими.

Очевидно, что этот подход, внимательно отслеживающий реальные последствия глобализации, мало рефлектирует над ее источниками. Представители этого направления – и это относится не только к Хантингтону – опираются на традиционный категориальный аппарат, что сильно обедняет прогностические возможности их концепций. Этот подход также страдает односторонностью и несет отчетливо консервативный оттенок.

С точки зрения третьего подхода глобализация является разрушением традиционного системно-политического порядка, базирующегося на принципах государственного суверенитета и национально-культурной интеграции. Представителей этого направления более всего беспокоит стремительное ослабление традиционных инструментов политического управления и возникающий отсюда вакуум власти. В результате мир начинает развиваться сам по себе, «ускользая» от попыток его разумно упорядочить и направить. Так, популярный в Германии социолог У. Бек в рамках своей концепции «общества риска» характеризует глобализацию как процесс деполитизации и дерегулирования обществ. Власть в новых условиях разрушения традиционного политического пространства получают совершенно новые исторические актеры, такие как транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации, интересы и действия которых очень часто не могут быть поставлены под общественный контроль. Уходят в небытие основные достижения западной цивилизации – «социальное государство», «общество благосостояния», на основе которых достигнута консолидация обществ первого мира. Очевидно, что представители данного направления наиболее чутко реагируют на изменения в политической области. Глобализация ассоциируется у них с новыми угрозами – экологическим кризисом, проблемой третьего мира и т.д. В рамках этого подхода, представленного весьма авторитетными учеными¹⁶, предмет наибольшего интереса представляет определение и установление «границ глобализации», вне которых глобализация может

стать саморазрушением человечества. Они ищут «пределы роста», в рамках которых глобализация несет конструктивный характер и позитивный потенциал. Впрочем, доминирующей темой в кругу этих идей являются деструктивные процессы глобализации и возможности политического воздействия на этот ход.

С позиций четвертого подхода глобализация видится в крайне негативном свете. Это точка зрения решительных противников глобализации¹⁷. Она в особенности присуща представителям наиболее фундаменталистски и экстремистски настроенных кругов. Но недооценивать ее нельзя, учитывая что антиглобалистское движение питается преимущественно из одного источника. Данная позиция успешно доводится до общего сведения с помощью свойственных этим силам экстремистских методов¹⁸. В основании такой позиции лежит архаическая идентификация культурной традиции и религиозно-космического порядка. В процессах глобализации видится рука разрушителя божественного устройства. Перераспределение сил и ресурсов в мире, встреча с чужими культурами воспринимается как результат заговора мировой закулисы, как прямое пришествие в мир сил зла. Для борьбы с ними позволены все средства, включая террористические. Важно иметь в виду, что наступление глобализации рисуется в апокалиптических тонах не только маргиналам-террористам, но и самым широким слоям населения различных, в том числе цивилизованных, стран, тем, кого глобализация задевает своими разрушительными последствиями и кто воспринимает ее как неведомую, но легко – вплоть до персоналий – идентифицируемую силу.

Перечисленные позиции доминируют в интеллектуальном поле общественной дискуссии по глобализации, хотя далеко не исчерпывают весь спектр мнений по данному вопросу. Несмотря на совершенно разную оценку глобализации и ее последствий, для всех позиций характерно то, что в ее основу они кладут критерии, по которым оценивались предшествующие эпохи. И экономические процессы, и геополитические конstellляции, и социальные кризисы, и даже крушение божественного мироустройства – все это уже было, уже ожидалось. Разумно пред-

положить, что то, что вызвало в глобализации всеобщий, шокообразный интерес, на самом деле является новым и неожиданным, тем, чего нельзя вывести из прежних эпох. Дискуссиям о глобализации часто не хватает видения будущего, определенной доли интеллектуального обновления. Соответственно, это видение должно быть положено в основу осмысления сущности глобализации. На наш взгляд, ценность теоретических воззрений К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса в значительной степени обусловлена тем, что вместе с масштабом планетарной этики в их концепции трансцендентальной и универсальной прагматики предлагаются новые интеллектуальные ресурсы для осмысления процессов глобализации.

Определяющим для характера оценки глобализации является то, какой социальный идеал положен в основу этой оценки. В зависимости от того, приближает или отдаляет глобализация от этого идеала, она предстает в позитивном или негативном свете. Очевидно, экономическая интеграция приближает мир к идеальной модели оптимального состояния экономики (по Парето), в которой сокращается стоимость транзакций, информация становится более доступной для всех участников рынка, реализуется потенциал возможных интеракций¹⁹. Столь же хорошо в глобализации узнается антиидеал «царства Антихриста», который, по преданию, должен объединить под своей властью весь мир и все религии²⁰. Тем не менее глобализация с точки зрения этих идеальных представлений – не более чем случайная историческая констелляция. И в надежде на «шансы», и в тревоге об «угрозах» речь, как правило, идет – в инструментальном смысле – о последствиях глобализации, но не о ее сущности. Более интересны те концепции социального идеала, в самом осуществлении которых узнается идея глобализации²¹. С этой точки зрения, например, актуально учение Канта о «всеобщем мире»²².

Идея возможности мирного сосуществования государств, не отмеченного угрозой разрушительных войн, не так уж часто посещала воображение философов. Произведение И. Канта «К вечному миру» неизменно вызывало к себе интерес, но лишь в последние десятилетия его идеи перестали восприни-

маться как шутка философа или утопия. Опыт мировых войн и угроза еще более ужасающей ядерной войны *de facto* привели ведущие державы мира к отказу от войны как средства решения конфликтов между собой. Тесная экономическая интеграция, например, в ЕС, послужила другим источником приближения к ситуации «вечного мира». Оба эти фактора назывались Кантом. Но суть жизнеспособности идей Канта заключалась не в отдельных аргументах «за» и «против» мира или войны, а в заложенном здесь представлении об идеальном международном порядке. По мысли философа, ни люди, ни народы, коль скоро они ставят целью совместное общежитие, не должны находиться в «естественном состоянии», но должны устанавливать гражданско-правовое состояние между собой. Тем, что некто вступает в гражданско-правовое состояние, т.е. обязуется не нарушать чужих прав, он дает гарантии безопасности, которые вправе требовать и от другого. По отношению к государствам такое состояние означало бы существование союза народов, который Кант обозначает как федерацию свободных государств, отличая его от устройства государства народов. «Этот союз имеет целью не завоевание власти для какого-либо государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, что, однако (как это относится и к людям в естественном состоянии), не вынуждает их подчиняться публичным законам и обусловленным ими принуждениям»²³. Не скрепленное силовыми санкциями, это состояние, тем не менее, полностью бы отвечало идее права, которая, по Канту, заключается в добровольном, исходящем из свободы согласия на подчинение закону. Идеал вечного мирного союза предполагает, собственно, лишь то, что государства находятся на такой высоте правового сознания, когда ни одно из них добровольно не выходит из гражданско-правового состояния, т.е. все вместе они образуют «суррогат гражданского общественного союза»²⁴.

Кант усилил тезисы Гуго Гроция о нормах международного правового порядка и рядом с понятием международного права поставил право всемирного гражданства. Это

право вытекает из того, что люди и государства могут рассматривать себя как принадлежащие всему человечеству и «граждане общечеловеческого государства». Это право Кант конкретизирует (и ограничивает) лишь обязательством гостеприимства, которое, вписываясь в традиционные неписанные правила человеческого поведения, способствует развитию сношений людей между собой и впоследствии будет «все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству»²⁵. Но это дополнение (обязательства гостеприимства) не является несущественным: оно исходит из представления о высшем достоинстве и свободе человека как исходном пункте правового порядка.

Кант подчеркивает, что всеобщая приверженность всемирно-гражданскому праву является необходимым условием возможности союза государств, направленного к вечному миру, ибо «нарушение права в одном месте чувствуется во всех других»²⁶. Только при обеспечении универсальности этого принципа такое состояние становится реальным. Другая предпосылка – наличие в государствах республиканского устройства, под которым Кант (противопоставляя его демократии) понимает реализацию принципов свободы и равенства граждан в государстве, а также осуществление разделения властей. Поскольку философ практически отождествляет республиканское устройство с правовым (конституционным), постольку очевидно, что вне полной реализации правового устройства внутри обществ (правовой общественный договор граждан) недостижимо правовое состояние между обществами (правовой федеративный союз между государствами)²⁷.

Таким образом, представление об универсализме гражданско-правового состояния во всемирном масштабе, лежащее в основании идеи о вечном мире, вполне может служить идеалом, с которым ассоциируется понятие глобализации. История последних десятилетий неожиданно подтвердила прозрения Канта хотя бы в тенденции: с того момента, когда костяк культурных государств приобрел демократическое устройство (здесь взгляды Канта должны быть скорректированы), когда интенсивные взаимодействия привели эти государства к большей степени

взаимной интеграции и вызвали укрепление международного правового порядка, когда традиционный кодекс международного права был дополнен представлениями о правах человека как высшем правовом основании всемирно-гражданского права, – с этого момента мирное сотрудничество народов, отвергающих возможность взаимной войны, становится все большей и большей реальностью.

К концепциям, в которых идея глобализации узнается в наиболее чистом виде, бесспорно, принадлежит учение о «неограниченном коммуникативном сообществе». В самом понятии такого сообщества имплицитно заложены черты и процесса, и результата, и целей глобализации. Рассмотрим эти черты.

1. Планетарная этика. К конститутивным определениям коммуникативного сообщества принадлежит то, что оно является единым и планетарно глобальным. В нем становится возможным единый глобальный мега-дискурс, конкретизированный в бесчисленных иерархиях практических дискурсов общественности. Существенной чертой при этом является то, что человеческое сообщество в идеале является неограниченным, то есть в нем преодолеваются все реальные – временные, пространственные, физические, институциональные и пр. – помехи коммуникации.

2. Универсальная этика. Каждый возможный участник становится тем самым полноценным участником дискурса, интересами которого невозможно пренебречь. Тем самым создается методологическая основа для решения проблемы партикуляризма, которой в философской дискуссии о глобализации отводится важное место. Уже было сказано о том, что идеал «неограниченного коммуникативного сообщества» выполняет функцию «предельного понятия», какую в платонизме, например, играет идея Блага, а в марксизме – идея совершенного бесклассового общества. Идеал совершенного коммуникативного сообщества имеет ту особенность, что критерием совершенства здесь не является объективное субстанциальное (партикулярное) статичное состояние, которым может быть, например, гармоничность общественных отношений (в марксизме), завер-

шенность автопоэтической системы (Луман) и т.д. Сообщество является коммуникационным только при том условии, если его члены являются – в динамическом смысле – полноценно коммуницирующими личностями, если их интересы могут быть свободно выражены и принимаются во внимание в совместном дискурсе.

3. Этика достоинства и прав личности. Выдвигая требование равенства всех в коммуникации, Апель ставит во главу угла личность, ее права и интересы. Институциональная система коммуникативного сообщества имеет служебное значение: она должна обеспечивать беспрепятственное осуществление дискурсов и выполнять служебную цель удовлетворения коммуникационных потребностей личности. Аппроксимативное приближение к идеалу коммуникативного сообщества означает все большую модификацию системно-институциональных факторов в направлении утверждения ценности человеческой личности и ее свободы в равенстве коммуникации.

4. Ограничение компетенций институциональных субъектов международного дискурса, т.е. коллективных представителей граждан, таких как государства, организации, сообщества. В той мере, в какой институты организуют дискурсы внутри охватываемых ими сообществ и представляют их результаты через каналы институциональных дискурсов, для них открываются возможности создания иерархии дискурсов на международном уровне, где уже может реализовываться представление о справедливости в отношениях между народами. Императив *дискурсивного управления*: каждый народ имеет право на собственную культуру, каждый народ должен иметь в международном диалоге равное право голоса.

Вследствие перечисленных особенностей концепция коммуникативного сообщества открывает возможность такой интерпретации процессов глобализации, подобной которой не дают иные системные концепции: речь в ней идет не о меркантильных выгодах и упущениях, к чему часто сводятся разговоры о глобализации, а о нормах справедливости. Улучшая условия коммуникации и ликвидируя существовавшие прежде барьеры, глобализация с этой точки зрения служит

реализации духовного потенциала личности и устранению обусловленного случайными дистрибутивными факторами неравенства людей. Уважая право народов на собственную культуру и судьбу, она позволяет установить в отношении между ними универсальные этические масштабы, пронизанные заботой о культуре и выживании человечества как целого. Путем глобализации сокращается расстояние между идеальным и реальным коммуникативным сообществом, осуществляется комплекс мер, укрепляющих основания постконвенциональной практики достижения управленческих задач. Таким образом, глобализация получает позитивное этическое значение как в смысле основополагающего «дискурсивного принципа», так и в смысле «принципа дополнительности». Это открывает путь к осмыслению динамики глобализации не из внешней позиции полагания «границ глобализации», а из внутренней перспективы окончательного обоснования этики и допустимого.

Расхождение между идеальным и реальным коммуникативным сообществом становится, таким образом, основным критерием оценки глобализационных процессов, а анализ искажений коммуникации или способов приближения к нормам идеального коммуникативного сообщества является основным инструментом теоретического анализа. Очевидно, что не только теоретический инструментарий дискурсивной этики представляет интерес для анализа глобализационных процессов, существует и обратное отношение: процессы глобализации исключительно интересны для самой дискурсивной этики. Учитывая, что процессы глобализации определяют не периферийный сегмент становящегося коммуникационного порядка, а его содержание и сущность, глобализация претендует на статус одного из центральных объектов исследования в структуре прикладной части дискурсивной этики.

Перспектива дискурсивного управления позволяет не только диагностировать позитивные и негативные тенденции в ходе глобализации, но и осуществлять в порядке саморефлексии человечества конструктивную самокоррекцию глобального развития. Поскольку из этой перспективы можно судить об этическом смысле процессов глобализа-

ции, указанная самокоррекция опирается не на произвольный (системный и стратегический), а на этический масштаб: процесс глобализации должен протекать так, чтобы посредством ее укреплялся, а не ослаблялся этический порядок человеческого общежития. Этот подход не мешает признать, что в ходе процесса глобализации могут возникать глубокие кризисы, но он дает одновременно ориентиры, как решать эти проблемы, не сходя с верного, этически обоснованного пути. Он позволяет оценивать, какие из кризисов несут в себе угрозы, а какие обусловлены неадекватной реакцией на новые тенденции.

Выбор концепции «коммуникативного сообщества» в качестве фундамента «этики глобализации» предполагает особую интерпретацию процессов глобализации. Ключевым в этой интерпретации должен стать анализ процессов информатизации и коммуникации в глобализирующемся обществе. Говоря о глобализации, нужно попытаться преодолеть односторонность имеющихся подходов и по мере возможности синтезировать различные подходы, имея в виду, что глобализация – результат целого комплекса инновационных факторов, вызывающих фундаментальный цивилизационный поворот в истории человечества.

Примечания

¹ *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Oxford, 1989; *Ibid.* Justice, Nature and Geography of Difference. Cambridge, 1996.

² *Wieland J.* Globale Wirtschaftsethik. Steuerung und Legitimität von Kooperation in der Weltökonomie // Kettner M. (Hrsg.) Angewandte Ethik als Politikum. Frankfurt a.M., 2000. S.367.

³ «Ядро глобализации – расширение международного разделения труда» (*Franzmeyer F.* Welthandel und internationale Arbeitsteilung // Faulenbach J. (Hrsg.) Globalisierung. Ser. Informationen zur politischen Bildung. Bd.263. Bonn, 1999. S.8).

⁴ *Burnham J.* The Managerial Revolution. N.Y., 1941.

⁵ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С.546 и далее.

⁶ Уплотнение времени–пространства и комплексность действия–информации еще не достаточны для объяснения того, что совершается при глобализационных процессах. Достаточно обратить внимание на то, что пространство не сжимается там, куда нет оперативного доступа; так, для граждан Советского Союза в определенном смысле не существовало пространства вне «шестой части Земли», так как практически не было возможности там оказаться. То же верно и сегодня в отношении граждан третьего мира, экономические препятствия для которых не легче преодолить, чем политические у советских граждан. Только

тогда, когда все государства мира политически открываются для других, становится возможным эффект компрессии времени–пространства–действия.

⁷ Подобно тому, как идея релятивистской теории относительности заключалась в открытии существования нескольких систем координат для одних и тех же событий, регистрируемых из различной перспективы наблюдателя, точно так же при глобализации открывается возможность обнаружить существование разных перспектив и систем координат на те же события в мире.

⁸ *Hinkelammert F.* Globalisierung und Ausschluß aus latein-amerikanischer Sicht // Fornet-Betancourt R. (Hrsg.) Armut im Spannungsfeld zwischen Globalisierung und dem Recht auf eigene Kultur. Frankfurt a.M., 1998. S.92.

⁹ См.: *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. Наиболее серьезным и всеобъемлющим исследованием о глобализации, на наш взгляд, является книга Альтфатера.

¹⁰ См.: *Beck U.* Was ist Globalisierung? Frankfurt a.M., 1999; *Ibid* (Hrsg.) Politik der Globalisierung. Frankfurt a.M., 1998.

¹¹ Международная интеграция начала XX в. была остановлена Первой мировой войной, интенсивное развитие международной торговли в 20-е гг. – Великой депрессией 1929–1933 гг. и Второй мировой войной.

¹² *Naisbitt J.* Megatrends. N.Y., 1982.

¹³ *Castells M.* European Cities, the Informational Society and the Global Economy // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, L., 1993 (84). P.249.

¹⁴ *Darendorf R.* Quadrare il cerchio. Benessere economico, coesione sociale e libertà politiche. Rom/Bari, 1995; *Nuscheler F.* Entwicklung und Frieden im Zeichen der Globalisierung. Bonn, 2000; *Lafonten O.* Globalisierung und nationale Zusammenarbeit // Beck U. (Hrsg.) Politik der Globalisierung. Frankfurt, 1998. S.254–263; *Clinton B.* The Struggle for the Soul of the 21st Century // Richard Dimbleby Lecture. 07.01.02 (http://www.bbc.co.uk/arts/news_comment/dimbleby/print_clinton.shtml)

¹⁵ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998; *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.

¹⁶ *Altwater E., Mahnkopf B.* Grenzen der Globalisierung, Münster, 1996; *Rodrik D.* Grenzen der Globalisierung. Ökonomische Integration und soziale Desintegration. Frankfurt; N.Y., 2000.

¹⁷ *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализация: Атака на процветание и демократию. М., 2001; *Голандский М.М.* Взлет и падение глобальной экономики // Учен. зап. Ин-та Африки РАН. М., 1999. Вып.6.

¹⁸ Имеются в виду экстремистские методы антиглобализационного движения, демонстрируемые на форумах политических лидеров (Сизтл (1999), Прага (2000), Генуя (2001)). Следует подчеркнуть, что антиглобализационное движение в целом имеет мирный характер (см.: *Видеман В.* Пражская осень–2000 // НГ-Религии. 2000. №19(66), 11 окт.).

¹⁹ Критерий оптимально построенного общества в смысле либеральной экономической модели сформулировал В. Парето (хотя сам не был либералом): в таком обществе уже не может более быть улучшено состояние ни одного участника рынка без того, чтобы не ухудшить положение других участников (см.: *Сен А.* Об этике и экономике. М., 1996. С.53 и далее).

²⁰ Ср. заявление: Духовные и социальные проблемы глобализации: Материалы конф. 3–4 мая 2001 г. СПб., 2001.

²¹ Любопытно, что глобализация как таковая не просто никогда не фигурирует в общественной дискуссии как желаемый идеал, но в своем завершенном виде – в качестве «глобального миропорядка» или «мирового государства» – стала устойчивым пугалом общественности. Тем самым, говоря о глобализации как о процессе или тенденции, участники дискуссии снимают с себя ответственность за осмысление состояния, к которому ведут эти процессы.

²² Упоминаемые в этой связи марксова бесклассовая «Ассоциация свободных производителей» или образ Царства Антихриста такими концепциями не являются. В них совершенное состояние формулируется как целостность развития, трансцендентный истории идеал.

²³ *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т.1. С.391.

²⁴ Там же. С.393.

²⁵ Там же. С.399.

²⁶ Там же. С.403.

²⁷ Кант выдвигает еще одну гарантию возможности состояния вечного мира – целесообразность природы, которая, разводя людей и народы, заставляет их ради собственного же выживания сходиться и взаимодействовать вместе. Но этот аргумент можно рассматривать в рамках конструкции идеального правового состояния международного сообщества скорее метафизическим аргументом *ad hoc*.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК [159.9 (09)] (075.8); ББК 88.1 я 73; Г 94

ДРЕВНЕРУССКАЯ МУДРОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О.М. Гуменская

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail:

В Древней Руси (X–XVII вв.) находилось в обращении большое количество произведений, где решались психологические вопросы (происхождение и сущность души, свойства ума, устройство органов чувств, возрастные и индивидуальные различия в психике, людей, проблема характера, происхождение сновидений и др.), представленных как переводными сочинениями, так и творениями отечественных авторов, вошедшими в учебник по психологии, медитативными наставлениями древнерусских подвижников; разнообразными сочинениями древнерусской педагогической и этической мысли; натурфилософскими сочинениями, народными преданиями, а также произведениями художественной культуры.

The Old-Russian Wisdom as a Source of the National Psychological Thought

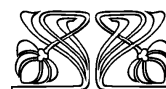
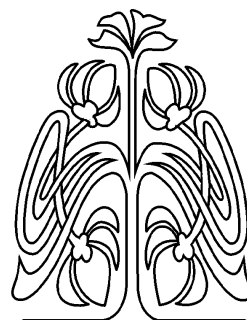
О.М. Gumenskaya

In Ancient Russia (X c. – XVII c.) there were lots of writings where psychological questions were set and solved. Among them were both translations, and works of national authors that were included into their textbook on psychology, meditative admonitions of old russian devotees; various compositions of old Russian pedagogical and ethical thought; naturephilosophical compositions, folk legends, and also works of art.

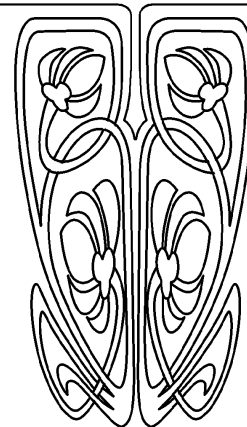
Проследившая отдаленное прошлое русской психологии, выясняя ее истоки, нельзя не прийти к убеждению, что психологические воззрения развивались в нашем сознании на почве традиций формирования русской религиозно-философской мысли, уходящих своими корнями в глубь веков.

Древнерусская мудрость как начальный этап развития отечественной мысли является духовным отражением отечественной культуры своего времени и имеет ряд отличительных особенностей в качестве целостного культурно-исторического феномена¹. С одной стороны, она вобрала в себя некоторые элементы восточно-славянского языческого мировоззрения, многокомпонентного по своему составу, поскольку древнерусская народность формировалась с участием угрофинского, балтского, тюркского, нормандского, иранского этносов.

С другой стороны, после принятия христианства в качестве официальной идеологии отечественная мысль интенсивно впитывала в себя и творчески перерабатывала через византийское и южнославянское посредничество теоретические положения, установки и концепции развитой восточно-христианской мудрости. От Византии, хранительницы античного философского наследия, самой развитой страны раннего средневековья, Русь получила немало имен, образов, понятий основополагающей для всей европейской культуры эллинской цивилизации, но не в чистом, а в христианизированном виде и не в полном, а в частичном варианте.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Подчеркивая своеобразие древнерусской философии, необходимо отметить следующее:

– полисемантность термина «философия» в древнерусском языке: под философией понималось не только привычное для нас понятийно-логическое осмысление бытия и сознания, философия понималась и как умение выражать в художественно-пластической форме наиболее важные для человека проблемы его существования; и как практическое служение избранному идеалу; и как совокупность теоретического и практического знания; и как жизнестроительное учение, и как всеохватывающая мудрость, высшее ценностное содержание всей совокупности знаний о мире и человеке;

– сходство древнерусской философии с европейской средневековой философией, византийской и балкано-славянской культурой, тесные контакты с западной философией, особенно усилившиеся в XVI–XVII вв.

Специфической особенностью русской мысли допетровского периода является также то, что она, подобно всей культуре Древней Руси, эволюционировала не синхронно западноевропейской, но в опосредованной связи с ней, сохраняя свою самобытность и особенности самореализации не только в письменных источниках, но и в произведениях искусства: живописи, музыки, фольклоре, в произведениях архитектуры.

Типологически древнерусская философия может быть отнесена к средневековой православного типа, характерной для феодального общества, имевшей свои устойчивые признаки и эволюционировавшей в пределах X–XVII вв.²

Рассмотрев древнерусскую мудрость как целостный культурно-исторический феномен, перейдем к анализу ее эволюции в X–XVII вв., выделяя основные этапы ее развития в общем русле культурно-политической динамики феодального общества.

Этот период делится в свою очередь на ряд подпериодов соответственно принятой в науке периодизации: от становления в эпоху Киевской Руси через развитие во времена раздробленности до подъема в эпоху Московской Руси и заканчивая завершающим

этапом конца XVII в. – такова в общих чертах эволюция древнерусской мудрости в период ее собственного развития.

Период дописьменной культуры можно назвать предысторией древнерусской мудрости (до X в.). Его начальную границу трудно установить, концом же можно считать принятие христианства в качестве господствующей идеологии на Руси. Этот период характеризуется преобладанием языческого мировоззрения и пантеизмом натуралистического отношения к миру. Современные исследования архаических форм сознания позволяют говорить об элементах внешне примитивной, но внутренне значимой для глубинной эволюции человеческого сознания на последующих этапах, условно называемой первобытной, дописьменной, эмбриональной стадией развития мудрости, материнской по отношению к последующему периоду, когда в недрах древнейшей славянской культуры складывается самобытная мифология, в которой проступают элементы философского отношения к миру.

Языческое мировоззрение не выделяло человека из природы, оно было глубоко пантеистическим и по своей сути выражало изначальное отношение к миру, сравнимое с непосредственной психологией ребенка. Язычество есть «религия самодовлеющего космоса»³.

Древнерусские мифологемы языческой модели мироздания не только структурировали языческое сознание и создавали своеобразный механизм объяснения мира и человека, но и содержали в себе протомодели, которые впоследствии были преобразованы в развернутые и рационализированные концепции: «брак неба и земли», архетип сознания вроде «мирового древа», тройная вертикальная структура (небо, земля, преисподняя), четвертичное горизонтальное членение (север, запад, восток, юг), бинарные оппозиции (верх – низ, мужское – женское, день – ночь)⁴, сближающие древнерусские языческие мифологемы с аналогичными в религиозно-философских учениях древних Индии и Китая.

С всенародного крещения, т.е. с идеологического переворота, со своеобразной духовной революции Древняя Русь вступила в новую эпоху своего существования. На ру-

беже X–XI вв. происходит смена языческого типа мировоззрения христианским с внедрением богословских и философских представлений.

Христианская идеология вырабатывает свою концепцию мироздания. Вместо натуралистического равновесия она вводит напряженное противостояние духа и материи. И в мире, и в человеке усматривается непримиримая борьба двух противоположных начал, отождествляемых с богом и дьяволом, душой и плотью, добром и злом. Примат духовного создает монистическую объективно-идеалистическую картину мироздания. Вместо идеи вечного круговорота вырабатывается идея векторного развития от «сотворения мира» до «конца света». Человек взывается к моральной ответственности, он должен делать сознательный выбор между двумя мировыми силами, его жизнь подключается к мировому универсуму, его судьба становится частью мировой судьбы. В социальной сфере провозглашается равенство всех народов, классов, сословий при условии принятия христианства. Подобные терзания души, способствующие росту ее самосознания, присущи всей христианской культуре вплоть до Нового времени.

Философия на Руси как вид духовной деятельности была значительно шире богословия. Она должна была подчиняться религиозной господствующей идеологии, но не богословию как отдельной теоретической дисциплине, которое само было частью философии⁵.

В XII–XIII вв. раннесредневековая русская философия уже выступает как сложившееся явление. Христианство внесло в русскую общественную среду много нового, пробудило новые потребности, заставило задуматься над рядом вопросов, чем активно способствовало распространению просвещения. И Русь, несомненно, имела своих образованных, дальновидных и талантливых людей как среди правящей аристократии, так и среди духовенства. Летописец называет Владимира «новым Константином великого Рима», предвосхищая тем грядущее могущество поднимавшегося государства, которое начнет утверждать себя в качестве «Третьего Рима» в предстоящую эпоху Московского царства. Дело отца было продолжено сыном.

При Ярославе, прозванном Мудрым за великий ум и кипучую просветительную деятельность, Русь переживает настоящий расцвет. Приобщение к письменной духовной культуре породило культ книги, которая почиталась одной из высших ценностей, богато украшалась и ревностно оберегалась от угрожавших ей бедствий. Подобная эстетизация умственной деятельности придавала ей высокий статус и социальную значимость. Не варварская воинственность, но духовная мудрость становится высшей добродетелью гражданина.

В эпоху расцвета Киевской Руси и начавшегося процесса феодальной раздробленности религиозно-философская мысль сформировалась и начала успешно развиваться в различных формах. Были заложены основы философского мышления, сложились основные понятия и категории как на основе усвоения и творческой переработки элементов византийской (а через нее эллинской и восточной философской культур), так и на основе собственного эмпирического опыта российских авторов. Уже в Киевской Руси складывается особый тип подвижника-мыслителя, монаха-философа, учителя жизни в сократовском понимании этого предназначения, несущего мудрость наставника. Монастыри дали таких крупных и оригинальных писателей XI–XII вв., как Нестор, Илларион, Феодосий Печерский, Кирилл Туровский, митрополит Никифор, Климент Смолятич и др., которые включали в свои произведения философские рассуждения и психологические экскурсы, частично базирующиеся на достижениях античной и эллинистической мысли, частично – на собственных размышлениях авторов. Эти рассуждения и экскурсы являются свидетельством того, что в указанное время уже сложился вкус к философско-психологическим проблемам, которые касаются сущности человеческой психики, являясь потенциальными зародышами психологической науки, и что последние не были для русского образованного человека того времени чем-то внешним и наносным, а органически входили в состав его собственного мышления, опосредованного запросом общественной практики, лечения и воспитания⁶.

При крупных монастырях создаются библиотеки. Широкое распространение получают традиции письменной культуры в различ-

ных своих формах (исторические летописи, монашеские и светские этические произведения, учительные сочинения, афоризмы, притчи и т.д.). Согласно традиции древних русских «книжников» переписчик нередко брал на себя функции соавтора, начинал говорить с читателями не только от лица автора, но и от себя самого.

Два века иноземного господства были суровым испытанием на жизнеспособность отечественной государственности и культуры. И наш народ вынес эти испытания, закалился в борьбе и обрел новое могущество, сохранив в исторической памяти тяжкий опыт «злогорького» ига, который потребовался в период Смутного времени, в эпоху наполеоновского нашествия, в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем процесс русско-монгольских, а затем русско-ордынских отношений привел к проникновению на Русь элементов богатой культуры покоренных завоевателями восточных народов. Философская и психологическая мысль продолжает развиваться и совершенствоваться, обогащаясь опытом не только западной, но и восточной мудрости.

Еще в конце XII – начале XIII в. появляются на Руси переводные сочинения, свидетельствующие об особом внимании авторов к проблемам психологии, как нравоучительного характера («Пчела», «Диоптра» Филиппа Пустынника), так и натурфилософского («Толковая Палея»), составившие в дальнейшем «любимое чтение» русских людей вплоть до XVII века. В них рассматриваются вопросы о сущности души, разуме, чувствах, воле, борьбе мотивов; о значении мозга и сердца для человека; приводится идея индивидуально-типологических различий, т.е. соответствия конституции тела и характера человека; поднимаются вопросы возрастной периодизации развития, которая напрямую связывается с обучением и воспитанием⁷.

После кризиса, вызванного падением Киевской Руси в результате монгольского нашествия, начинается постепенный ее подъем в XIV–XV вв.

Психологическая мысль в XV в. на общем фоне подъема народного самосознания, прогрессирувавших феодальных отношений,

расцвета культуры значительно продвинулась в понимании мира и человека. Популярными по-прежнему являются сочинения натурфилософского содержания («Галиново на Ипократа»), дающие представления о детерминированности психических особенностей человека органическими причинами. Свойства физических и психических процессов формулируются как подчиненные общему правилу; складывается убеждение в единообразии процессов природы; оформляется идея причинной зависимости этих явлений; опыт и наблюдение предьявляются как средства познания действительности.

Стали широко усваиваться на Руси такие ценнейшие памятники переводной философской литературы, как «Тайная тайных» и «Аристотелевы врата». Осуществлен полный перевод на славянский язык Библии. На основе опыта учительной литературы создается сборник уставлений для семейной жизни граждан государства Российского – «Домострой». Возрос интерес к внутренней духовной жизни, что связано с влиянием исихазма, т.е. идеи внутренней духовной сосредоточенности и просветленности, в русской культуре (Кирилло-Белозерский сборник, сочинения Нила Сорского, Максима Грека, Артемия Троицкого, фрески Андрея Рублева и Феофана Грека).

Мы с полным правом можем назвать Нила Сорского «отечественным психологом XV века», идеи которого о формировании у человека внутренних качеств, в частности страстей, и их обусловленностью образом жизни человека, опередили развитие западных психологических воззрений Бэкона, Декарта, Локка более чем на столетие.

А келья Максима Грека в Чудовом монастыре становится своеобразным «литературным клубом», «философским кружком», где собираются многие жаждущие знаний и сами весьма просвещенные люди столицы.

XVI столетие явилось вершиной развития русской средневековой культуры, в том числе философской мысли, которая характеризуется разнообразием имен, направлений, стремлением к глубокому и всестороннему познанию бытия и сознания, а также наметившейся тенденцией к ее официальной дифференциации, т.е. написанию произведений

сугубо психологического содержания (Устав Нила Сорского, главы из произведений Максима Грека)⁸.

XVII столетие вошло в историю отечественной философии и психологии не столько обилием культурных памятников, имен, новых идей, сколько борьбой различных концепций и течений, а также нарастающей рефлексией, т.е. осмыслением бытия во всей его многогранной сложности. Вновь и вновь авторы обращают внимание читателя к проблеме нравственного выбора, перед которым стоит человек с момента своего рождения.

В XVII в. усложняются представления людей об обществе, природе и человеке. Вместо прямолинейного представления о положительных и отрицательных персонажах складывается понимание об изменчивости самого человека, его противоречивой сущности («Повесть о Горе-Злосчастии», «Голубиная книга»).

Представителем отечественной культуры нового типа можно с полным правом назвать Симеона Полоцкого. В его сочинениях присутствует немало сюжетов и притч на философские, психологические и педагогические темы, в которых, например, душу ребенка автор, не только вслед за Платоном, но уже и Джоном Локком, философом-педагогом позднего средневековья, уподобляет «скрижали ненаписанной»⁹.

Ценнейшими источниками по истории древнерусского мышления являются так называемые Азбуковники, – справочники энциклопедического содержания, накопившие сведения к рассматриваемому времени по различным областям знания, в том числе по антропологии, физиологии, психологии и педагогике.

Начинается постепенная профессионализация философии и выделение ее в особую форму общественного сознания. Открываются первые высшие учебные заведения – прообраз будущих университетов. Создаются первые учебники по различным областям научного знания, в том числе и по психологии (учебник братьев Лихудов). Ускоряются темпы развития: отечественная мысль теснее смыкается с европейской средневековой. Древнерусская мудрость постепенно эволюционирует в русскую философию Нового времени.

XVII век стал завершением, итогом многовекового пути развития древнерусской культуры, он же стал прологом, преддверием нового этапа в развитии отечественной истории.

После XVII в. древнерусская мудрость не прекратила сразу же свое существование, длительное время она продолжает жить в рамках культуры Нового времени, особенно в старообрядческой среде.

Основные парадигмы христианского мировидения в их концентрированном богословско-философском выражении воплощены не только в рукописных и печатных текстах, но и в невербальных источниках, в частности, в уникальном русском высоком иконостае, где представлена персонифицированная мировая история на образах протеческого, пророческого, деисусного, праздничного чинов. Высокий авторитет русской иконописи объясняется не только использованием ярких красок, изысканной композиции, иными эстетическими достоинствами, но, прежде всего, глубоким богословским и философским ее уровнем, когда насыщенное идейное содержание выражается пластическими визуальными средствами.

Архитектура как синтез искусств, способ материальной организации пространства, выражение эстетических концепций и отражение социальной структуры общества также имеет несомненную значимость источника философско-мировоззренческого характера.

Следует заметить, что храмы на Руси, как и всюду в Средневековье, понимались не только как культовые сооружения. Они несли многозначную символику и исполняли несколько функций. Храм помимо молитвенного дома был моделью мироздания, уникальной рукотворной моделью космоса и социума с особой системой росписи и организации пространства¹⁰. Понятие соборности до настоящего времени является важнейшей характеристикой русского православного общественного сознания.

В древнерусской философии, как и в мировой, можно выделить различные способы духовного освоения мира, опирающиеся на различные формы общественного сознания. Поскольку наиболее развитой и доминирующей формой была религия, отсюда

вытекает присущее всем феодальным формациям господство религиозной философии. Вместе с тем у каждого народа с древнейших времен существовала развитая художественная культура, повлиявшая на развитие мышления и давшая плоды синтеза философии и искусства. Постепенно развивалась и такая общечеловеческая форма познания мира, как наука, в частности, **психология**, уже все больше влиявшая на развитие философии. Несмотря на то, что психология к настоящему времени уже давно выделилась в самостоятельную науку, философское осмысление психологических феноменов, с одной стороны, и психологическое понимание и толкование явлений бытия и человеческого сознания, с другой – взаимно обогащают друг друга.

Итак, в Древней Руси находилось в обращении большое количество произведений, где ставились и решались психологические вопросы (происхождение и сущность души, свойства ума, устройство органов чувств, борьба мотивов, возрастные и индивидуальные различия в психике людей, проблема характера, происхождение сновидений и др.). Интерес к психологическим феноменам был не навязан искусственно, а отвечал возросшим вкусам и интересам русских мыслящих людей того времени.

Если попытаться концентрированно выделить характерные особенности древнерусской мысли, в частности, психологической, то следует отметить следующее:

- 1) ее **практическую направленность**;
- 2) повышенное внимание к **общественно-политической проблематике**, активный публицистический характер, осмысление проблем на конкретном социальном материале;
- 3) интерес к прошлому, глубину **исторического видения** мира, стремление вписать в мировой процесс жизнь каждого народа и отдельного человека;
- 4) этически акцентированное **нравственное переживание** бытия, стремление постичь непримиримую борьбу добра и зла, через которую раскрывается живая диалектика природы, общества и человека;
- 5) воплощение философских и психологических идей, как правило, в совершенную

художественную форму, будь то словесная или изобразительная, высокий **эстетический уровень** древнерусской мысли;

6) большое внимание к **внутреннему миру человека**, нежели к внешним событиям, тяга к проблемам **духовного**, нежели физического бытия;

7) **патриотическая направленность** древнерусской философии, что отразило ее тесную связь с общественно-политической проблематикой, с судьбами русской государственности и культуры, с извечным противостоянием Руси пытавшимся ее подчинить внешним силам, будь то Византийская империя, Золотая Орда, Речь Посполитая, Ватикан.

Завершая краткий обзор формирования древнерусской философской и психологической мысли, хочется подчеркнуть идею о преемственности в развитии отечественной психологии Средневековья и Нового времени.

Натурфилософские и психологические воззрения М.В. Ломоносова, философско-психологические и социально-психологические идеи А.Н. Радищева, с одной стороны, явились развитием и продолжением психологических идей предшественников, а с другой – сами послужили благодатной почвой для становления отечественной психологии последующих исторических периодов.

Обращаясь к мировоззренческим основам отечественной психологической мысли, мы видим, как на протяжении веков сформировались три подхода к рассмотрению психической реальности: философско-религиозный, впоследствии разделившийся в результате идеологического кризиса российского общества конца XIX столетия на **духовно-философский**, в концентрированном виде выраженный в трудах В. Соловьева и его последователей (П. Флоренского, о. Сергия Булгакова, Н. Бердяева), и **гуманитарно-философский** (например, у Г. Шпета, К.Д. Кавелина), а также **естественно-научный** (с конца XVIII века, благодаря сначала исследованиям отечественных физиологов Е.О. Мухина, И.Е. Дядьковского, А.М. Филомафитского, а затем – обращением к эксперименту вслед за В. Вундтом отечественных психологов и естествоиспытателей В.М. Бехтерева, И.М. Сеченова, И.П. Павлова).

Одной из насущных задач современной русской философской и психологической мысли является осознание своего единства со всем более чем тысячелетним древом отечественной культуры, развитие тех непреходящих ценностей, что были созданы нашим народом за многие века своего непрестанного культурного созидания.

Примечания

¹ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990.

² История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья. М., 1995.

³ Аверинцев С.С. Язычество // Философская энциклопедия. М., 1970. Т.5. С.611.

⁴ Попович М.В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.

⁵ Громов М.Н., Козлов Н.С. Указ. соч.

⁶ Очерки по истории русской психологии / Под ред. М.В. Соколова. М., 1957.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990.

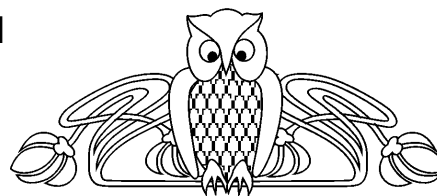
¹⁰ Марцинковская Т.Д. История психологии: Учеб. пособие. М., 2002.

УДК 159.923 (075.8)

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДИКИ М-ЦД (МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ «УСЦД» Е.Б. ФАНТАЛОВОЙ) ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

И.А. Красильников

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: igorkrasilnikov@mail.ru

В статье даётся общая характеристика методики Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности–доступности» (УСЦД), а также обоснование необходимости её модификации. Указаны результаты психометрической валидации модифицированной методики (М-ЦД). Рассматривается, каким образом можно расширить возможности применения модифицированной методики в различных жизненных сферах при исследовании внутреннего конфликта личности. Обозначены некоторые проблемные аспекты исследовательской деятельности психолога с использованием предложенной методики (М-ЦД).

Psychodiagnostic Potential of Methods M–VA (E.B. Fantalova's modification of methods «LRVA») in the Investigation of Intrapersonal Conflict

I.A. Krasilnikov

The article gives general description of E.B. Fantalova's methods «Level of the Ratio of Value-Access» (LRVA) and basing the necessity of its modification. The results of psychometric validation of modified methods (M-VA) are indicated. It is examined in what way the potential of use of modified methods (system) in different vital spheres in the research of intrapersonal conflict might be expanded. The article denotes some problem aspects of psychologist's research work with the use of given methods (M-VA).

Общая характеристика методики «Уровень соотношения ценности–доступности» (УСЦД) Е.Б. Фанталовой

Существует методическая трудность в диагностике целостного, ценностно-экзистенциального отношения к себе как результату самооценки личностью своих желаний и своих возможностей. Эту трудность преодолевает разработанная Е.Б. Фанталовой методика «Уровень соотношения ценности и доступности» для диагностики на духовно-личностном уровне внутреннего конфликта в различных жизненных сферах¹.

По сравнению с другими психодиагностическими методами обследования личности указанная методика привлекла наше внимание своим мощным объяснительным потенциалом и большими эвристическими возможностями.

В основу замысла данной методики легла идея о том, что одной из главных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, меняющееся в процессе

жизнедеятельности соотношение между осознанием ведущих жизненных ценностей, личностных смыслов, целей, и всем, что непосредственно доступно и связано с осуществлением конкретных достижимых целей, лежащих в зоне «легкой досягаемости». Применительно к конкретной жизненной сфере внутренний конфликт как рабочее определение Е.Б. Фанталова операционализировала через введение метрического показателя, как разности между количеством (при попарном сравнении двенадцати ценностей) преобладающих выборов по критерию «ценности, значимости, привлекательности» и количеством преобладающих выборов по критерию «доступность, более легкая достижимость». В инструкции к методике «УСЦД» предлагается испытуемому попарно сравнивать между собой 12 из предложенных ценностей, отобранных из методики Рокича «Ценностные ориентации». Такая техника проведения обследования позволяет получить достоверные данные, так как не дает испытуемому возможности проявить социальную желательность.

Побудительная сила различных мотивов в возникновении интрапсихологических конфликтов в конкретных жизненных сферах будет во многом зависеть от степени взаимосвязи «ценность – доступность». Для любой жизненно важной сферы автор выделила несколько типичных вариантов такой взаимосвязи:

- а) Ц и Д полностью совпадает;
- б) Ц и Д в значительной степени совпадают;
- в) Ц и Д в значительной степени расходятся.

Основной психометрический показатель – разность между показателями «Ценность» и «Доступность» – отражает уровень рассогласования, дезинтеграцию в ценностно-мотивационной сфере личности и характеризует ее внутренний конфликт как блокаду ведущих потребностей, с одной стороны, и самореализацию, личностную идентичность – с другой. Результаты, полученные Е.Б. Фанталовой по указанной методике, показали, что состояние внутреннего конфликта – это состояние «разрыва» в системе «потребность – ценность» и собственными возможностями, личностными ресурсами. Эмоциональная не-

удовлетворенность как глубина внутреннего конфликта по данной методике определяется достаточно точными качественными и количественными индексами.

Для конкретной жизненной сферы показатель расхождения «Ц–Д» (ценность – доступность) имеет двухмерную характеристику в зависимости от того, какой параметр выше – Ц или Д: если $Ц > Д$, то это означает затянувшийся до настоящего времени внутренний конфликт; если $Д > Ц$, то имеется, напротив, внутренний вакуум, опустошенность, снижение мотивации. При разработке методики Е.Б. Фанталова опиралась на гипотезу о различном рассогласовании в мотивационно-личностной сфере у больных гипертонической болезнью по сравнению со здоровыми лицами. По данным Е.Б. Фанталовой, имеется корреляционная связь внутреннего конфликта личности с эмоциональной напряженностью².

Обоснование необходимости модификации методики «УСЦД»

Необходимость в модификации методики «УСЦД» возникла в процессе практики психологического (психотерапевтического) краткосрочного консультирования людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и конкретно вызвана следующей причиной. При работе с клиентом, находящимся в пред-, пост- и кризисном состоянии, требуется urgentная (неотложная) помощь. Для решения вопроса о степени активного вмешательства в личностную сферу человека, выбора мишени воздействия психологу необходимо иметь экспресс-методики, позволяющие за короткое время получить информацию о содержательной стороне внутриличностного конфликта и об уровне его тяжести (адаптационного потенциала). Оперативное «снятие» психологической информации становится особенно актуальным при групповом (массовом) обследовании в профилактических целях. Данную задачу трудно решать, используя методику Е.Б. Фанталовой, так как она обладает двумя существенными недостатками: значительная затрата времени диагностирования и эмоциональные усилия самого испытуемого. Из этого следует, что имеется ряд объективных факторов, побудивших нас модифицировать методику «УСЦД».

В процессе практической адаптации методики «УСЦД» нами была разработана ее модификация («М-ЦД»), необходимость создания которой продиктована потребностью в обеспечении методической простоты и удобства использования. Перечислим некоторые наиболее важные преимущества методики «М-ЦД», по сравнению с методикой «УСЦД»:

а) значительное сокращение времени тестирования: в среднем оно составляет по методике «М-ЦД» 5 мин, а обработка данных – 3 мин, в то время как по методике «УСЦД» тестирование в среднем составляет 20 мин, а обработка данных – 10 мин. В связи с этим мы не согласны с мнением Е.Б. Фанталовой, что «УСЦД» можно отнести к экспресс-методикам, даже в компьютерной версии;

б) облегченность интеллектуальной и эмоциональной нагрузки при тестировании. Это позволяет наиболее полно реализовать профессионально-этический принцип «не навреди», который становится особенно актуальным при работе с испытуемыми, находящимися в состоянии психической напряженности;

в) методика «М-ЦД» лишена недостатка, который имеется в методике «УСЦД», когда перед испытуемым стоит задача выбора только одной из двух равноценных предлагаемых ценностей. В методике «М-ЦД» допускается выбирать одновременно две равнозначимых ценности из предложенных 12;

г) в процессе тестирования субъект воспринимает одновременно 12 предложенных ценностей, что позволяет ему осуществлять системно ценностный выбор, латентно учитывая многозначные детерминирующие связи между предлагаемыми ценностями.

Психометрические показатели модифицированной методики «М-ЦД»

Данные показатели методики определялись с учётом требований статистической стандартизации, принятых в психологии.

Статистическая стандартизация проводилась на выборке 192 чел., студенты различных факультетов СГУ, 18–25 лет, служащие³. В наших расчетах эмпирический закон распределения ОВК достоверно не отличается от нормального закона распределения: $\chi^2_{\text{эмп}} = 13,8$ ($p > 0,05$). Параметры распределения показателя ОВК: $M = 20,6$; $S = 6,5$.

По данным наших расчетов, ретестовая надежность методики «М-ЦД» с интервалом 1,5 месяца для показателя ОВК составила $r = 0,7$ ($p < 0,01$).

Определялась валидность метрического критерия высокого уровня конфликтности ценностей путем сопоставления данных, полученных по методикам «М-ЦД» и «УСЦД». Коэффициент корреляции составил $\phi = 0,7$ ($p < 0,01$).

Критериальная валидизация проводилась путем сопоставления ценностей с высоким уровнем конфликтности выявленных по методике «М-ЦД» и данных субъективно подтверждаемых индивидом ценностей как проблемных. По результатам расчёта частота субъективно подтверждаемых ценностей с высоким уровнем конфликтности достоверно превышает частоту субъективно неподтверждённых индивидом конфликтных ценностей: $\chi^2_{\text{эмп}} = 31,0$ ($p < 0,01$), что говорит о валидности методики «М-ЦД».

Методология ценностного подхода методики «М-ЦД» при тестировании была сохранена, как и в методике «УСЦД». Поэтому конструктивная валидность не исследовалась.

Модифицированный вариант методики Е.Б. Фанталовой «М-ЦД» показал высокую валидность в исследовании конфликтности ценностной сферы личности. Он обладает прогностической ценностью при изучении широкого круга явлений, относящихся к адаптационному потенциалу личности. Полученные данные позволяют утверждать, что уровень «общей конфликтности» ценностной сферы личности в сочетании с «запасом уверенности в себе» являются валидными и системными показателями при оценке адаптационного потенциала личности.

Теоретически обосновано и экспериментально подтверждено положение о конфликтности ценностной сферы личности как системном факторе адаптационного потенциала. Изучено и проанализировано влияние конфликтности ценностной сферы личности на ее адаптационный потенциал. Установлено, что существует критический порог конфликтности ценностной сферы, при превышении которого наблюдается качественное изменение (снижение) адаптационного потенциала личности; конфликтность ценности «уверенность в себе» является универсаль-

ным показателем высокой конфликтности ценностной сферы и низкого адаптационного потенциала личности. На основании этого разработаны статистические нормы уровней внутриличностного конфликта.

Исследования на основе методики «М-ЦД» позволили нам предложить классификацию типов личности (уверенные в себе, явно неуверенные в себе и латентно неуверенные в себе). Полученная классификация типов личностей позволяет оценить уровень адаптационного потенциала.

Классификация типов личности с опорой на методику «М-ЦД» может быть использована в профилактических целях для прогнозирования и предупреждения дезадаптации личности (в профотборе при приеме в военные организации). Использование методики может быть также полезно в психолого-психотерапевтической консультативной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или имеющим опыт психологической травматизации⁴.

В семейном консультировании методику М-ЦД можно использовать в качестве диагностики супружеской совместимости (или желающих вступить в законный брак). Для этого необходимо несколько видоизменить процедуру обследования: вначале ранжируется ряд ценностей мужчиной, а затем женщиной, а нормы берутся из указанной методики. Кроме того, дополнительной информацией служит сопоставление конфликтных ценностей у обоих супругов.

Список 12 ценностей, которые отобрала Е.Б. Фанталова из методики Рокича, отражает ценностные ориентиры взрослых людей. Поэтому методики УСЦД и М-ЦД применяют при диагностике внутриличностных конфликтов этой части испытуемых. Набор ценностей можно подбирать самостоятельно в зависимости от того, конфликт в каких жизненных сферах интересует психолога. Так, для подростков желательно заменить некоторые ценности согласно их возрастному развитию. Изменение списка ценностей также возможно, когда необходимо изучить специфические личностные качества, важные для той или иной профессиональной деятельности (ПВК).

Особенностью процедуры психодиагностики является то, что психолог перед тестированием не должен прямо информировать испытуемого о том, что будут исследоваться внутренние конфликты его личности, так как это повысит уровень тревожного состояния и мотивацию социальной желательности как форму защитного поведения. Можно, например сказать о том, что мы хотим посмотреть ваш взгляд на мир. Но в любом случае психолог руководствуется в работе конечно же этическими принципами.

Анализ результатов исследования конфликтности ценностной сферы личности выявил ряд дополнительных проблемных вопросов:

– существует ли связь между выделенными типами личностей и их способностью к перестройке ценностно-смысловой сферы? Наличие этой способности является важным условием высокого адаптационного потенциала. В процессе жизнедеятельности личностям с более высоким адаптационным потенциалом удаётся ли быстрее перестраивать ценностно-смысловую сферу;

– в дальнейшем представляет интерес провести лонгитюдное исследование, чтобы отследить динамику связей конфликтности ценностной сферы с различными типами психологических защит. Это позволит более обстоятельно анализировать эффективность совладающих форм поведения.

Психотерапевтами и психологами зарубежной психоаналитической и экзистенциальной школы на основе феноменологического анализа был отмечен и неоднократно указывался в соответствующей литературе тот факт, что утрата уверенности в себе, является существенным показателем личностно-эмоциональной дезадаптации. Исследование, проведенное на основании модифицированной методики М-ЦД, позволило нам подтвердить данное положение. Особенно информативным явился введенный ранее показатель «запас уверенности в себе», позволяющий диагностировать степень повреждения эмоциональной сферы личности.

На своём жизненном пути каждый человек встречается как с внешними, так и с внутренними преградами, которые могут значительно блокировать его ведущую дея-

тельность по достижению тех или иных ценностей. От того, насколько личности удастся преодолеть эти препятствия, зависит ее вера в себя и в свои силы.

Неуверенность в себе, как характеристика самоотношения имеет ярко выраженный амбивалентный характер, глубоко затрагивает эмоциональную сферу и представляет для личности особую проблему. Ее субъективная недостижимость воспринимается в качестве внутреннего труднопреодолимого препятствия. Трудность совладания личности с неуверенностью в себе может повлечь за собой вторичную психологическую дезадаптацию, когда источник угрозы по оценке самой личности локализуется внутри неё: происходит интериоризация угрозы-препятствия. Поэтому возникает сложный аспект проблемы внутриличностной адаптации: каким образом возможно совладание личности с собственной неуверенностью в себе.

Феномен экзистенциально-тревожной неуверенности в себе связан, очевидно, с повреждениями в эмоционально-волевой сфере личности и является следствием остаточной психологической травматизации. Для углублённого научного анализа требуются

дальнейшие исследования с опорой на феноменологический анализ личности.

Перед практической психологией стоит важная задача: найти способы и методы воздействия на личность, которые повысили бы ее адаптационный потенциал, позволяя личности вернуть веру в себя и в свои силы, полноценно реализовать себя в обществе. Эффективность имеющихся методов во многом зависит от того, на какие методологические позиции они опираются. Понимание же механизмов функционирования повреждённой эмоционально-волевой сферы личности позволит в психотерапии специфично выбрать мишень воздействия, что невозможно без предварительной психодиагностики.

Примечания

¹ Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара., 2001.

² Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних // Психол. журн. 1992. Т.13, №1. С.107–117.

³ Красильников И.А. Изучение влияния конфликтности ценностной сферы личности на адаптационный потенциал. Дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2005.

⁴ Красильников И.А. Внутриличностный конфликт и психологическая адаптация. Саратов, 2006.

УДК 159.9.01

СОЗНАНИЕ: ПАТОПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОФИЗИКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

А.А. Понукалин

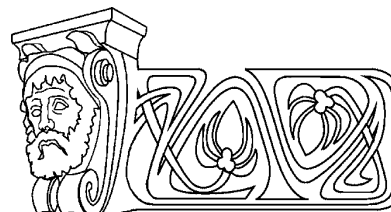
Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: ponukalin@sstu.ru

В статье представлен анализ категории сознания в аспекте естественно-научного объяснения феномена сознания как явления природы. Разрабатывается идея существования неких основ мироздания, которые обнаруживают себя в сознании на признаке субъективного предпочтения. В пилотажных исследованиях показано, что предпочтения форм сложных пространственно-симметричных фигур и фрагментов музыкальных произведений обусловлены как общими закономерностями, так и индивидуально-личностными различиями, связанными с психическими расстройствами.

Consciousness: Pathopsychology, Psychophysics, Psychophysiology

A.A. Ponukalin

In work the analysis of a category of consciousness in aspect of a natural-science explanation of a phenomenon of consciousness as natural phenomena is submitted. The idea of existence of certain

bases of a universe which find out itself in consciousness on an attribute of subjective preference is developed. In flight researches it is shown, that preferences of forms of complex spatial – symmetric figures and fragments of pieces of music are caused both the common laws, and the individual – personal distinctions connected to mental frustration.

Научная проблема сознания – это проблема природы носителя сознания, его субстрата, генезиса и проявлений как процессов, протекающих в таком субстрате. В психологии носителем сознания служит субъект с его эгоцентрическим началом, но что это такое, пока не ясно, если говорить о научном описании субъективных явлений. В конечном счёте, можно говорить о «внутреннем на-

блюдателе», кому представлены все формы субъективной реальности, как она интерпретируется и вербализуется людьми с нормальной психикой¹.

Анализируя раннюю историю развития представлений о сознании², можно признать, что предпосылки возникновения психологии как науки о сознании создали ещё Августин Блаженный и Ф. Аквинский. Августин утверждал, что процессы сознания, которые независимы от внешнего мира, служат предметом самопознания. Эти процессы познаются человеком в состоянии самоуглубления и внутреннего созерцания. Опять же за пределами анализа остаётся тот, кто созерцает, самоуглубившись. Может быть, это и есть разум, обладающий сознанием, в котором происходят доступные познанию процессы. В самопознании человеку представлена природа сознания: образы, интеллектуальные явления, волевые побуждения. При этом, как полагал Августин, выявляется примат воли над другими процессами. Таким образом, ещё Августин ввел фактически понятие интроспекции как состояния разума (человека) и как метод познания природы сознания – процессов, происходящих в сознании человека.

Разум же Фома Аквинский рассматривал как источник истинного познания, в отличие от чувственного. В своей теории чувственного познания он утверждал, что все вещи обладают чувственными свойствами, и они даются человеку в восприятии, в нематериальных впечатлениях души. В этой психологической модели речь идёт уже о душе, обладающей разумом, следовательно, вопрос о «созерцателе» решается введением понятия души. Душа способна чувствовать и испытывать впечатления от чувствования, что характеризует её отражательные способности как действующего субстрата. Однако познать можно только переживания в их разных формах, они и составляют содержание сознания, представленное субъекту (та же идея – у Августина, что свидетельствует о преемственности идей европейских мыслителей). В таком подходе сознание предстаёт в теории как замкнутый в себе внутренний мир (психических) переживаний, непосредственно данный человеку от природы. Этот мир управляется своими собственными законами, живёт своей жизнью, и познание его возможно только

интроспективно. Истинное познание осуществляется разумом посредством механизмов, которые в современной психологии (но в понятиях Ф. Аквинского) называют мышлением.

Носителем мышления, как полагал Томас Гоббс, сформулировав основной постулат материализма (в противоположность теологии Ф. Бэкона), является особым образом организованная материя. В этой теории психическое сводится к мышлению, которое возникает в материи, организованной «особым образом». Подобное утверждение можно считать постулатом, на котором строится современная теория искусственного интеллекта: если организовать материю подходящим образом, то в ней возникнет явление мышления. Следовательно, искусственный интеллект способен познавать, приобретать истинное знание, что в психологическом плане кажется весьма сомнительным.

В современной истории психологии³ следует отметить одно из течений, порождённое развитием идей эмпирического подхода, в качестве которого служила функциональная психология. В ней постулировалась главная задача психологии – анализ содержания сознания и изучение его функций. При этом основные усилия направлялись на изучение мышления, которое рассматривалось как протекающее по присущим ему внутренним законам. Другое течение – волюнтаристическая психология (Вундт, 1832–1920), в которой главным постулатом было положение о том, что волевые процессы составляют основу **психической жизни**. Волю же Вундт представлял как *специфическую энергию* сознания, и оно становится предметом экспериментальных исследований. Вундт установил, что восприятие предмета зависит от субъективной организации стимула. На примере данных экспериментов с восприятием ритма можно сделать вывод о том, что сознание обладает свойством ритма, и значит, психические процессы, возможно, дискретны. Вундт утверждал, что **объём сознания** динамичен и, самое главное, сознание способно почти *беспрельдно* насыщаться некоторым содержанием, если это содержание активно организуется в аспекте всё более крупных единиц (что происходит в восприятии, когда образуются его перцептивные единицы). Следовательно, способность укрупнения единиц

обнаруживается не только в восприятии, но и в мышлении. (Значит, перенасыщение сознания образами как одна из причин старения организма может и не наступить, если психика пребывает в процессе непрерывного развития на уровне основных факторов интеллекта).

Пример организации более крупных единиц – понимание фразы, составленной из менее крупных единиц, т.е. слов. Получается, что понятие есть единица сознания. По результатам обобщений Вундт поставил задачу отыскания простейших элементов сознания. В качестве таковых (простейших, далее не разложимых) он считал впечатления или ощущения, которые различаются по модальностям, интенсивностям, пространственно-временным свойствам. Ощущения в такой характеристологии Вундт считал объективными элементами сознания. Субъективные элементы – чувства, которые компануются в три пары элементарных чувств: «удовольствие–неудовольствие», «возбуждение–успокоение», «напряжение–разрядка». Они образуют оси трёхмерного пространства всей эмоциональной сферы, значит можно сделать вывод о том, что они служат основанием (фоном) сознания. В этом пространстве все другие чувства являются, как полагал Вундт, комбинациями исходных («элементарных»): радость – это удовольствие и возбуждение, надежда – это удовольствие и напряжение, страх – это неудовольствие и напряжение. Следовательно, любое эмоциональное состояние можно «разложить» на три составляющих или «собрать» из них же.

В. Джеймс рассматривал сознание как орудие адаптации человека к среде, а потому **жизненная ценность** сознания уясняется только исходя из эволюционной теории, а потому реализует **нужды** индивида. Сознание не расчленяется на элементы, имеет целостный характер, оно динамично, что можно трактовать как «поток сознания». Особое значение имеют активность и избирательность сознания, а также и его функции в жизнедеятельности личности как системы. Явления сознания не сводимы к совокупности ощущений, представлений и т.п., и сознание соотносится не только с телесными адаптивными свойствами, но и с природой личности, под которой понималось всё, что человек считает своим. Было выделено два

вида состояния сознания: устойчивые и изменчивые, быстро переходящие. «Поток сознания» – движение сознания, непрерывное изменение его содержаний и состояний. Его невозможно остановить, и в этом мы, по всей видимости, имеем дело с одним из законов сохранения. Ни одно минувшее состояние сознания не повторяется, а тождественным может быть только объект внимания, но не впечатление о нём. Процессы сознания, по В. Джеймсу, делятся на произвольные и непроизвольные, то это значит, что воля – более глубокое явление психики, чем сознание, поскольку оно управляется волей.

Теория сознания в психологии конца XIX в. исходила из понимания главного обстоятельства – первое, что человек обнаруживает в себе, это его собственное сознание. Потому существование сознания есть главный и безусловный факт. Он и стал ведущим в определении основного объекта психологического исследования в аспектах состояний, процессов, содержания сознания. В содержание сознания входят многие субъективные элементы: непосредственные образы окружающего мира, образы-воспоминания, мимолётные ощущения себя, своей силы и благополучия, острое эмоциональное переживание, огромное разнообразие форм субъективной реальности (события внутреннего мира субъекта). В сознании одновременно могут находиться зрительные образы, слуховые впечатления, эмоциональные состояния, мысли, воспоминания, желания и т.д. Это поле сознания, в котором существует «поток сознания». Поле имеет строение, в котором выделяется центральная часть («фокус сознания») – поле внимания. За её пределами находится область, где содержания неотчётливы, смутны, не расчленены, и это периферия сознания. В данных областях содержания сознания находятся в непрерывном движении. Представления об областях сознания мы обнаруживаем в концепциях З. Фрейда, К. Юнга, А.Р. Лурия. Например, З. Фрейд рассматривал сознание как непосредственные переживания, возникающие от воздействия внешней и внутренней среды, приравнивая сознание акту внимания и отождествляя его с «Эго» (рацио).

В психологии сознания того времени метод интроспекции был признан как единственный в психологии. Поскольку сознание

открыто только самому человеку, то его изучать можно лишь интроспективно, и предметом психологии могут быть только факты сознания. Однако эти положения подвергались критике, поскольку интроспектирование как атомизация происходящего в сознании есть в действительности вторая деятельность, которая влияет на первую, т.е. ту, которая интроспектируется. Сознание в интроспектировании оказывается как бы «короткозамкнутым». Кризис интроспективного направления наступил в результате критики теорий Вюрцбургской школы (начало XX в., Бавария) со стороны Вундта, Гитченера, Мюллера.

Исходные позиции Вюрцбургской школы отражены в утверждении о том, что мышление есть психический процесс, закономерности которого не сводятся ни к законам логики, ни к законам образования ассоциаций, поскольку была обнаружена неспособность ассоциативной концепции объяснить избирательность и направленность актов сознания. Специфика состоит в том, что ассоциации отбираются в соответствии с тенденциями, создаваемыми принятой испытуемым задачей. Организующая роль признавалась за предваряемой поиском решения «установкой сознания». Поэтому установку вообще рассматривали как установку сознания, полагая, что сознание – это единственный регулятор происходящих в нём самом процессов. Другие же полагали, что установка есть неосознаваемый акт, поскольку скрыт от интроспекции. Сформировалось понятие субъективного пространства сознания, за пределами которого все явления имеют физиологический характер.

Феномен установки открыт при изучении времени реакции (Л. Ланге), затем памяти (Г. Эббингауз), мышления (Вюрцбургская школа). Понятие установки изменяло представление о предмете психологии как о **субъективном пространстве сознания** (поскольку, всё за его пределами относили к явлениям физиологическим). Новая методология предписывала взять за исходное не замкнутое в себе сознание (с его элементами и функциями), а человека как целостное существо. Теорию установки (на основе решения проблем зависимости процессов сознания от неосознаваемых факторов, которые придают этим процессам целенаправленность и упо-

рядоченность) разрабатывал Д.Н. Узнадзе⁴. В своей теории он выделил в качестве особой детерминанты целостную установку субъекта, опосредующую связи с окружающей средой, создающую готовность совершить акт, который ведёт к удовлетворению потребности. Это означает, что детерминантой установки служит актуальная потребность (схема регуляции: «потребность – установка»).

Объединяющим началом разных форм субъективных явлений, их систематизирующим фактором становится, видимо, осознание как интегральный процесс, осуществляемый в системном состоянии сознания субъекта. При этом необходимо выделить чувственный, концептуальный, образный и вербально-логический уровни и компоненты осознания, которые, как компоненты, образуют интегральное целое, но могут «расщепляться» в зависимости от способа выполнения, например, мыслительного действия⁵. Если сознание рассматривать как деятельность, то её сущностью представляется осознание⁶. В свою очередь, по выражению С.Л. Рубинштейна, «...сознание существует лишь как процесс и результат осознания мира человеком»⁷.

Процессы, происходящие на разных уровнях осознания, составляют акты субъективной ориентировки. В ориентации устанавливаются измерительно-оценочные, семантические отношения «Я»-субъекта с отраженной моделью, которые проявляются в продуктах осознания. Семантика как принципы субъективного отношения символов (знаков) к обозначаемым ими предметам реализуется в переживаниях, понятиях и вербально-логических конструкциях, образующих знаково-символическую систему, пригодную для построения суждений и выводов и позволяющую выразить дедуктивные и индуктивные заключения. Таким образом, сознание как психологическое состояние субъекта реализуется посредством процесса осознания – трансформации некоторого психологического содержания в различные формы субъективных явлений (интерпретаций). Такое представление порождает проблему анализа процессуальной структуры состояния сознания в смысле субъективного содержания и субъективных результатов осознания того внешнего и внутреннего, что отражается субъектом.

Полезно рассматривать сознание как природное явление в целом, как состояние его субстанционального носителя, а также и как процесс (осознание), в которых обнаруживаются характерологические качества феномена сознания. Сфера сознания – все то, что осознавалось ранее (и перешло в долговременную память), осознается в данный момент и может быть осознано в будущем. Сфера сознания как специфическая область психических явлений имеет своего субъекта и свои объекты с их психологическим содержанием (чувства, понятия, мысли, образы, вербальные конструкции и др.).

Субъект сознания – ориентированный «наблюдатель» или определенное непрерывным образом положение «Я»-субъекта в отраженной и движущейся (во времени) ситуационной модели внешнего мира, что обеспечивается непроизвольно-произвольными механизмами регуляции состояния сознания. Поскольку «проблема сознания несомненно принадлежит в психологии к числу важнейших, если не является самой важной»⁸, то теоретически привлекательным представляется выбор феномена сознания в качестве «точки отсчета» в анализе психических явлений, которые при этом должны быть описаны в отношении к нему, то есть как причины и условия его порождения и формирования, а так же как результаты и следствие его проявлений. Такой выбор предполагает необходимость определения функциональных, структурных и системных психологических характеристик сознания, исследование психического в целом в отношении к природе сознания.

Проблема субстрата сознания – одна из главных. Служит ли она в качестве такового материальная структура живого головного мозга или есть нечто другое, связанное с этой структурой, но не сводимое к ней? Дело в том, что при нарушениях (атеросклероз сосудов головного мозга) наблюдаются выраженные психические нарушения мышления и памяти. Однако в отношении памяти справедливым оказывается закон Рибо: память опустошается по направлению от более поздних хронологически событий к более ранним, что наблюдается и при многих органических заболеваниях головного мозга⁹. Это может означать, что долговременная память, в отличие от оперативной, слабо зави-

сит от органических процессов в головном мозге, а она-то и является основанием сознания, на котором сохраняется самоидентичность личности, непрерывность собственного «Я»-субъекта.

Особую ценность для общества представляют интеллектуальные проявления сознания, в связи с чем и возникла идея так называемого «искусственного интеллекта». Следуя определению Т. Гоббса, можно утверждать: если мы изучим, как организована материя, в которой существует сознание, и организуем таким же образом подходящую материю (важна не сама она, но её организация), то в ней возникнет сознание, не отличное от такового же у человека. Возникает вопрос: может ли в *искусственной* как угодно сложно организованной материальной среде возникнуть сознание или оно есть качество живого? В последнем случае организация материи – это создание *искусственных* живых организмов.

Существенным аспектом проблемы сознания является вопрос о физических основаниях субстрата сознания – существуют ли они? Это вопрос не простой, если иметь в виду некоторые феномены. Например, в экспериментах показано¹⁰, что если сознательно направлять на расстоянии эмоциональные чувства на жидкую воду (положительной полярности на один сосуд, отрицательной – на другой с такой же водой), то в последней происходят физически регистрируемые характерные изменения, когда вода переходит из жидкого в твёрдое состояние. Следовательно, существует некий физический субстрат (универсалий), общий для сознания, полярных чувств, пространства и вещества (воды), благодаря которому становится возможным перенос явлений сознания в окружающем пространстве на некоторое расстояние и воздействие этих явлений на субстрат вещества (воды, в данном случае). Поразительно, что оказываются физически определёнными полярные чувства, которые психология относит к чисто субъективным явлениям по своим качествам и значениям для человека. Значит, "добро" и "зло" есть ипостаси природы, поскольку они надёжно «опознаются» веществом на уровне физических проявлений в формах, различающихся и в восприятии их человеком.

К первичным элементам сознания относятся переживания человека в самых разных формах: впечатления младенца; ощущения тепла-холода, света, цвета, звука, вкуса, запаха; мысли и образы; эмоциональные чувства – всё то, что в таком виде в окружающем мире не существует. Следовательно, сознание относительно автономно, обладает собственным, присущим только ему качеством своеобразия, проявляющимся как модальность, смысл и значение (по А.Н. Леонтьеву¹¹) по отношению к «внутреннему наблюдателю» или существующему как субъективная реальность. Значит, должен быть и специфический субстрат. Рассмотрим эту проблему в аспекте психологической теории восприятия.

Перцептивный процесс на уровне сознания проявляет особенности, которые сложно объяснить только в рамках теории перцептивного научения, что относится, например, к свойству вынесенности образа восприятия вовне. В данном случае речь идёт о закономерностях, которые обнаруживаются в процессах решения перцептивных задач. Простейшая перцептивная задача в зрительном восприятии – выделение фигуры из фона, когда сенсорное поле в субъективном пространстве сознания структурируется особым образом. Сформируются два субъективных конструкта, предмет одного из которых означает как фигура, а другого – как фон, т.е. то, что не имеет конфигурации. При этом действуют устойчивые закономерности в качестве факторов произвольной регуляции: фигурой становится меньшая по площади конфигурация и наиболее чёткая по геометрии. Последнее означает, что важнейшей характеристикой фигуры служит форма, которая и составляет некую субъективно-объективную базу («чувственную ткань» сознания, по А.Н. Леонтьеву) перцептивного образа. Возможно предположить, что форма есть некий конструкт, встроенный от рождения в «чувственную ткань» и субъективизируемый в онтогенезе по мере когнитивно-практического освоения человеком предметного мира.

Общенаучную категорию формы в применении к теории восприятия разрабатывал В.Н. Пушкин, один из ведущих отечественных психологов, применивших достижения

многих наук в объяснении пси-феноменов. Он известен своими капитальными трудами, посвящёнными психологии мышления операторов систем «человек – машина»: «Оперативное мышление в больших системах» (1965); «Эвристика – наука о творческом мышлении» (1967); «Психология и кибернетика» (1971). Занимаясь изучением феномена психокинеза В.Н. Пушкин стремился объяснить эти необычные явления с позиции материалистической диалектики, полагая, что будучи материализуемыми, они имеют материальную природу¹².

Изучая биогенетические аспекты соотношения образа с воспринимаемым объектом В.Н. Пушкин обратил внимание на неразработанность философской категории формы и отсутствие её естественно-научной теории. Он полагал, что естествознание исторически углубилось в изучение вещества и происходящих в нём процессов, не занимаясь формой как предметом фундаментального исследования, и форма объектов, как некая физическая реальность, осталась за пределами естественных наук. У древнегреческих же философов было понимание того, что все объекты, из которых состоит мир, характеризуются фундаментальными качествами – веществом и формой. Следовательно, вещество и форма служат основными признаками объекта!

С позиций диалектики существенным оказывается вопрос: что же первично в объекте? В.Н. Пушкин полагал, что *благодаря* именно форме вещество становится объектом. В этом утверждении скрыта проблема огромной научной важности – проблема значения фундаментального процесса формообразования в природе¹³, выходящая за пределы психологии, но чрезвычайно существенная для неё. Реальность форм объектов (по крайней мере, в сознании) как некоторой всегда конкретной материальной структуры позволяет сделать форму предметом конкретно-научного изучения. Физика формы у В.Н. Пушкина, порождающая проблему соотношения формы с веществом, проста: форма может быть представлена как волновая (полевая) структура, контуры которой совпадают с пространственными особенностями того или иного объекта.

В объяснении восприятия используется формообразующая функция мозга: мозг оказывается органом, порождающим полевые, волновые структуры, соответствующие формам отражаемых объектов. Образы восприятия с точки зрения их материального существования выступают как реальности, подобные стоячим волнам, как некоторые полевые структуры, как формы в чистом виде. При отражении предметов эти материальные (и в то же время информационные) образования входят во взаимодействие с формами воспринимаемых объектов. Именно такое полевое, волновое взаимодействие форм составляет основу процесса восприятия. Возможно, что в природе имеет место дистанционное взаимодействие форм.

Основываясь на этих рассуждениях, В.Н. Пушкин приходит к выводу о том, что теперь найдено место психического в системе природы, поскольку реализация категории формы позволяет вписать образы восприятия и вообще психику человека в естественно-научную картину мира, сделать их, наряду с веществом, объектом изучения в системе естествознания. Психическую реальность можно рассматривать как одно из проявлений форм. Значит, некие формы первичны по отношению к психике и согласно рассматриваемой теории они представляют собой какие-то базовые модели в «тонком» мире, и эти модели отражают законы основ мироздания, которые проявляются в онтологии и вещества, и психики. Тогда должны существовать механизмы «планирования» (как у Г.Н. Шипова) процессов овещствления таких моделей, в результате чего поддерживается миропорядок. Подобная теория могла бы объяснить явление избирательности органов чувств человека, настроенных от природы (генетической заданности) на отражение определённых областей физических явлений.

Восприятие как субъективный процесс формообразования должно основываться на воспроизведении базовых моделей мироздания, имеющих значение для живого существа и живого вещества, из которого строится соответствующая форма человеческого тела и организма. В таком случае можно предположить, что искажения воспроизведения этих моделей в конкретной психике проявляются как патология той или иной глубины психи-

ческого расстройства. В приводимых ниже данных экспериментов осуществлена попытка обнаружения признаков «эталонных» моделей, основываясь на общенаучной теории формы. Подобные модели, если они существуют, можно назвать перцептронами.

В качестве форм объектов восприятия использовались формы кристаллов, образующихся в замерзшей воде, подвергшейся предварительно воздействию музыки¹⁴. Если музыкальная форма преобразуется закономерно в вещественную (кристаллическую форму), значит, существуют некие эталонные модели, которые лежат в основе и музыки, и кристаллов. Музыку люди различают не только по музыкальному строю, но и по предпочтению. Различаются ли по предпочтению кристаллы, образующиеся в результате воздействия на воду музыкальных произведений? В эксперименте оценивались на шкале предпочтений четыре кристалла, представленные на рис.1 («Хэви метал»); рис.2 (П.И. Чайковский, «Лебединое озеро»); рис.3 (Ф. Шуберт, «Аве Мария»); рис. 4 (Ф. Мендельсон, «Свадебный марш»). Эксперимент проводился в студенческой учебной группе в форме практических занятий по психологии, что служило дополнительным мотивом тщательного выполнения задания. Всего в группе было 10 человек (шесть женщин и четверо мужчин) (табл.1).

Подсчитывалось количество выборов каждой фигуры на каждом порядковом месте и эти значения умножались на весовые коэффициенты (1-е место – 1,0; 2-е место – 0,75; 3-е место – 0,5). Полученные значения складывались по всем местам для каждой фигуры, и по сумме определялся ранг.

1. На первом месте (сумма 8,0) – рис.3 (Ф. Шуберт, «Аве Мария»).

2. На втором месте (сумма 8,0) – рис.4 (Ф. Мендельсон, «Свадебный марш»).

3. На третьем месте (сумма 5,0) – рис.2 (П.И. Чайковский, «Лебединое озеро»).

4. На четвёртом месте (сумма 2,0) – рис.1 («Хэви метал»).

Несмотря на одинаковые суммы первого и второго мест, фигура на рис.3 имеет больше первых мест и меньше вторых. Из результатов ранжирования следует, что есть наиболее и наименее предпочитаемые фигуры. Возможно, что обнаруженная тенденция вы-

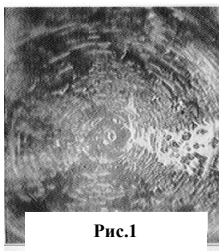

Рис.1

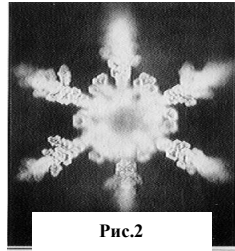

Рис.2

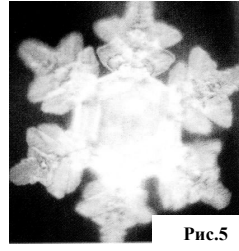

Рис.5

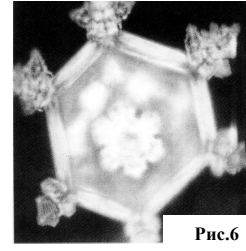

Рис.6

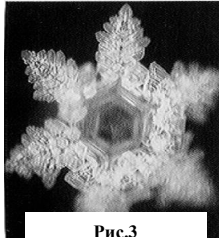

Рис.3

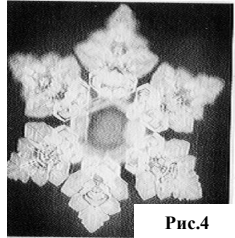

Рис.4

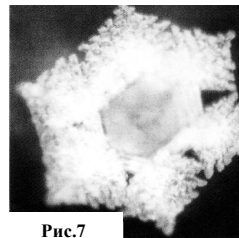

Рис.7

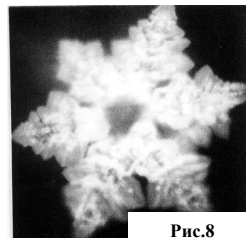

Рис.8

Рис.9

Рис.10

Рис.11

Рис.12

Рис.13

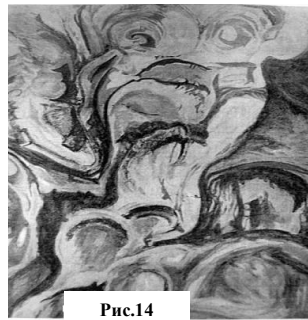

Рис.14

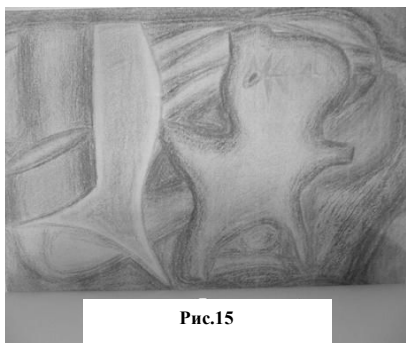

Рис.15

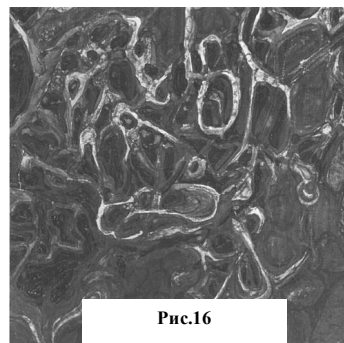

Рис.16

Таблица 1

Порядки предпочтения рисунков душевнобольных, фигур замороженной воды после воздействия музыки, цветов на первых местах в методе цветочных выборов

Номер испытуемого	Порядок предпочтения рисунков душевнобольных							Порядок фигур («Времена года» Вивальди)				Порядок фигур «Хэви метал, Шуберт, Мендельсон, Чайковский»				Порядок цветов		
	I	II	III	IV	V	VI	VII	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III
1	12	11	13	14	15	10	16	1	4	3	2	X	M	Ш	Ч	к	ж	з
2	15	14	16	11	10	13	12	3	1	3	4	Ш	M	Ч	X	с	ф	ч
3	15	14	16	13	12	11	10	2	4	2	1	Ш	M	Ч	X	ч	ж	к
4	11	10	12	13	14	15	16	1	4	2	3	Ш	M	Ч	X	с	ч	ч
5	10	11	16	14	15	13	12	3	2	4	1	M	Ш	Ч	X	ж	з	з
6	11	13	10	12	14	15	16	4	1	2	3	Ч	Ш	M	X	з	ж	с
7	10	13	11	15	16	14	12	4	1	3	2	M	Ш	Ч	X	к	ж	з
8	10	13	11	12	14	15	16	4	1	2	3	M	Ш	Ч	X	к	с	з
9	10	13	12	11	14	15	16	2	4	1	3	Ш	M	Ч	X	к	ч	CP
10	14	15	10	16	13	11	12	2	1	3	4	X	M	Ш	Ч	ч	к	CP

страивать данные фигуры в ряд по предпочтению объясняется их формами, имеющими наиндивидуальное, межиндивидуальное и индивидуальное значения. В свете рассматриваемой общенаучной теории формы интерес представляет, в первую очередь, фактор наиндивидуального значения. В ряду предпочитаемых фигур на первом месте стоит фигура, полученная в результате воздействия на воду музыки духовного строя («Аве Мария»), тогда как другие музыкальные произведения имеют скорее светское содержание. Возникает предположение, что музыкальный строй и пространственная форма могут быть связанными друг с другом, имея в основании некий внемодальный конструкт, отражающий элементное строение «тонкого мира». Гипотеза проверялась в следующем пилотажном исследовании.

Эксперимент проводился с той же группой студентов, которым предъявлялись фигуры кристаллов замороженной воды, полученные при воздействии на неё четырёх частей (раздельно: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима») музыкального произведения «Времена года» А. Вивальди. Картинки взяты из той же монографии Эмото Масару и приведены на рис.5 («Лето», №4), рис.6 («Осень», №3), рис.7 («Зима», №2), рис.8 («Весна», №1). Данные упорядочивания этих фигур по предпочтению приведены в сводной табл.1. Количества выборов каждой фигуры на определенном порядковом месте приведены в табл.2.

Таблица 2

Количества выборов фигур на каждом порядковом месте

Номер фигуры	1 место	2 место	3 место	4 место	1+2 места	3+4 места
1	2	5	1	2	7	3
2	3	1	4	2	4	6
3	2	0	4	4	2	8
4	3	4	1	2	7	3

Из данных табл.2 следует, что на первом месте оказывается фигура №4 («Лето», см. рис.5), поскольку у этой фигуры больше первых и меньше вторых мест, чем у равной ей по сумме фигуры №1 («Весна», см. рис.8). На третьем месте оказывается фигура №2 («Зима», см. рис.7) и на четвёртом – фигура №3 («Осень», см. рис.6), имеющая наибольшее количество четвёртых мест. Возникает вопрос о критериях предпочтения фигур. Прежде чем перейти к анализу соответствия порядков музыкальных фрагментов и соответствующих им фигур, сравним фигуры, оцениваемые в первом и втором экспериментах, сопоставив их как два параллельных порядка.

Фигуры сопоставлены таким образом, что две визуально одинаковых из обоих рядов образуют пару (см. рис. 4, 5). Учитывая полученные в экспериментах порядки, можно предположить, что существуют признаки, по которым упорядочиваются фигуры.

Возможно, что используемые признаки объясняются фрактальным характером форм данных фигур. Фрактальная геометрия¹⁴ основывается на законе сохранения формы

(геометрическое подобие) – при любом линейном преобразовании форма фрактальной фигуры остаётся неизменной. Фрактал рассматривается как предельно компактный способ описания самых «экзотических» фигур. Чтобы задать фрактальную структуру, надо задать принцип её роста, закон изменения формы. Как пишет А.В. Волошинов, «алгоритм построения формы выглядит значительно проще, чем результат его воплощения»¹⁴. Таким образом, основной фрактальный закон отражает базовый принцип роста фигур и, возможно, всего живого, если самоподобный рост живого описывается векторным уравнением: $r = r(M, N)$, где M – вектор экспансии, а N – вектор сил. Всё поразительное многообразие форм живой природы, полагает автор, образуется как результат соотношения значений этих векторов.

Значит, и филогенез, и онтогенез человека заданы неким алгоритмом, который реализуется как фрактальный процесс, т.е. существует начальная математическая модель формы, которую приобретает живое в своём развитии. Тогда и процессы, и функции, и свойства, и состояния должны иметь фрактальный характер. В геометрическом смысле фрактальность можно рассматривать как процесс отображения одного пространства на другое по множеству свойств, что и происходит в психике человека, отражающей объективный мир. Такой вывод можно сделать из анализа понятий фрактальной физики¹⁵, на основе которых строится новая физическая модель, открывающая возможность проникновения мышления в глубины «тонкого мира».

В следующей серии экспериментов те же испытуемые оценивали фрагменты из частей «Времен года», а затем после выявления музыкально-формных ассоциаций оценивали отрывок из произведения в стиле «Хэви метал». Оценки выполнялись на полярной линейной шкале:

–10 баллов ←-----0-----> +10 баллов

Рассмотрим результаты оценивания музыкальных фрагментов («Времена года» и отрывок из «Хэви метал»), приведенные в табл.3.

Таблица 3

Индивидуальные оценки музыкальных фрагментов

Музыка	Номер испытуемых										Средние
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Весна	8	5	9	8	8	6	8	10	8	3	7,3
Лето	5	6	4	6	-1	4	7	8	5	5	4,9
Осень	10	2	8	8	4	6	5	8	7	3	6,1
Зима	-8	7	7	7	9	3	9	9	10	6	5,9
Хэви	-10	-7	2	3	6	6	-5	-5	-10	3	-1,7

Из усреднённых и нормированных данных следует, что оценки музыки в стиле «Хэви» принципиально отличаются от оценок классической музыки. Отторгаемая фигура «Хэви» (см. рис.1) и отрицательная оценка музыки свидетельствуют о тенденции отвержения тех законов формообразования, которые лежат в основе их объективно-субъективной реализации.

В табл.4 приведены данные независимых выборов на шкале предпочтений фигур, образованных в результате воздействия на воду частей музыкального произведения «Времена года», и музыкальных отрывков из этих частей, предъявляемых с CD-диска на аудиоаппаратуре. Усреднённые ряды предпочтений расходятся. Совпадают лишь места по предпочтению пары «Зима–Зима», а пара «Лето–Лето» оказывается, скорее, полярной, пара же «Весна–Весна» занимает близкие места по предпочтению (тем не менее, можно констатировать, что ранговое сопряжение невысокое, даже и не вычисляя коэффициента ранговой корреляции).

Таблица 4

Сравнение усреднённых порядков фигур и музыкальных фрагментов

Объекты	I	II	III	IV
Фигуры	Лето	Весна	Зима	Осень
Музыка	Весна	Осень	Зима	Лето

Однако представляет интерес анализ индивидуальных данных с целью поиска сопряжений как индивидуальных возможностей и особенностей. В табл.5 приведены необходимые для этого данные индивидуальных выборов.

Наибольшее количество ассоциаций соответствия приходится на пару «Зима–Зима» (испытуемые № 2, 9, 10 поставили её на первое место). По одному соответствию прихо-

Таблица 5

Сравнительные данные упорядочивания по степени предпочтения фигур замороженной воды после воздействия музыки и музыкальных фрагментов

Номер испытуемого	Порядок предпочтения фигур («Времена года» Вивальди)				Порядок предпочтения музыкальных фрагментов («Времена года» Вивальди)				Соотношение порядков музыкальных фрагментов и фигур			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
1	Весна	Лето	Осень	Зима	Осень	Весна	Лето	Зима	Ос\Вс	Вс\Лт	Лт\Ос	Зм\Зм
2	Зима	Весна	Осень	Лето	Зима	Лето	Весна	Осень	Зм\Зм	Лт\Вс	Вс\Ос	Ос\Лт
3	Осень	Лето	Зима	Весна	Весна	Осень	Зима	Лето	Вс\Ос	Ос\Лт	Зм\Зм	Лт\Вс
4	Весна	Лето	Зима	Осень	Весна	Осень	Зима	Лето	Вс\Вс	Ос\Лт	Зм\Зм	Лт\Ос
5	Осень	Зима	Лето	Весна	Зима	Весна	Осень	Лето	Зм\Ос	Вс\Зм	Ос\Лт	Лт\Вс
6	Лето	Весна	Зима	Осень	Осень	Весна	Лето	Зима	Ос\Лт	Вс\Вс	Лт\Зм	Зм\Ос
7	Лето	Весна	Осень	Зима	Зима	Весна	Лето	Осень	Зм\Лт	Вс\Вс	Лт\Ос	Ос\Зм
8	Лето	Весна	Зима	Осень	Весна	Зима	Лето	Осень	Вс\Лт	Зм\Вс	Лт\Зм	Ос\Ос
9	Зима	Лето	Весна	Осень	Зима	Весна	Осень	Лето	Зм\Зм	Вс\Лт	Ос\Вс	Лт\Ос
10	Зима	Весна	Осень	Лето	Зима	Лето	Осень	Весна	Зм\Зм	Лт\Вс	Ос\Ос	Вс\Лт

дится на пары «Весна–Весна» и «Осень–Осень» (также первые места). У нескольких испытуемых: №1 (не совпадает пара «Осень–Осень»), №2 (не совпадает пара «Лето–Лето»), №8 (не совпадает пара «Лето–Лето»), №9 (не совпадает пара «Лето–Лето»). Если учитывать все ассоциации, то из 40 возможных отмечаются только 11, причём преобладают пары «Зима–Зима» (6 совпадений), «Весна–Весна» – 3 совпадения, «Осень–Осень» – 2 совпадения и на пару «Лето–Лето» не при-

ходится ни одного совпадения. В конечном счёте, можно утверждать, что существует тенденция упорядочивания по предпочтению музыкальных фрагментов и соответствующих им фигур на участках некоторой гипотетической шкалы общей для тех и других модели.

Результаты непосредственных (в одном эксперименте) выборов фигур (обозначенных в ячейках таблицы), соответствующих прослушанному музыкальному фрагменту, приведены в табл.6.

Таблица 6

Соотношение между музыкальными произведениями («Времена года») и выбираемыми фигурами замороженной воды, подвергшейся воздействию этих музыкальных произведений

Музыка	Номер испытуемых									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Зима	Осень	Лето	Весна	Осень	Весна	Лето	Осень	Лето	Весна	Лето
Лето	Зима	Весна	Зима	Зима	Зима	Зима	Весна	Осень	Осень	Зима
Осень	Лето	Осень	Лето	Лето	Лето	Осень	Зима	Зима	Зима	Осень
Весна	Весна	Зима	Осень	Осень	Осень	Весна	Лето	Весна	Лето	Весна

Обработанные данные приведены в табл.7. Наилучшая идентификация (совпадения) приходится на пару «Весна–Весна» (4 совпадения), затем идёт пара «Осень–Осень» (3 совпадения). Пара «Лето–Лето» оказалась пустой, объясняется это тем, что по предпочтению она оказалась полярной (см. табл. 4). Объяснить то, что пара «Зима–Зима» оказалась пустой, в рамках данного эксперимента не представляется возможным, хотя условия прослушивания музыкальных фрагментов испытуемыми и воздей-

ствия на воду были различными, что и могло повлиять на результаты идентификаций. Наиболее перепутываются «Лето»-музыка с «Зима»-фигурой (6 выборов), «Осень», «Зима» (музыка) с «Летом»-фигурой (по 4 выбора). Вполне возможно, что результаты зависят от индивидуальных различий (см. табл. 1, порядки цветовых выборов).

В следующей серии экспериментов изучались индивидуальные особенности испытуемых с точки зрения влияния этих особенностей на предпочтения фигур и музыки.

Таблица 7

Ассоциации музыкальных произведений и фигур, соответствующих этим музыкальным произведениям

Музыка	Фигуры			
	Весна	Лето	Осень	Зима
Весна	4 выбора	2 выбора	3 выбора	1 выбора
Лето	2 выбора	0 выбора	2 выбора	6 выбора
Осень	0 выбора	4 выбора	3 выбора	3 выбора
Зима	3 выбора	4 выбора	3 выбора	0 выбора

Испытуемые упорядочивали по любому, подходящему для них признаку, картины (рис.10–16), при этом рис.9 не предъявлялся, чтобы не создавать установку на упорядочение по признакам человеческого лица, написанные душевнобольными людьми, проходящими лечение на стационаре. Подобная ситуация выбрана исходя из того, что для теоретической психологии имеет особенное значение феномен сновидения¹⁶. В случаях психических заболеваний сновидения воспроизводятся в рисунках, которые можно трактовать как материализацию сновидений. В большой серии рисунков душевнобольных (более ста образцов) можно заметить проявления некоторых тенденций, которые образуют определённые закономерности. Например, в них представлено лицо или тело человека (в различных модификациях) как основные объекты «видений». Лица представлены в широком диапазоне искажений (в отобранной для экспериментов серии): от реального (см. рис. 9), до полной неузнаваемости (см. рис. 16).

Следовательно, здесь мы имеем дело с субъективной шкалой психиатрического показателя «искажения человеческого лица». Можно предположить, что лицо как главный объект рисунка воспроизводится в силу априорно существующего в психике паттерна (гештальта) некоего эталона образа человеческого лица. Ещё в младенческом возрасте ребёнок реагирует на лицо матери, хотя механизмы восприятия (предметного отражения) у него ещё не сформированы. Видимо, «образец» существует как данный от природы и хранимый в глубинах психики и на этой основе происходит развитие перцепции в онтогенезе. В тестировании по методу Роршаха воспринимаемые абстракции замещаются представлениями «образца» у лиц с неискажённой

генной информацией о нём. У кого же она отсутствует, у тех не сформировываются образы человеческого лица при восприятии тестовых изображений. О значении патопсихологических исследований для разработки теоретических и методологических вопросов психологии писала Б.В. Зейгарник, обращая основное внимание на феномен сознания¹⁷.

В случае психической патологии, отражаемой в рис. 9–10, существующий гештальт сравнивается с образом себя и в рисуемом лице большой воспроизводит искажения, ассоциирующиеся с собственной патологией. Искажения и отражают представление о своей патологии, которая может и не осознаваться. Стало быть, вид, форма, степень искажений рисуемого (и сновидческого) лица служат показателями патологии на глубинном уровне психики – уровне гештальта. То же можно сказать и о рисуемом теле. Если в генотипе индивида содержится информация о теле и душе, которые образуются в результате развития оплодотворённой клетки, то разумно предположить, что будучи реализованной, она никуда не исчезает на уровне особи, но существует как образ уже в психике, что кажется вполне рациональным и даже необходимым.

Весь ряд рисунков, включая и рис.9, вначале предъявлялся профессиональному художнику – преподавателю вуза с просьбой упорядочить эти рисунки. Он сгруппировал их следующим образом: в первую группу вошли рис.9–11, во вторую группу рис. 12, 13 и в третью группу – рис. 14 – 16, которые он идентифицировал как абстракции. Таким образом, получен ряд, состоящий из групп, различаемых в действительности по степени искажения человеческого лица. Результаты экспериментов со студентами приведены в сводной табл.1. Были выбраны испытуемые, у которых порядки рисунков были близки к предполагаемому в соответствии с исходной гипотезой. Их оказалось восемь человек, данные порядков сведены в табл.8.

Для определения усреднённых значений введены весовые коэффициенты мест: 1 место – 1,0; 2 место – 0,75; 3 место – 0,5. С учётом количества занятых мест каждым рисунком и весового коэффициента получен следующий порядок (табл.9).

Таблица 8
Экспериментальные порядки рисунков душевнобольных,
близкие к исходной гипотезе

Номер испыту- емого	Порядковые места						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Рис.12	Рис.11	Рис.13		Рис.15	Рис.10	Рис.1
4	Рис.11	Рис.10	Рис.12		Рис.14	Рис.15	Рис.16
5	Рис.10	Рис.11	Рис.16				
6	Рис.11	Рис.13	Рис.10		Рис.14	Рис.15	Рис.16
7	Рис.10	Рис.13	Рис.11		Рис.16	Рис.14	Рис.12
8	Рис.10	Рис.13	Рис.11		Рис.14	Рис.15	Рис.16
9	Рис.10	Рис.13	Рис.12		Рис.14	Рис.15	Рис.16
10	Рис.14	Рис.15	Рис.10		Рис.13	Рис.11	Рис.12

Таблица 9
Гипотетическая шкала степени искажения лица

Порядок	I	II	III	IV	V	VI	VII
Номер рисунка	10	11	12	13	14	15	16

Усреднённый порядок полностью подтверждает исходную гипотезу о том, что существует эталон человеческого лица, и он является критерием оценивания изображений (как минимум, образцов художественного творчества). Однако индивидуальные различия значительны и это проявления не только сознания, но и бессознательного, что отражено в выборах цветов (см. табл.1). Например, испытуемый №10 выбирает на первом месте рис.14 (предельное искажение человеческого лица) и на первом месте у него чёрный цвет (в выборе, отражающем устойчивое предпочтение цветов). У испытуемого №3 на первых местах стоят «последние» рисунки (см. табл.1) и на первом месте чёрный цвет. Следовательно, некоторые признаки психических расстройств обнаруживают себя в упорядочивании рисунков на признаке степени искажения человеческого лица.

Таким образом, в «видении» базовым элементом возможно служит эталонный гештальт, искажённый в той или иной степени, вплоть до абстракций (рис.15–17). В последнем случае мы имеем дело как бы с шумами, преобладающими в сознании (реальная действительность не дифференцируется). Что может служить источниками таких шумов?

Скорее всего, одним из источников служат внутренние, нейронные шумы. Это теоретическая проблема, требующая специальной разработки в аспекте психофизики и психофизиологии. Здесь необходимо применение теории субъективной интерпретации нейронного шума¹⁸, феноменов восприятия внешних шумов¹⁹, теории обобщённого психофизического закона²⁰ для естественнонаучного объяснения природы сновидений и ошибок сознания.

Примечания

- ¹ Понукалин А.А. Человековедение: перспективные направления исследований // Вестник СГТУ. 2004. №4. С.137–150.
- ² Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1994.
- ³ Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
- ⁴ Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. М., 1966.
- ⁵ Понукалин А.А. Системная психологическая теория и общественная практика. М., 1993.
- ⁶ Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1975. Вып.5.
- ⁷ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С.255.
- ⁸ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С.173.
- ⁹ См.: Еникеева Д. Популярная психиатрия. М., 1998.
- ¹⁰ См.: Эмото М. Послания воды. М., 2006.
- ¹¹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- ¹² См.: Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1990.
- ¹³ Эмото М. Послания воды.
- ¹⁴ Волошинов А.В. Математика и искусство. М., 2000. С.72.
- ¹⁵ Shabetnik V.D. FRACTAL PHYSICS. М.; L.; Kaunas, 1994.
- ¹⁶ См.: Понукалин А.А. Методологические проблемы построения теории сверхнормативного психического развития // Психологические этюды: проблемы взаимодействия подсистем психики. Саратов, 1999. С.131–159.
- ¹⁷ См.: Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986.
- ¹⁸ См.: Иган Дж. Теория обнаружения сигналов и анализ рабочих характеристик. М., 1983.
- ¹⁹ См.: Понукалин А.А. Введение в психоакустику. Саратов, 1991.
- ²⁰ См.: Забродин Ю.М. Процессы принятия решения, их изучение и описание // Нормативные и дескриптивные модели принятия решения. М., 1981.

УДК 316.613

ПРОБЛЕМА РЕЛЕВАНТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.Б. Ставропольский

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: StJulius@yandex.ru

Статья обращена к актуальной проблеме объяснения процессов, связанных с межгрупповым поведением. Проблема релевантности возникает не по поводу необходимости разграничения фенотипического и генотипического. Сложнее разграничить «индивидуальное» и «общее» социальное поведение. Необходимо выработать такую систему интерпретации, которая была бы адекватна многим проблемам, решаемым социальными науками, и было бы неприменимо разделение на «общее» и «индивидуальное».

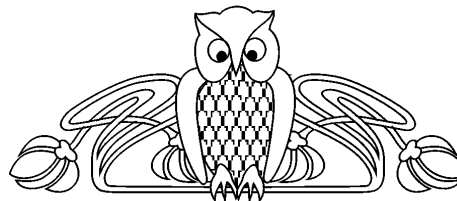
Social Psychological Researches' Relevance Problem

Yu. B. Stavropolsky

This paper targets an urgent problem of interpreting processes associated with intergroup behaviour. The matter of relevance emergence not according to a necessity of distinguishing the phenotypic vs. the genotypic. It is harder to draw a line between «individual» and «common» social behaviour. This demands developing such an interpretation system, which would be adequate for multiple issues being solved by social sciences, and which the separation between the «general» vs. the «individual» would be inapplicable to.

Одна из самых важных социально-психологических проблем – объяснение процессов, связанных с межгрупповым поведением. Эту проблему нельзя назвать ни чисто «прикладной», ни чисто «теоретической», поскольку она затрагивает основные характерные особенности человеческого поведения в рамках таких детерминант, как «социальный контекст» и «релевантные свойства социального окружения».

Попытки объяснить некоторые аспекты межгруппового поведения с позиций теории фрустрации-агрессии как типичной социально-психологической теории «среднего уровня»¹ не являлись адекватными, потому что в них не делалось различия между тем, что является «своей», а что – «чужой» группой. Р. Левин показал тесную зависимость агрессии в отношении «чужой» группы от той формы социальных взаимоотношений, которые преобладают внутри «своей» группы, а также

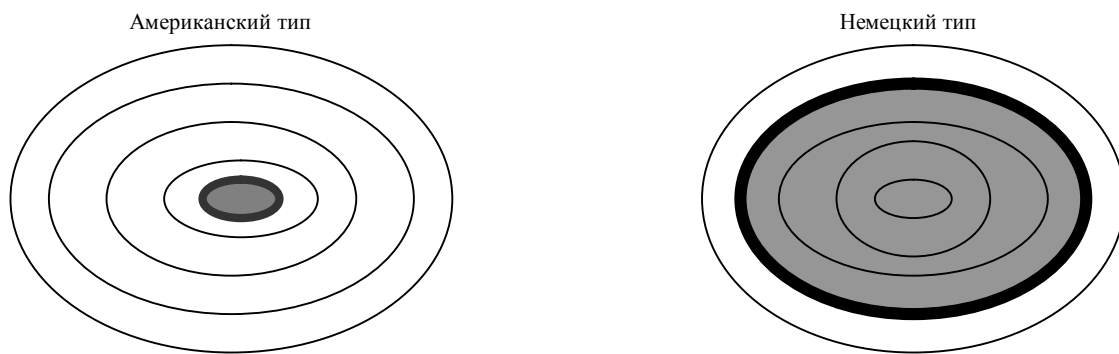

невозможность эффективного прогнозирования проявлений агрессии без анализа этих взаимоотношений².

Законы, выражающие существующие в социальном поведении соотношения и закономерности, имеют область применения, выходящую за рамки индивидуальных особенностей поведения – ни одна научная теория не занимается исследованием индивидуальных комплексов неизвестных, непознаваемых и неконтролируемых переменных. Намного важнее обнаружить и раскрыть основополагающие процессы, или, в терминологии К. Левина, соответствующие различия между генотипическим и фенотипическим. Именно потребность в выделении генотипических аспектов социального поведения побуждала К. Левина к настойчивому использованию экспериментальных методов и тем самым предопределила глубокое влияние его идей на последующее развитие социальной психологии.

Проведя измерения с использованием теста Э. Богардуса на определение социальной дистанции, К. Левин пришел к выводу о том, что центральная сущность личности американца окружена более легко проницаемыми периферийными слоями, чем личность немца³ (рисунок).

Заштрихованная часть рисунка соответствует «частной» сфере личности. Толщина пограничной линии между уровнями личности репрезентирует различия в проницаемости. Этим, как считал К. Левин, объясняются различия в реагировании американцев и немцев на то, что можно было бы назвать «беспокоящие ситуации» (annoying situation). Американцы более склонны задаваться вопросом о том, что следует делать, чтобы выправить положение, тогда как немцы – вопро-

Структура личности американца и немца

сом, кто виноват. Все это означает, что с американцами можно иметь довольно близкие отношения на многих уровнях, но без глубокой личной дружбы, меньше опасности возникновения трений в отношениях, поскольку в них задействована лишь малая часть структуры личности.

Трудности возникают не по поводу необходимости разграничения фенотипического и генотипического – различие между ними очевидно. Сложнее разграничить «индивидуальное» и «общее» социальное поведение. Фактор обусловленности социального поведения совместными социальными ожиданиями редуцирует различия между «индивидуальным» и «общим». Единственно возможным способом интерпретации наблюдаемых закономерностей социального поведения становится их интерпретация с учетом взаимодействия между общими процессами и тем социальным контекстом, в котором они осуществляются⁴. Необходимо учитывать ту степень, в которой социальные ожидания являются разделяемыми и в какой они влияют на поведенческие паттерны. Соответственно необходимо выработать такую систему интерпретации, которая была бы адекватна многим проблемам, которые решаются социальными науками и к которой было бы неприменимо разделение на «общее» и «индивидуальное».

Такая интерпретация должна быть направлена на уточнение взаимоотношений между общим процессом социального поведения и теми условиями, при которых он осуществляется, либо на выявление «фенотипических» различий, под которыми скрыто «генотипическое» сходство, и наоборот. Таким образом, наблюдаемые закономерности

поведения в социально-психологическом эксперименте находятся где-то между общим случаем и непознаваемым индивидуальным случаем. Необходимость учитывать и анализировать контекстные и фоновые условия, детерминирующие субъективное восприятие того, что является социально одобряемым поведением, неизбежно делает любое социально-психологическое исследование «культурным» исследованием, а в зависимости от теоретических задач, поставленных в эксперименте, оно может превратиться в «кросс-культурное»⁵.

Социальное поведение представляет собой континуум, проходящий от биологического полюса к социологическому через промежуточные узловые точки, представленные психологией и социальной психологией. Очевидно, что все эти «уровни» взаимодействуют друг с другом, что не один из них нельзя изучать без учета всех остальных.

Г. Тэджфел выделяет два подхода к изучению проблем взаимоотношений между социальным изменением и социальным конфликтом⁶. Первый подход состоит в редуцировании объяснения этих взаимоотношений к законам функционирования только одного условия уравнения – это либо биологический, либо психологический, либо социологический редукционизм. Второй подход состоит в том, чтобы определенные вещи считать самими собой разумеющимися и начинать непосредственно на более высоком уровне. Например, невозможно отрицать, что социальное поведение человека детерминировано генетическими и физиологическими свойствами человеческого организма, характеристиками обучения, восприятия и мотивации и теми социальными условиями, в которых он живет.

Благодаря наличию когнитивных способностей, человек может выбирать между различными возможными вариантами поведения, которые ведут к изменению окружающего *инвайронмента*. Выбор вариантов детерминирован законами функционирования и организма, и инвайронмента, но непосредственно из них не выводится; например, потребность в аффилиации может привести как к продолжительным войнам, так и к миру во всем мире; потребность в сохранении самоуважения может привести к чему угодно, от саможжения до создания гигантской империи бизнеса. На основании факта существования экономической депривации сложно предсказать вероятные реакции, если неизвестен набор вариантов, которые доступны для людей.

Анализ морального развития ребенка, проведенный Ж. Пиаже⁷, не связан ни с законами инструментального научения, ни с законами вторичного подкрепления. Он построен на анализе взаимодействий между когнитивными процессами прогрессирующего смещения центра, характером межличностного взаимодействия в социальном окружении, группы ровесников, благодаря которым эти процессы осуществляются, и изменения характера этой группы, вызываемого, в свою очередь, смещением когнитивного центра.

Г. Тэддфелл проводит интересную параллель между тем, как рассматриваются данные формы интеракции Ж. Пиаже и Л. Фестингером. Ж. Пиаже обобщенно, в одной фразе характеризует ассимилирование новых стимулов ранее возникшими сенсорно-моторными схемами почти библейской фразой: «вначале была реакция»⁸. Смысл этой фразы в том, что стимул становится доступен опыту, обретает значение и кодeterminирует реакцию только в той мере, в какой он ассимилирован организованными системами, играющими опосредующую роль между организмом и окружающей средой, обуславливающими наши знания об окружающей среде и нашу способность абстрагироваться от сиюминутных свойств среды благодаря использованию обратимых когнитивных операций⁹.

Л. Фестингер предположил существование стимула к поддержанию когнитивной согласованности, существенно расходящееся с общепринятым теоретическим подходом.

Как и для Ж. Пиаже, для него «вначале была реакция». Анализ Л. Фестингером обратной связи между реакцией и ранее сложившимися когнитивными структурами привел его к выводу о том, что характер обратной связи детерминирован отношениями консонантности – диссонантности между значением реакции и существовавшими до этого структурами. Это смысловое взаимоотношение, в свою очередь, детерминирует последующие структурные модификации и тем самым влияет на характер последующих реакций. Центральной темой обеих теоретических концепций является природа взаимоотношений между требованиями, предъявляемыми окружением, существовавшими ранее организованными структурами внутри организма, и изменениями в поведении, вытекающими как из изменений в организме, так и из изменений в окружении.

Социальный контекст, в котором формируются и модифицируются структуры, сообщает им уникальное свойство – на когнитивном уровне они могут быть совместными для нескольких индивидов. Как писал Ж. Пиаже о смещении когнитивного центра, с психогенетической точки зрения эти межличностные или социальные (но не наследственные отношения) образуют новую реальность через соотнесение с мышлением индивида, которое без такого соотнесения испытывает всевозможные эгоцентрические деформации, и необходимое условие формирования эпистемического субъекта когнитивной децентрации¹⁰.

В этом смысле способность индивида формировать совместные с другими индивидами представления на когнитивном уровне, способность воспринимать мир и действовать в нем так, как предопределено социальной историей и наличием других людей, с позиций «когнитивного смещения центра» является неотъемлемым условием социальной человеческой жизни. Бинокулярное зрение или вторичное подкрепление зависят от физиологических возможностей организма и обратной связи между реакциями и окружающей средой. Но в присущих только человеку когнитивных особенностях, позволяющих ему встать на место другого и охарактеризовать самого себя с позиций социального взаимодействия, заключено то, что

разделяет сферы человеческого социального, человеческого несоциального и социального нечеловеческого¹¹.

Между теми, кто склонны сводить объяснение социального поведения к несоциальным законам (обучения и мотивации), и теми, кто не видят в таком редуцировании эвристической ценности, отсутствует взаимопонимание. Редукционистская модель человеческого социального поведения, в которой другие люди выступают в роли не более чем «социальных стимулов», «реакция» на которые осуществляется в соответствии с теми же самыми законами, которые управляют поведением в других обстоятельствах отражена в концепции Дж. Хоманса. Он писал, что положения поведенческой психологии считаются применимыми ко всем людям и излагаются с позиций поведения одного человека, независимо от того, что является стимулом: другой человек или физическое окружение. При взаимодействии двух или большего количества людей возникают явления, которые можно назвать социальными, отличающиеся от взаимодействия изолированно рассматриваемого человека с физической средой, однако для объяснения этих явлений не выдвигается никаких новых положений¹².

Способность индивидов формировать общие представления на когнитивном уровне Г. Тэджфел характеризует с позиций индивидуальных ожиданий и оценок в отношении поведения других людей¹³. Они представляют собой индивидуальные аналоги систем норм и ценностей, то есть тех понятий, которые используются на другом уровне анализа в социологии и социальной антропологии. Важно и в то же время очевидно, что не существовало бы ни социальных групп, ни социальной психологии без того, чтобы ожидания относительно поведения других людей, как и ожидания других людей относительно собственного поведения индивида, оправдывались хотя бы в малой степени. Кроме того, необходима хотя бы минимальная доля общих ценностей.

Объяснительная система «поведенческих положений» Дж. Хоманса является крайним и соответственно нетипичным выражением психологического редуционизма. Задача, которую решает ученый, состоит в

обеспечении научного объяснения и предсказания социального поведения, которое, с точки зрения Дж. Хоманса, возможно при условии, что поведенческая психология обладает достаточным знанием о прошлом индивида и может объяснить то, каким образом индивид усваивает ценности¹⁴.

На самом деле, как отмечает Г. Тэджфел, в экспериментальных условиях объяснение и предсказание функционально расходятся – объяснение становится возможным только постфактум, а диапазон предвидения строго ограничивается двумя категориями. Первое основание для предсказания состоит в том, что при условии повторяемости определенных ситуаций, социальное поведение будет приблизительно таким же, как в прошлом. Второе – предположение о том, что другие люди разделяют нашу систему ценностей, и поведение их будет таким, каким было бы наше собственное поведение. Поэтому существует возможность для предсказаний на основе экстраполяции нашего собственного опыта. Вторая альтернатива является существенным методологическим недостатком представленной Дж. Хомансом «поведенческой психологии».

Итак, какую бы социальную единицу мы ни рассматривали, система разделяемых и социально одобряемых понятий составляет ту основу, опираясь на которую можно описывать и прогнозировать человеческое поведение. Как только происходят какие-либо изменения в окружении, затрагивающие индивида как такового, либо его маленький частный социальный мир, либо социальный мир в широком масштабе, либо характеристики физической окружающей среды – некоторые ожидания не оправдываются, некоторые совместные ценности оказываются поколебленными. Необходимо изменить либо систему представлений, либо инвайронмент для того, чтобы сохранить систему представлений неизменной. В условиях конфликта между ожиданиями и ценностями у индивида появляются новые альтернативы для выбора. Те процессы, которые лежат в основе этих альтернатив и тем самым формируют психологические аспекты социального изменения на всех уровнях, и являются настоящим предметом изучения социальной психологии¹⁵.

Примечания

- ¹ См.: *Deutsch M., Krauss R.M.* Theories in Social Psychology. N.Y.: Basic Books, 1965.
- ² См.: *LeVine R.A.* Socialization, Social Structure and Intersocietal Images // *International Behaviour: A Social Psychological Analysis* / Ed. H. Kelman. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1965.
- ³ См.: *Marrow A.J.* The Practical Theorist: The Life and Work of Kurt Lewin. N.Y.; L.: Basic Books, Inc., Publishers, 1969. P.99.
- ⁴ См.: *Tajfel H.* Experiments in a Vacuum // *The Context of Social Psychology. A Critical Assessment* / Ed. by Israel J. and Tajfel H.L.; N.Y.: Academic Press, 1972. P.74.
- ⁵ Ibid. P.75.
- ⁶ Ibid. P.108.

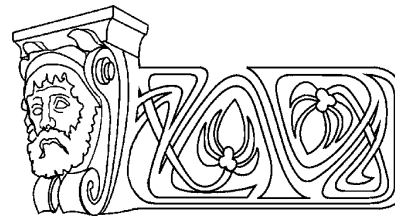
- ⁷ См.: *Piaget J.* Judgment and Reasoning in the Child. L.: K. Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.; N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1928.
- ⁸ См.: *Piaget J.* Biology and Knowledge: An Essay on the Relations between Organic Regulations and Cognitive Processes. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. P.17.
- ⁹ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.109–110.
- ¹⁰ См.: *Piaget J.* Biology and Knowledge. P.413.
- ¹¹ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111.
- ¹² См.: *Homans G.C.* The Relevance of Psychology to the Explanation of Social Phenomena // *Explanation in the Behavioral Sciences* / Ed. by R. Borger and F. Cioffi. L.: Cambridge University Press, 1975. P.323–324.
- ¹³ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111–112.
- ¹⁴ См.: *Homans G.C.* Op. cit. P.322.
- ¹⁵ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111–112.

УДК 159.9: 331

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ И СЕБЕ БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН

Р.Х. Тугушев, В.Г. Сазонова

Саратовский государственный университет
кафедра психологии
E-mail: tugushevhr@info.sgu.ru

Возникшая в условиях рыночной экономики безработица не является следствием чьего-то злого умысла. Она вполне объективна, так как имеющаяся разница в потребительской стоимости субъекта труда приводит не только к отбору лучших, но и социальной отбраковке определенного процента трудоспособного населения. Работа с этой частью трудовых ресурсов – задача не только социальных, но и психологических служб.

В данной работе изучались психологические, психофизиологические, мотивационные и поведенческие характеристики безработных и незанятых трудом граждан, состоящих на учете в службе занятости Камышинского Центра по делам безработных.

Комплексно проведенная экспериментально-диагностическая работа с более чем 100 безработными показала, что группы взрослых, молодежи и инвалидов статистически достоверно различаются. Результаты обследования рекомендованы для внедрения в соответствующие программы содействия занятости населения. Выявленные диагностические особенности групп, участвовавших в эксперименте, используются при психологической поддержке граждан, оказавшихся без работы – в виде индивидуальных профконсультаций, групповых консультаций, клубов, ищущих работу, курсов «Новый старт». Доказано, что проводимые в этом направлении виды помощи безработным дают несомненный полезный эффект.

Psychological Factors of Labor-Attitude and Self-Attitude of the Unemployed

R.H. Tugushev, V.G. Sazonova

Unemployment emerged in the market economy conditions does not result from anybody's malicious intent. It is fairly objective since an actual margin in a labor subject's consumer cost causes not only a

selection of the best but also a social rejection of a certain percent share of the capable of working population. Dealing with this part of the labor resources is an objective not only of the social agencies, but also of the psychological ones.

The present paper examines psychological, psycho-physiological, motivational, and behavioral characteristics of the unemployed and out-of-work citizens recorded by an employment agency of Kamyschin Center on affairs of the unemployed.

Experimental-diagnostic work carried out in a complex way with over 100 unemployed persons made evident that groups of adults, youth and handicapped citizens statistically reliably differ. The research results are recommended for introducing into relevant programs for population employment assisting. Detected peculiarities of groups engaged into the experiment are applied in psychological supporting citizens who happened to lose their jobs as individual professional consultations, group consultations, clubs of those seeking job, and "New Start" courses. It has been proved that forms of assistance for the unemployed carried out in his direction are surely effective.

Происходящие в стране экономические и политические преобразования затронули не только социально-экономическую сферу жизни, но и кардинальным образом изменили структуру личности человека. Существующие на сегодняшний день проблемы в производственном секторе связаны не столько с технической стороной деятельности, сколько с качественными характеристиками или индивидуальными особенностями человека и его отношением к труду.

С целью изучения связей между личностными качествами безработного гражданина и эффективностью его трудовой деятельности, нами было проведено психологическое исследование. Предметом данного исследования стали личностные особенности субъекта деятельности, включающие в себя психологические, психофизиологические, мотивационные и поведенческие особенности человека, которые побуждают, направляют и регулируют трудовую активность. В контингент обследуемых вошло 116 безработных. Их состав был условно разбит на 3 группы:

A – относительно пожилые – от 30 до 61 г.;

B – инвалиды 3 гр.;

C – молодежь 19–29 лет.

Для решения поставленных задач использовались психодиагностические методы: тестирование, анкетирование, наблюдение, а также беседа и метод анамнеза. Исследование облегчалось тем, что в г. Камышине психологическая поддержка безработным гражданам и незанятым гражданам оказывается в рамках службы занятости при проведении индивидуальных профконсультаций, групповых консультаций. Организованы клубы ищущих работу, курсы «Новый старт».

Результаты обследования дали интересный и полезный для служб занятости населения материал. Анализ этих данных может быть правильно понят с помощью теоретического обзора состояния проблемы, так как проблемы труда и безработицы – объект не только социальной статистики. Нужен системный анализ ряда наук: социальной психологии, экономики, теории управления, психологии личности, философии и др., хотя труд в целом – не психологическая, а социальная категория. В своих основных общественных закономерностях он предмет не психологии, а общественных наук. В своей классической характеристике труда К. Маркс выделял важнейшие психологические его особенности:

«Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки, ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу

и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Человек не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий, который он должен подчинять своей воле»⁷.

Маркс характеризует труд как сознательную целенаправленную деятельность, результат которой содержится в представлении трудящегося и регулируется волей в соответствии с поставленной целью. Труд – это вместе с тем и основной путь формирования личности. В трудовой деятельности развиваются способности человека, формируется его характер, получают закалку и переходят в практические действенные установки его мировоззренческие принципы. Своеобразие психологической стороны трудовой деятельности связано, прежде всего, с тем, что по своей объективной общественной сущности труд является *деятельностью*, направленной на создание общественно полезного продукта.

Труд – это выполнение определенного *задания*; весь ход деятельности должен быть подчинен достижению намеченного результата; труд требует *планирования и контроля* исполнения, он всегда заключает определенные обязательства и требует внутренней *дисциплины*.

То обстоятельство, что в трудовой деятельности все звенья подчинены его итоговому результату, уже придает специфический характер мотивации трудовой деятельности: цель деятельности лежит не в ней самой, а в ее продукте. В силу общественного разделения труда положение становится все более специфичным. Так как ни один человек не производит все предметы, нужные для удовлетворения его потребностей, то мотивом его деятельности становится продукт не его деятельности, а деятельности других людей, продукт общественной деятельности. Поэтому в труде складывается характерная для человека способность к действию дальнего прицела, опосредованная, далекая *мотивация*, в отличие от той действующей в порядке короткого замыкания *короткой мотивации*, которая характерна для животного, для реактивного, импульсивного действия, обусловленного моментальной ситуацией¹³.

Трудовая деятельность совершается первично не в силу привлекательности самого процесса деятельности, а ради более или менее отдаленного ее результата, служащего для удовлетворения потребностей человека. Сам процесс труда может быть в той или иной мере, в какой-то части своей более или менее трудным, требующим напряжения усилий, преодоления не только внешних, но и внутренних препятствий. Поэтому в труде выработались и для труда требуются *воля и произвольное внимание*, необходимые для сосредоточения на непосредственно не привлекательных звеньях трудового процесса.

Будет ли труд, в силу того, что он осознается как обязанность, требовать напряжения, усилий преодоления препятствий, испытываться как ярмо, как бремя, как проклятие человека, зависит от общественного содержания, которое приобретает труд, т.е. от объективных общественных условий. Эти объективные общественные условия всегда находят отражение в мотивации трудовой деятельности, потому что труд всегда включает не только отношение человека к вещи, к предмету – продукту труда, но и к другим людям.

Нормально труд является насущнейшей потребностью человека. Трудиться – значит проявлять себя в деятельности, претворять свой замысел в дело, воплощая его в материализованных продуктах; трудиться – это значит, объективируясь в продуктах своего труда, обогащать и расширять свое собственное бытие; быть создателем, творцом – величайшее счастье, которое вообще доступно человеку. Труд – основной закон развития человека⁴.

Рабочая сила представляет собой товар особого рода. Особенность «рабочей силы» как товара состоит в том, что собственником и носителем этого товара является работник со всеми его правами человека и гражданина общества, на страже которых стоит общество. Особенность товара «рабочая сила» заключается также в том, что его нельзя положить на склад на хранение, как это можно сделать в отношении других товаров. Способность к труду будет требовать все новых жизненных средств, они необходимы работнику постоянно.

В соответствии с этими законами, если их искусственно не нарушать, объективно возникает такое явление, как безработица.

Для нашего общества это сравнительно новое социальное явление, так как в силу диктата политических концепций теории социализма временно возникла иллюзия отсутствия безработицы. Реально, как результат издержки противоречия с объективностью, имела место скрытая безработица, которая оплачивалась из результатов труда той части трудового населения, которая производила востребованный общественный продукт. В итоге была уравниловка, дефицит самого необходимого, низкая зарплата работающих и как факт – включение в число оплачиваемых той части состава субъектов труда, которая в условиях свободного рынка труда не смогла бы найти своего сбыта. Естественно, что в их состав входили и типичные тунеядцы, и преступные элементы, и те, кто мог бы работать в таких отраслях, которые не привлекали их внимание.

Поскольку переход к рыночной экономике произошел, безработица из «невидимой» перешла в сферу социальной видимости.

С принятием 19 апреля 1991 г. Федерального закона о занятости впервые признавался феномен безработицы, бороться с которой необходимо на государственном уровне. Учитывался западный метод – своего просто еще не наработали. Как известно, главный побудительный мотив трудовой деятельности – стремление к удовлетворению потребностей, обеспечивающих жизнедеятельность человека (как биологических, так и социальных). Практически все люди, по меньшей мере раз в жизни, добровольно или вынужденно, сталкиваются с проблемой поиска работы. Безработица, конечно, многих застает врасплох, но что делать: жизнь достаточно жестко учит нас правилам игры в новых экономических условиях. Безвыходных ситуаций, как известно, не бывает, поэтому мы будем говорить, какие шаги предпринимаем, чтобы справиться с безработицей⁹.

Были созданы специальные службы, например, служба занятости населения, в функции которых входит решение проблемы трудоустройства безработных с учетом их личностных и социально-психологических характеристик. На пути решения этой задачи заложено два критерия: объективный и субъективный потенциал трудоустройства⁹.

Объективный потенциал трудоустройства определяется по результатам анализа социально-демографических данных гражданина: пола, возраста, образования, стажа, причины увольнения, длительности периода безработицы, наличия подходящих для него вакансий на местном рынке труда и др.

Субъективный потенциал трудоустройства определяется, исходя из наличия у гражданина навыков эффективного поведения на рынке труда, степени поисковой активности, самооценки своих возможностей и ограничений, готовности приступить к работе, желания сотрудничать со специалистами службы занятости и др.

Формы сопровождения трудоустройства можно условно разбить на несколько уровней:

- **информационный** – информирование клиента о порядке и характере отношений со специалистом по трудоустройству, правах и обязанностях безработного, об услугах ЦЗН, ситуации на рынке труда и наличии реальных вакансий, о содержании деятельности по поиску работы (информационный зал, памятка безработного, беседы специалистов ЦЗН, групповые консультации и др.)⁸;

- **диагностический** – определение источников и характера трудностей клиента, выявление ресурсов и перспектив в профессиональном самоопределении и поиске работы (беседа, анкетирование, анализ информации о клиенте, полученной из документов, профдиагностика, психологическое консультирование и др.);

- **коррекционно-обучающий** – формирование индивидуальной программы социально-психологической и профессиональной адаптации. Реализация этой программы через различные формы работы (собеседования со специалистами ЦЗН, групповые консультации, индивидуальное психологическое консультирование, тематические занятия и группы поддержки, социально-психологический тренинг по программе «Клуб ищущих работу», профобучение и др.);

- **профессионально-адаптационный** – содействие в определении модели карьеры, реализации возможностей профессионального роста, трудоустройстве и адаптации на новом рабочем месте. Активная поддержка в процессе трудоустройства (профорентация, профобучение, организация встреч с работо-

дателями, предложение участия в ярмарках вакансий, общественных работах, трудоустройство в счет квоты, программа «Временное трудоустройство граждан, особо нуждающихся в социальной защите», материальная поддержка в виде выплаты пособия по безработице и др.);

- **контролирующий** – контроль за выполнением обязанностей и отношением к процессу поиска работы гражданином (например, телефонный звонок специалиста ЦЗН работодателю для получения обратной связи)⁸.

Статистика обращения в Службу занятости.

Среди безработных граждан, обратившихся в Службу на данный момент, с высшим образованием – 219 чел., средним профессиональным образованием – 644 чел., начальным профессиональным – 618 чел., общим – 263 чел., начальным – 25 чел. Безработные женщины составляют больше 70% от общего числа безработных. В целом по стране зарплата женщин примерно на треть ниже мужских заработков. Причем даже при выполнении одной и той же работы усилия женщин ценятся ниже. Отсутствие достойной оплаты труда вместе с болезненным для человека ощущением собственной невостребованности со стороны общества часто создают устойчивые стрессовые состояния, что в свою очередь приводит к новым стрессам.

Цели и требования, с которыми обращаются безработные:

- 1) люди, которые обратились с четко сформулированными целями, но с иждивенческим отношением к Службе. Они настроены на получение всевозможных льгот и не имеют реального намерения трудоустроиться. Эта группа не поддается психологическому воздействию, на нее может повлиять только изменение законодательных норм;

- 2) люди с идеальным представлением о Службе занятости, надеющиеся получить работу, но не представляющие реального положения на рынке труда;

- 3) ожидания, не всегда совпадающие с требованиями рынка труда и возможностями Службы занятости.

Невозможность получить работу, более или менее соответствующую уровню образования и квалификации, вызывает негативное

отношение к Службе занятости, что проявляется в агрессивности и конфликтности клиентов во время приема у инспектора или открыто высказывается во время беседы. В настоящее время сотрудники Службы занятости сталкиваются с необходимостью оказания специализированной психологической поддержки безработным гражданам. Есть люди быстрые и даже торопливые, а есть осмотрительные и медлительные, склонные, например, к кропотливой работе. Есть такие, которые выполняют тончайшую и сложную работу, если им не мешают.

Каждый человек склонен «играть на тех струнах, которыми располагает», – максимально использует свои ценные качества (ведущие к успеху деятельности) и разными способами преодолевает те качества, которые этому успеху препятствуют. Например, «живой», подвижный человек в условиях однообразной, скучной именно для него работы начинает себя искусственно «веселить» – напевает, насвистывает, делает лишние маршруты, движения, иначе его «тянет ко сну». Это реальность, и с ней нельзя не считаться. Человек медлительный чаще делает контрольные осмотры изделия и оборудования, чем это, быть может, требуется типовой инструкцией. Но это важно именно для него: он обретает уверенность, освобождает себя от тревожности, от опасений, исчезает необходимость «рывков» в работе, с которыми он трудно справляется (в отличие, скажем, от человека подвижного, которого не слишком затрудняет «авральный» режим по исправлению оплошностей и пр.). Каждый работает с удовлетворением и хорошо лишь тогда, когда выработал свой «почерк» и этот стиль не мешает «быть самим собой». Чем выше мастерство, профессионализм человека, тем менее он похож на других работников¹. Человек – система саморегулирующаяся. При этом мы помним важнейшие психические регуляторы его активности – потребности, интересы, идеалы, идейные убеждения, одним словом, направленность личности. Без должной направленности личности не создаются внутренние условия для усвоения знаний, умений, навыков.

Важным направлением развития человека как субъекта труда являются совершенствование его знаний о себе и формирование

индивидуально своеобразных способов решения типичных жизненных задач с учетом не только внешних, но и внутренних, индивидуально неповторимых у каждого условий – формирование индивидуального стиля трудовой деятельности. Поэтому понимание механизмов, которые лежат в основе поведения, определение и нахождение способов работы для изменения данной ситуации может оказать реальную помощь работникам Службы занятости³.

Основной контингент, с которым работают специалисты Службы занятости, – взрослое население. Это понятие включает в себя в данном случае несколько возрастных категорий – от выпускников до предпенсионного возраста. Каждая возрастная группа имеет свои социально-психологические особенности, которые необходимо учитывать при организации профориентационной работы. Психологическое время личности определяется соотношением психологического прошлого, настоящего и будущего. При этом его невозможно свести к числу хронологических единиц. Бывает, что человека в 60 лет переполняет жизненная энергия, он постоянно к чему-то стремится. Встречается и обратная ситуация, когда 30-летний все время чувствует себя измученным и уставшим от жизни. Так, один из биографов В.И. Вернадского пишет: «Измерять длительность человеческой жизни годами все равно, что книгу – страницами, живописное полотно – квадратными метрами, скульптуру – килограммами». Психологическое сопровождение становится одним из важных направлений деятельности профконсультантов Службы занятости, а клубная работа занимает приоритетное положение в ряду решаемых задач.

В течение долгого времени ученые на Западе изучали проблему безработицы, ее психологический эффект, и «классическая» модель безработицы, известная как теория Хариссона, предполагает, что люди с момента потери работы проходят несколько стадий сменяющих друг друга психоэмоциональных состояний. Так, кратковременную стадию шока, вызванного ситуацией увольнения или сокращения, сменяет стадия относительного оптимизма и надежды, когда люди еще уверены в себе и чаще всего достаточно мотивированы.

вированы для поиска работы. Однако если проблема на этой стадии не решается, их надежды начинают исчезать, и активность в поиске работы идет на убыль. Далее следует стадия пессимизма, перерастающая в фатализм – полное принятие ситуации, когда люди могут совсем прекратить поиск работы и смириться с ролью безработного. Эта стадия характеризуется тем, что человек, теряя квалификацию и навыки, оказывается дезориентированным на рынке труда, рынке профессий, часто не в состоянии адекватно оценить себя и свои действия при поиске работы и впоследствии совсем утрачивает мотивацию к труду. Исследования показали, что для многих людей эта стадия наступает примерно через 6–8 месяцев с момента потери работы, и часто бывает так, что люди не находят в себе силы самостоятельно решать проблемы, связанные с трудоустройством².

Существующие программы содействия занятости (например, «Клуб ищущих работу», «Новый старт» и др.) являются одними из наиболее популярных услуг, оказываемых Государственной службой занятости в г. Камышине с 1991 г. Цель их – ускорить трудоустройство длительно состоящих на учете безработных. Задачи этих программ направлены, в основном, на формирование у безработных уверенности в себе, навыков «презентации» себя и активного поиска работы. В клубной работе охватываются различные категории граждан: инвалиды (3–2 гр.), предпенсионный возраст, молодые специалисты, длительно стоящие на учете. В работе с такими людьми главной целью становится психологическое сопровождение³.

Идея клубной работы – общение людей, находящихся в одинаковой ситуации, – имеет высокую ценность – участники учатся друг у друга противостоять сложным жизненным обстоятельствам, совместно ищут пути выхода из неудовлетворительной ситуации, оказывают друг другу моральную поддержку. Процесс работы в клубе построен в двух уровнях. Первый уровень предполагает преимущественно консультационную деятельность по планированию профессиональной карьеры, поиску участниками оптимального варианта трудоустройства. На втором уровне предполагается групповая работа

с элементами психологического тренинга, требующая внутренней включенности всех участников в групповой процесс, где с первых встреч участники усваивают правила общения и взаимодействия в группе. На занятиях широко используются деловые игры, предлагаются упражнения на развитие коммуникативных качеств и личностный рост, нацеленные на формирование положительного профессионального имиджа. К услугам безработных компьютеры, где они могут дополнительно в рамках работы клуба подготовить резюме, пройти профессиональную экспресс-диагностику личности. Результаты работы клубов наглядно показывают, что на настоящий момент – это одна из эффективных форм проведения активной политики занятости. Адаптация в современных условиях означает не только успешное трудоустройство, но и решение некоторых личностных проблем, выработку позитивной жизненной ориентации, актуализацию собственных ресурсов для преодоления жизненных препятствий. В целях содействия адаптации безработных были проведены исследования – изучались взаимосвязи адаптационных процессов и психологических особенностей безработных⁶.

Многообразие форм и методов клубной работы было обусловлено в соответствии с проблемами, запросами личностных особенностей безработных граждан. В пример приведем программу «Новый старт». Эта групповая работа включает в себя элементы социально-психологического тренинга, деловых и оргдеятельностных игр и психотерапии. Помимо сотрудников отдела, к ее проведению иногда подключают опытных практических психологов из Управления г. Волгограда. Программа рассчитана на 5 дней, участники – в основном зрелые люди, возраст в пределах 30–50 лет. Опыт работы в группах подтвердил, что во время безработицы человек утрачивает ряд психологических качеств и характеристик, которыми, как правило, обладают имеющие работу люди. Не все реагируют на безработицу одинаково, но практика показывает, что длительно неработающие особенно часто испытывают ряд негативных ощущений:

- отсутствие уверенности в себе;
- беспомощность;
- обеспокоенность за свое будущее;
- депрессию;
- чувство собственной неполноценности;
- безнадежность.

Безработица за последнее десятилетие почти удвоилась. Возрастает доля лиц, ищущих работу длительное время, количество нерегулярно занятых работников (2,5 раза): они в какой-то степени конкурируют с персоналом, для которого трудовая мораль составляла основу жизни.

Достаточно высокий эффект клубной работы обусловлен психологическими закономерностями – динамикой малых групп, когда группа начинает работать как бы «сама на себя», значительно усиливая воздействия ведущего программы на каждого отдельного участника. В создании групповой сплоченности большая роль отводится руководителю курса, который создает атмосферу взаимной поддержки и стимулирует активное участие всех членов группы в совместной работе. Эффективная психологическая поддержка, которую получают люди в этих программах, часто становится решающим фактором в их благополучном трудоустройстве.

В экспериментальную часть данного исследования вошли личностные компоненты субъекта деятельности, включающие в себя психологические, психофизиологические, мотивационные и поведенческие особенности человека, которые побуждают, направляют и регулируют трудовую деятельность. Наука, экономика, культура все больше нуждаются в специалистах, которые могут гибко реагировать на требования рынка труда. Реальное состояние экономики, социальные и демографические условия, в которых проживает большинство населения России, приводят, по данным социологических обследований, к тому, что более половины граждан испытывают психологическое напряжение и стресс, значительная часть из них проявляет склонность к агрессии. Психологический анализ демонстрирует сближение таких понятий, как сила, конфронтация, подавление, конфликт. В таком состоянии человек не может принимать адекватные решения и реально оценивать ситуацию. Тревожность и агрес-

сивность, вторгаясь в структуру личности, превращаются в профессионально важные качества. Личностные качества, позволяющие специалисту быть успешным, у них находятся в состоянии «стагнации»: «свертывания коммуникативных навыков, снижения уровня интеллекта и самооценки, нарушения планирования времени. В основе этой тенденции лежит низкая вероятность найти себе место на рынке труда и, следовательно, в обществе. В центре внимания лежит вопрос: какая категория граждан, среди обратившихся, оказывается незащищенной?»¹⁰

Среди исследуемых – безработные, разное время не имеющие работы, разного возраста, профессий и образования, с различным жизненным опытом, разными характерами, разными причинами потери работы.

В силу огромной сложности личности субъекта труда невозможна полная психодиагностика особенностей человека в труде. Однако существуют обобщающие типологии, отражающие наиболее значимые для трудовой деятельности человека факторы, которые могут быть вычленены из неповторимости конкретной личности. К числу таких особенностей относятся показатели темперамента, типологии, экстра- и интроверсии, а также ряд характеристик, относящихся к сфере потребностей и отношений.

Для определения психофизиологических свойств личности нами был использован тест Г. Айзенка, направленный на выявление двух основных характеристик личности – экстраверсии – интроверсии и эмоциональной неустойчивости – стабильности. Первая характеристика подразделяет людей на экстравертов – «обращенных вовне» и интровертов – «обращенных в себя»¹².

Тест Г. Айзенка позволяет по специальной шкале в «Круге Айзенка» получить более достоверные результаты об особенностях темперамента, степени эмоционального напряжения.

Анализируя особенности темперамента¹¹, можно понять, что лежит в основе. В большинстве своем меланхолики и холерики (на 142 чел. флегматиков – 29, сангвиников – 5, холериков – 40, меланхоликов – 68) (меланхоликов – 36 чел., холериков – 15 чел., флегматиков – 2 чел., сангвиников – 0).

Психофизиологические особенности меланхолика: данный тип ВНД отличается высокой эмоциональной чувствительностью, повышенной ранимостью. Сильные воздействия затормаживают деятельность меланхолика, вызывая у него запредельное торможение, характеризующееся преобладанием тормозного процесса при слабости как возбуждения, так и торможения. Слабое раздражение у меланхолика субъективно может переживаться им как сильное, по незначительному поводу он склонен к внутреннему переживанию. Замкнут, трудно и медленно сближается с людьми. Настороженный тревожный взгляд. Стремится быть «в тени». Сдержанная, неопределенная, неуверенная мимика, тихая негромкая речь, осторожные, робкие движения. Придает большое значение мелочам. Склонен к внутренним переживаниям. Болезненно переживает неудачи и наказания. Опасается перемены мест и уклада жизни. В новых, особенно в конфликтных ситуациях, теряется, работает ниже своих возможностей. Склонен недооценивать свои силы и переоценивать препятствия. Для меланхолика больше всего подходит ровная, требующая усидчивости и терпения работа. Монотонная работа его не тяготит. В привычной обстановке, в дружеском коллективе он успешно выполняет порученное дело. Среди обратившихся в Службу занятости их большинство.

Характерологические черты

Позитивные:	Негативные:
– высокая чувствительность	– легкораним и застенчив
– чувствительность	– мнителен и замкнут
– тонкая восприимчивость	– пониженная активность
– в привычной обстановке	– неуверенность движений
– исполнительный работник	– низкая работоспособность

Холерический тип: нервные процессы отличаются повышенной возбудимостью и неуравновешенностью. Недостаточное самообладание, несдержанность, резкость в общении, неуравновешенность. Данной категории граждан свойственна тревожность, эмоциональная впечатлительность, упрямство, агрессивность, пессимизм, склонность к депрессии. Выразительный и проникновенный взгляд. Движения быстрые и резкие. Резкая смена эмоций, например, от гнева к веселью.

Склонен переоценивать свои силы и недооценивать препятствия на пути к цели. Стремится в «первые ряды». Речь носит ярко выраженную окраску. Излишне громкий голос. Склонен перебивать собеседника, в разговоре захватывает инициативу, горячо настаивает на своем. Если возражает или перебивает, то громкость и скорость речи возрастают. На этой природной основе может развиваться агрессивность, одержимость какими-либо идеями. Цикличность в работе. Они способны со всей страстью отдаться делу, за которое взялись, увлечься им. Однако при подавленном настроении, при упадке веры в свои возможности начатую работу забрасывают. Замедленный и спокойный темп работы не для холериков. Для них больше всего подходит работа, требующая немедленного исполнения.

Характерологические черты

Позитивные:	Негативные:
– высокая активность настроения, энергичность	– цикличность в работе
– быстро уясняет обстановку	– вспыльчивость
– инициативен, общителен	– неустойчивость в поведении
– решителен	
– возбужденная убедительная речь	

Флегматичный тип: Психологические процессы характеризуются определенной инертностью и замедленным реагированием на раздражители. Уравновешенность и некоторая инертность нервных процессов позволяет флегматику оставаться спокойным в любых условиях. Не склонны к перемене в своей жизни, однако если убедить в необходимости перемен, они будут спокойно, методично добиваться выполнения принятого решения. Любят людей спокойных, организованных, уверенных в себе. С таким типом беседу надо вести спокойно, давая краткую аналитическую информацию, не навязывая никаких советов, не делать никаких выводов, предоставить это ему самому. Это спокойный, уравновешенный, всегда ровный, настойчивый и упорный труженик жизни. Предпочитает проверенные методы работы, контролирует свою деятельность, излишние самопроверки ему не мешают и не раздражают. Редко проявляет инициативу.

Характерологические черты

<p>Позитивные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – ровен в отношениях – в меру общителен – не обидчив – отличается высокой работоспособностью – настойчив – способен к напряжению в работе 	<p>Негативные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – инертность – малоподвижность – требуется время для сосредоточения внимания – медленно принимает решения
---	---

Сангвинический тип: у представителя данного типа темперамента психические процессы характеризуются большой скоростью протекания (быстрой реакцией на раздражители). Сангвиники отличаются высокой активностью, адаптивностью и подвижностью. Их внимание нестабильно, быстро и легко переключается. Они инициативны, общительны, жизнерадостны, склонны к остроумию. Речь живая и быстрая, открытый взгляд. Мимика разнообразна. Любят новизну, разнообразие ситуаций, перемену мест. Избегают однообразия, шаблонов в работе. Легко переживают неудачи. В работу включаются очень быстро. Однако если дело требует сосредоточенности, терпения, могут также быстро отступить, как и увлечься. У сангвиников хорошая работоспособность. Больше всего подходит для них работа, требующая быстроты реакций и уравновешенности. Среди испытуемых, обратившихся в Службу занятости, их меньше всего.

Характерологические черты

<p>Позитивные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – высокая подвижность – высокая адаптивность – общительность – доброжелательность – жизнерадостность – выразительность мимики 	<p>Негативные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – деятелен при условии интереса к делу – тяготеет однообразием – малая склонность к самоуглублению – в действиях бывает резок – отсутствие усидчивости – недостаточная настойчивость
---	--

Среди группы инвалидов в основном меланхолики, для них характерны такие заболевания: злокачественные новообразования, астма, сердечнососудистые, сахарный диабет⁵.

Среди людей, обратившихся в Службу занятости, большое количество с экстернальным **локусом контроля**, которые не верят в то, что человек в состоянии реально

влиять на происходящее в его жизни (всего 116 чел., из них экстерналы – 79, интерналы – 37) (92 чел.: интерналы – 28, экстерналы – 64).

Исследования **самоотношения** (МИС) как эмоционально-оценочной подсистемы самосознания являются важным регулятором почти всех аспектов поведения человека, включая прогнозирование социальной эффективности (показатели даны в таблице).

Субтесты	Высокие баллы	Низкие баллы	Норма
Самоуважение	40 чел.	9 чел.	8 чел.
Аутосимпатия	33 чел.	12 чел.	
Самоуничтожение	11 чел.	17 чел.	

Стиль реагирования в конфликтных ситуациях (тест К.Н. Томаса):

- избегание – 36 чел.
- приспособление – 32 чел.
- сотрудничество – 16 чел.
- компромисс – 10 чел.
- соперничество – 8 чел.

Отношение к работе (шкала ММРІ):

8–19 баллов	20–25 баллов	26–31 балл
31 чел.	48 чел.	16 чел.

Особенности личности определялись следующим образом:

1) диагностики с помощью опросника МИС (методика позволяет оценить особенности отношения человека к себе и своему «Я»). 9 шкал опросника позволяют оценить осознанный уровень самоотношения;

2) личностного опросника Айзенка (позволяет определить темперамент и эмоциональную напряженность – нейротизм);

3) опросника «Локус контроля» (позволяет выявить *локализацию контроля личности*, т.е. убеждения человека относительно того, где находится управление того, что происходит в его судьбе).

Применение опросника Томаса (место в конфликте) дало возможность определить способность испытуемых совладать с неблагоприятными условиями окружающей жизни.

Зная уровень своего стремления к работе (опросник ММРІ, шкала «отношение к работе»), личность всегда может более четко на-

метить стратегию жизненного пути и оценить успехи, мера которых, как считает А. Маслоу, – не столько расстояние до финиша, сколько промежутков, пройденный от момента старта.

Проверка гипотез по классическому критерию Стьюдента показала, какие из групп и по каким свойствам статистически различаются. Сравнивая их между собой, можно выделить следующие:

- самооценność,
- самопринятие,
- самопривязанность.

Самопринятие – снисходительное, дружеское отношение к себе, принятие недостатков, их амнистирование.

Самооценność – ощущение ценности собственной личности.

Самопривязанность – сохранение максимально положительного отношения к себе (пусть даже нереалистического и приукрашенного).

Позиция в конфликте – приспособление и избегание.

Высокая степень различия (> 95% достоверности) оказалась в группах A_4 и C , A_3 и C , A_1 , A_2 и C по факторам самопривязанности, саморуководству и самопринятию. В группах A и B , B и C наибольшие различия получены по интроверсии и приспособлению теста Томаса. Для групп B и C высокая степень различий по самопривязанности, саморуководству, приспособлению. Другие показатели также представляют интерес – их различия на уровне 73–93%.

Экспериментально-практическая часть является комплексной и достаточно информативной, хотя трудоемка по выполнению и обработке, но по ней можно проследить, насколько человек готов прилагать усилия для того, чтобы жить полноценной личной и профессиональной жизнью.

Итак, люди по-разному переживают ситуацию потери работы. Одни сильно расстраиваются и переживают эмоционально и физически, другие сохраняют хладнокровие, а третьи с облегчением воспринимают это событие. Одни люди, потерявшие работу, сразу же устремляются на поиски нового рабочего места, а другая часть откладывает это мероприятие на неопределенное время,

предвкусывая оценить все «плюсы» и «минусы» безработицы. Плюсы безработицы остаются недолго, в противном случае дают о себе знать «минусы» безработицы. Исследование связи фактора отношения к труду с личностными особенностями безработных граждан, возможно, позволят избежать «минусы» безработицы.

В целом работа имела следующую схему: диагностика личностных качеств каждого участника групповых занятий с последующей индивидуальной консультацией. Далее переходила к формированию личностной ориентировки, которая обеспечивает возможность творческого, нестандартного подхода к решению проблемных ситуаций.

Высокая эффективность работы клубов обуславливается внедрением в их деятельность трех принципов:

- 1) позитивного личностного подхода к участникам;
- 2) повышения общего уровня жизненной энергии, жизненных сил участников, их способностей к психической саморегуляции;
- 3) практической отработки полученных в клубе умений и навыков в самостоятельном поиске работы, контроля поисковых шагов и позитивного подкрепления действий участников со стороны руководителя клуба.

Преимущества позитивного личностного подхода, эффекты воздействия на человека утверждений и высказываний, сделанных в позитивной форме, имеющих положительный для человека смысл, несомненны.

Кроме того, необходимо отметить следующее.

Дефицит психологических знаний в нашем обществе обуславливает соответствующий уровень психологической культуры, предполагающей интерес к другому человеку, уважение особенностей его личности, умение и желание разобраться в собственных переживаниях, поступках и отношениях. Диагностика состояния в начале и в конце занятий и применение элементов психической саморегуляции смогут помочь поднять физический и психологический тонус участников, вселить веру в свои силы и возможности.

Таким образом, начал проявляться портрет безработного, написанный средствами психодиагностики: меланхолик, с появле-

нием отдельных признаков расшатанности нервной системы, экстернальным локусом контроля, повышенные показатели некоторых шкал по МИС, позиция избегания и приспособления, которого устраивает статус безработного, и за счет неадекватных, нерепрезентативных представлений снижена мотивация к труду.

Примечания

¹ Гильяшева И.Н. Вопросники как метод исследования личности // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983. С.62–81.

² Дмитриева М.А., Крылов А.А., Нафтульев А.И. Психология труда и инженерная психология. Л., 1979.

³ Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996. С.3–125.

⁴ Климов Е.А. Введение в психологию труда. М., 1988. С.1.

⁵ Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.

⁶ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.19.

⁸ Материал в помощь специалистам ЦЗН по профконсультированию женщин. Волгоград, 1996.

⁹ Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957) / Под ред. Е.А. Климова. М., 1997.

¹⁰ Основы психодиагностики / Под ред. А.Г. Шмелева. М.; Ростов н/Д, 1996. С.6–114.

¹¹ Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1998.

¹² Практическая психодиагностика. Методики, тесты. Самара, 2005. С.133–141.

¹³ Психология труда / Под ред. А.В. Карпова. М., 2003.

УДК 316.346.32-053.81(100)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ «ПРОТЕСТУЮЩЕГО» ПОКОЛЕНИЯ

А.Р. Тугушева

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: onixdragon@mail.ru

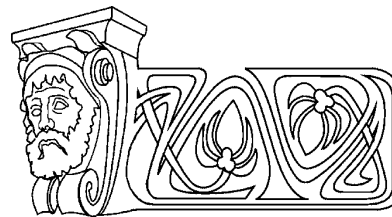
Вопрос ценностей всегда представлял интерес для исследователей, равно как и для обывателей. В данной статье автор уделит внимание ценностной ориентации так называемого «протестующего» поколения на примере возникшей во второй половине XX в. молодежной рок-культуры, поскольку именно это явление наиболее полно и отчетливо характеризует трансформацию ценностных ориентаций общества в целом.

Axiological Orientations of "Protesting" Generation

A.R. Tugusheva

The question of values always was very interesting both for the researchers and commoners. In this paper author talks about axiological orientation of so called «protesting» generation on the example of rock culture of the second half of XX century. Author states that this phenomenon of rock culture gives the best characteristic of transformation of axiological orientations of society in general.

Вопрос ценностной ориентации всегда неоднозначен, имеет множество подходов к изучению, и это неудивительно. Ведь человека интересует не просто истина, которая бы представляла объект таким, каким он является сам по себе, а значение объекта для

человека, для удовлетворения его потребностей¹. Помимо очевидного, материального аспекта, ценностью является все, что имеет определенную значимость, личностный или общественный смысл. В научном знании эта проблема имеет весьма давнюю историю, поскольку определить, что же есть ценность, пытался еще Сократ. И в древности, и в Средневековье, и в Новое время, и в настоящее время вопрос о ценностях актуален, потому аксиология включает в себя множество разных аспектов понятия ценности. Так, Сократ сделал этот вопрос центральным пунктом своей философии и сформулировал его в виде рассуждения о том, что есть благо. В античной и средневековой философии вопрос о ценностях был непосредственно включён в структуру вопроса о бытии: полнота бытия понималась как абсолютная ценность для человека, выражавшая одновременно этические и эстетические идеалы. В

концепции Платона Единое или Благо было тождественно Бытию, Добру и Красоте. Такой же онтологической и холистической трактовки относительно природы ценностей придерживается и вся платоническая ветвь философии, вплоть до Гегеля.

Что касается гуманизма, то он ориентируется на такие ценности-идеалы, как свобода, справедливость, демократия, ответственность, непримиримость к насилию и ненасилие, экономически оправданная планетарная общность людей. Наряду с положительными ценностями есть, разумеется, и их антиподы: человеконенавистничество, стяжательство, культ силы, вседозволенность. Особую ценность представляет все то, что связано с этикой долга, основателем которой считается Кант.

Согласно его концепции, человек должен быть «моральным», потому что существует абсолютный нравственный закон, неподчинение которому лишено каких бы то ни было оснований. Кант также много пишет о добродетелях, но они имеют у него по сравнению с абсолютным нравственным законом вторичный характер. Смысл действий человека состоит в их причастности к абсолютному нравственному закону.

Мир ценностей на удивление многообразен, потому столь же многообразно его осмысление человеком. Однако в рамках данной статьи будет не совсем уместно да и невозможно перечислить и подробно остановиться на каждой из существующих научных теорий.

В связи с этим необходимо пояснить, что понимается под термином «протестующее» поколение. Сделать это удобнее всего, рассмотрев небольшой отрывок истории развития общества во второй половине XX в.² 50-е гг. XX столетия стали началом эпохи настоящей революции в массовой культуре. Эта революция перевернула жизнь целого поколения и захлестнула весь мир, изменила ход истории, напугала власти и заставила людей подвергнуть себя переоценке. Началом данного переворота в общественном сознании считается появление специфической музыки «рок-н-ролл», ставшей не чем иным, как проявлением и выражением требования перемен. Для подростка того времени рок-н-ролл был переворотом буквально во

всем: в манере одеваться, говорить, ходить, танцевать, во взглядах на мир, на власти, на родителей. Но самое главное – переворотом во взглядах человека на самого себя, т.е. глобальным ценностным переворотом. До рок-н-ролла молодые люди в возрасте от 12 до 20 лет представляли собой либо детей с взглядом на жизнь взрослого, либо взрослых с взглядом ребенка. И те, и другие полностью следовали традициям и принципам своих родителей. Они одевались, подражая родителям, в общем и целом их вкусы являлись миниатюрным отражением вкусов родителей. Рок-н-ролл все изменил: необычная шумная, грубая, крикливая музыка, с мощным зарядом энергии и пульсирующим битом.

Несмотря на то что официально подобной музыки не существовало (изначально рок-н-ролл был музыкой черных, которые в тот период времени все еще подвергались угнетению и сегрегации), рок-н-ролл постепенно стал известен среди белых. Его тексты отражали такие актуальные для молодежи проблемы, как школа, машины, летние каникулы, отношения с родителями, первая любовь. Музыка, помимо текстов, несла массу энергии, а с появлением белого исполнителя Билла Хэйли она стала доступной для всех. Кроме того, рок-н-ролл оказался достаточно просторным для того, чтобы вместить в себя различные стилевые вариации и по-своему уникальных исполнителей.

К началу 60-х гг. к совершеннолетию приблизилось очередное поколение. Родители этих детей активно боролись за мир, спокойствие и изобилие, надеясь, что потомки достойно продолжат их дело. Однако помимо положительных деяний они принесли с собой страх перед атомной войной и расовую ненависть. Идеалы равенства и справедливости были забыты в погоне за стабильностью и успехом. Подростки, пытаясь осмыслить происходящее в мире, подвергали сомнению моральные и политические устои старшего поколения, что нашло отражение в их музыкальных пристрастиях. Фолк-музыка на какое-то время привлекла внимание молодежи, и песни Боба Дилана о расовом угнетении и угрозе ядерного уничтожения сразу же превратились в гимны. Его песня "Времена – они меняются" прозвучала первым предупреждением о растущей напряженности,

словно впитав в себя квинтэссенцию тех процессов, что наметились в обществе. Эстафетную палочку Дилана перехватили “The Beatles”, окончательно утвердив рок-н-ролл музыкой нового, «протестующего» поколения, позволяющей обнародовать собственное мнение о событиях, которые волнуют всех.

В музыке 60-х гг. отражалось то напряжение, что пронизывало общество. Война во Вьетнаме дала широкий резонанс по всему миру, повлияла на развитие американской культуры. Социальный протест молодежи выразился в появлении движения хиппи. Попытка пересмотреть и переосмыслить ценности и моральные устои старшего поколения, поиск новых истин и способов познать мир – вот основные идеи, владевшие умами молодежи в тот период времени. Новое и лучшее молодые люди пытались найти в философской и религиозной мысли, ища способ расширить свое сознание для более полного восприятия реальности и находя его в применении LSD. Это была эпоха идеализма и антиматериализма, стремления создать альтернативное общество, основанное на всеобщем равенстве. В 1967 г. тысячи молодых людей верили в то, что любовь способна изменить мир. Они стремились к независимости, к собственным ценностям и идеалам.

В то же время росло социальное напряжение в обществе. Идеализм 1967 г. обернулся в 1968 г. насилием и злобой. Ширилась война во Вьетнаме, росло и противостояние ей. Повсюду происходили беспорядки, кое-где едва не выливавшиеся в настоящую революцию. Американская молодежь пыталась повлиять на курс политики. В результате произошло первое столкновение молодежи с полицией, применившей физическую силу для разгона демонстрации в Чикаго. Впервые со времен рок-н-ролла начались массовые волнения, вылившиеся в столкновения между молодежью и властями. Выражая общественные настроения, одни музыканты чувствовали потребность вести свое поколение на баррикады, другие все еще старались охладить его пыл с помощью наркотиков. Одни были революционерами, другие пацифистами. Это было время бурных страстей и беспорядков, гнева и насилия, страха и безнадёжности. То, чего не удалось достичь с помощью любви, теперь пытались добиться с

помощью кулаков, бомб, винтовок и поджогов. На эти годы приходится появление так называемого андеграунда, когда молодежь ушла в подполье, загнанная туда преследованиями за любимые стимуляторы, репрессиями полиции, арестами ее лидеров, налетами на ее печать. Музыка тоже ушла в подполье.

В начале 70-х гг. в газетных заголовках чаще всего фигурировали война, смерть, коррупция, убийства, терроризм, похищения людей, изнасилования. Это была эпоха страха и нищеты, прежде всего духовной, культурной нищеты, эпохой лицемерия и насилия. Бунт молодежи, которая в индустриальном обществе занимала маргинальное положение, ее нежелание принять ограничения и запреты, накладываемые общественной традицией, массовые волнения – характеристика тем годам. Поиск новых, лучших путей решения проблем – это стремление к демократии и равноправию, эмансипация и изменение женского самосознания.

Популярная музыка всегда отражает ту эпоху, когда она создавалась³. Новое поколение, пришедшее на смену поколению 60-х, требовало своего собственного самовыражения, отрицающего современное положение вещей⁴. Таким образом, в музыке появляются новые направления, более адекватно отражающие происходящие в обществе процессы. Жесткие тексты, освещающие социальные проблемы, рассуждающие на религиозные темы, описывающие человеческие переживания – протест против далекой от идеала действительности⁵. Эта музыка заставляла своего слушателя задумываться над происходящим вокруг, призывала предпринять попытки что-то изменить.

80-е гг. знаменовались продолжением общественных волнений: началась война в Афганистане, продолжалась гонка вооружения, произошел взрыв на Чернобыльской АЭС, была разработана космическая программа президента США Р. Рейгана «Звездные войны». Люди начали бояться технологического прогресса, который гигантскими шагами шел вперед. Музыканты запели о насущных проблемах – о ядерной угрозе, политической нестабильности, исторических ошибках человечества, также выражая протест наркотикам, абортам, самоубийствам. Так завершилась эра хиппи. Благодаря новой

музыке постепенно создавалась определенная мода в одежде, прическах, манере поведения, несмотря на противоречивое общественное мнение.

Именно тщательный анализ истории развития общества второй половины XX в. позволяет говорить о «протестующем» поколении. На примере уникальной музыкальной культуры, ставшей воплощением протеста, удобнее всего рассматривать ценностные ориентации общества и их изменение. В определенной степени «протестующая» молодежь существовала и существует во все эпохи, но именно то время наглядно представлено массовое движение протеста. На этом примере отчетливо можно увидеть те ценностные ориентации, которые являлись доминирующими в тот период времени, а также проследить их изменение (зачастую болезненное и сложное, но необходимое). Итак,

ценностные ориентации «протестующих» всегда опираются на старые ценности, в дальнейшем или полностью отрицая их и предлагая совершенно новые, или же по-новому переосмысливая и переоценивая их.

Примечания

¹ Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб., 2005.

² Тугушева А.Р. Философско-культурологический аспект анализа молодежной рок-культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2006.

³ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4. С.6–32

⁴ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

⁵ Кнабе Г. Феномен рока и контркультура // Вопросы философии. 1990. №8. С.39–61.

ПЕДАГОГИКА

УДК [159.98:378](076.5)

СИСТЕМНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ЛИЧНОСТИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.В. Арендачук

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики факультета философии и психологии
E-mail: arend-irina@ya.ru

Психологический анализ профессионализма в научно-педагогической деятельности осуществлен в контексте системного подхода на трех уровнях – субъектном, где в качестве субъекта выступает преподаватель высшей школы; деятельностном, характеризующем специфику научно-педагогической деятельности; структурно-функциональном, выявляющем динамические связи между отдельными подсистемами профессионализма.

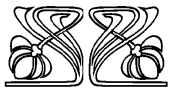
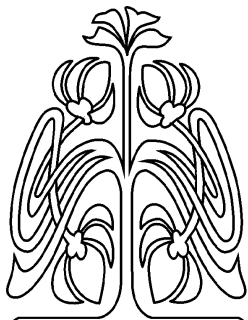
**The System Psychological Analysis of Professionalism of the Person
in Scientific and Pedagogical Activity**

I.V. Arendachuk

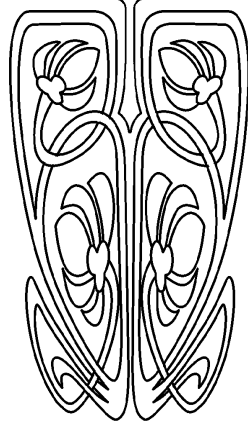
The psychological analysis of professionalism in scientific and pedagogical activity is carried out in context of the system approach at three levies. The first is the subject where the teacher of the higher school acts as the subject. The second is activity describing specificity of scientific and pedagogical activity/ the third is structural functionality, revealing dynamic communications between separate subsystems of professionalism.

Повышение квалификации и профессиональная переподготовка научно-педагогических кадров сегодня становятся одним из приоритетных направлений в государственной политике по реформированию высших учебных заведений и повышению социального статуса ученого-педагога в российском обществе. И это актуализирует вопросы, связанные с профессионализмом личности в научно-педагогической деятельности, психологическое содержание и специфика которой сегодня еще мало изучены.

До сих пор в психологических изысканиях научно-педагогическая деятельность не исследовалась как взаимосвязанная система, основными компонентами которой являются два вида профессиональной деятельности – научная и педагогическая. В работах исследователей мы встречаем описание специфики либо научной составляющей, либо педагогической. Причем в первом случае акцент делается на особенности научного мышления и познания, на специфике научного общения и творчества (И.М. Верткин, Е.П. Никитин, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский), изучается личность ученого: ее психологические особенности, структура, отдельные параметры – идиогенез, индивидуальный когнитивный стиль, интеллектуальные способности, мотивация научного творчества (А.Г. Аллахвердян, Г.Ю. Мошкова, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский) и др. Во втором педагогический труд рассматривается в основном в системе общего образования (М.Г. Бобкова, В.И. Дианова, Т.Д. Дубовицкая и др.).

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

В то же время вопросы целостного становления личности в научно-педагогической деятельности, связанные с повышением ее активности в профессии, с формированием у преподавателей высшей школы стремления и готовности к профессионально-личностному росту и развитию своего научно-педагогического потенциала требуют своего решения и обуславливают необходимость *системного психологического анализа профессионализма субъекта научно-педагогической деятельности*, который позволит по-новому взглянуть на закономерности, отражающие специфику взаимодействия личности и профессии.

При этом мы полагаем возможным рассматривать профессионализм как системное свойство субъекта, сформированное в процессе развития его индивидуально-психологических особенностей и становления профессионально-обусловленных качеств, обеспечивающее успешное осуществление профессиональной деятельности на основе осознанной саморегуляции в соответствии с существующими в обществе стандартами и объективными требованиями и ведущее к саморазвитию и самореализации личности.

Положения теории систем и общесистемной концепции личности, освещенные в работах Р.Х. Тугушева¹, позволили выделить два уровня, на которых происходит формирование профессионализма – субъектный и деятельностный. Как субъектное качество профессионализм приобретает человеком в социокультурной среде в процессе осуществления профессионально-предметной деятельности и общения – неразрывно связанных сторон его активного существования и развития. При этом деятельность, как отмечает Р.Х. Тугушев, имеет фундаментальное значение, поскольку в ней личность формируется и осуществляет взаимодействие с внешним миром, и именно в качестве личности человек проявляется как единичное в системе общественных отношений².

Разделяя мнение Е.М. Ивановой и Н.А. Дьяковой о том, что деятельность профессионала представляет собой сложную динамическую систему, включающую два основных компонента: «субъект труда» и «объект труда»³, проанализируем их психологические аспекты в научно-педагогической де-

ятельности и выделим психологические условия успешного становления профессионализма в ней.

Специфика научно-педагогической деятельности преподавателя высшей школы обусловлена ее многокомпонентностью, включающей в себя как научную, так и педагогическую составляющие. В психологическом контексте наука понимается как социально-организованная система особого вида духовного производства, продукты которого отображают реальность в эмпирически контролируемых логических формах. Исходя из этого, можно определить *научную деятельность* как процесс производства научных знаний в условиях индивидуальной или коллективной форм научно-исследовательского труда. Главной функцией научной деятельности является открытие новых проблем, фактов, истин, а основным принципом – «взаимодействие, а точнее диалектическое единство теории, эксперимента и практики»⁴.

В резолюции XXVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО применительно к профессиональной деятельности преподавателей высшей школы разводятся понятия «исследовательская деятельность» и «научная работа», которые в отечественном науковедении не разделяются. Под *исследовательской деятельностью* понимаются оригинальные разработки в области естественных или социальных наук, культуры или образования, предполагающие тщательные, упорядоченные изыскания, зависящие от характера и условий поставленных проблем. *Научная работа* трактуется как процесс, посредством которого вузовские работники готовят научные публикации по своему предмету, публикуют свои труды, совершенствуют свою деятельность в качестве преподавателей⁵. Таким образом, научная работа непосредственно увязывается с преподавательской деятельностью и является неотъемлемой частью любого обновления знаний по предмету преподавания.

Такой подход к содержанию научно-педагогической деятельности вузовских преподавателей разделяется рядом исследователей, отмечающих, что учебный процесс оказывается эффективным только в случае обеспечения его наиболее способными и актив-

ными в научных исследованиях преподавателями⁶. Преподаватель не может замыкаться в формальных рамках своей дисциплины, из года в год излагая студентам один и тот же материал. Любой курс, читаемый в вузе, должен непрерывно обогащаться наукой. Постоянно следить за развитием науки в данной области, обобщать ее богатейший опыт, учитывать запросы общества – таково непереносимое условие успешной работы каждого преподавателя⁷.

Важной задачей изучения психологических особенностей профессионализма и его успешности, на наш взгляд, является представление основных компонентов его структуры как единого целого, изучение условий его формирования и становления в развитии. Применительно к научно-педагогической деятельности (НПД) данная задача может быть решена при ее психологическом анализе в соответствии с субъектно-динамическим подходом к проблеме профессионализма и с системной моделью, описывающей его структуру и динамические связи между отдельными составляющими.

Опираясь на концепцию системогенеза профессиональной деятельности, разработанную В.Д. Шадриковым⁸ и психологическую модель профессии, предложенную С.А. Дружиловым⁹, определим в качестве системообразующего компонента профессионализма цели профессиональной деятельности субъекта, формирующиеся на основе системы индивидуально-психологических и профессионально-обусловленных свойств субъекта и системы условий, обеспечивающих его профессиональную успешность, обусловленных спецификой НПД; в качестве субъекта НПД – преподавателя высшей школы. Также выделим следующие уровни анализа его профессионализма:

1) *субъектный уровень*, позволяющий рассмотреть модель субъекта НПД как систему взаимосвязанных его индивидуально-личностных и профессионально-обусловленных свойств и особенностей;

2) *деятельностный уровень*, предполагающий анализ общественной и личностной значимости профессии преподавателя высшей школы; анализ профессиональной среды НПД по отдельным ее составляющим и в це-

лом с выделением объекта, предмета, психологического содержания деятельности и профессиональных компетенций в ней;

3) *структурно-функциональный уровень*, позволяющий выявить систему связей в структуре профессионализма в НПД; установить значимость этих связей и вес отдельных компонентов, раскрыть их функциональную соподчиненность и влияние на профессиональную успешность субъекта; определить цели НПД, направленные на обеспечение успешности и профессионализма субъекта.

Рассмотрим более подробно особенности профессионализма и условий его успешности в НПД на каждом из указанных уровней.

I. Субъектный уровень анализа профессионализма в НПД. Система взаимосвязанных индивидуально-психологических особенностей и профессионально-обусловленных свойств в структуре профессионализма преподавателя высшей школы, как субъекта НПД, на наш взгляд, включает в себя такие компоненты, как когнитивный, аффективно-мотивационный и социально-поведенческий.

Данная точка зрения опирается на трехаспектный подход к анализу науки, выдвинутый М.Г. Ярошевским¹⁰, согласно которому научную деятельность надо исследовать системно с учетом трех важнейших аспектов научного творчества – предметно-логического, отражающего логику развития научного знания, личностно-психологического, раскрывающего индивидуально-личностные особенности субъекта научной деятельности, и социально-научного, характеризующего научное сообщество в целом. Поскольку любой феномен науки, по мнению ученого, может быть исследован с точки зрения программно-ролевого подхода, то можно полагать, что и субъект научно-педагогической деятельности может быть проанализирован в трехмерном пространстве предметного, психологического и социального векторов.

Анализ исследований, посвященных изучению индивидуально-психологических и профессионально-обусловленных свойств преподавателей высшей школы, позволил систематизировать их в соответствии с выделенными компонентами в структуре субъекта НПД (рис.1).

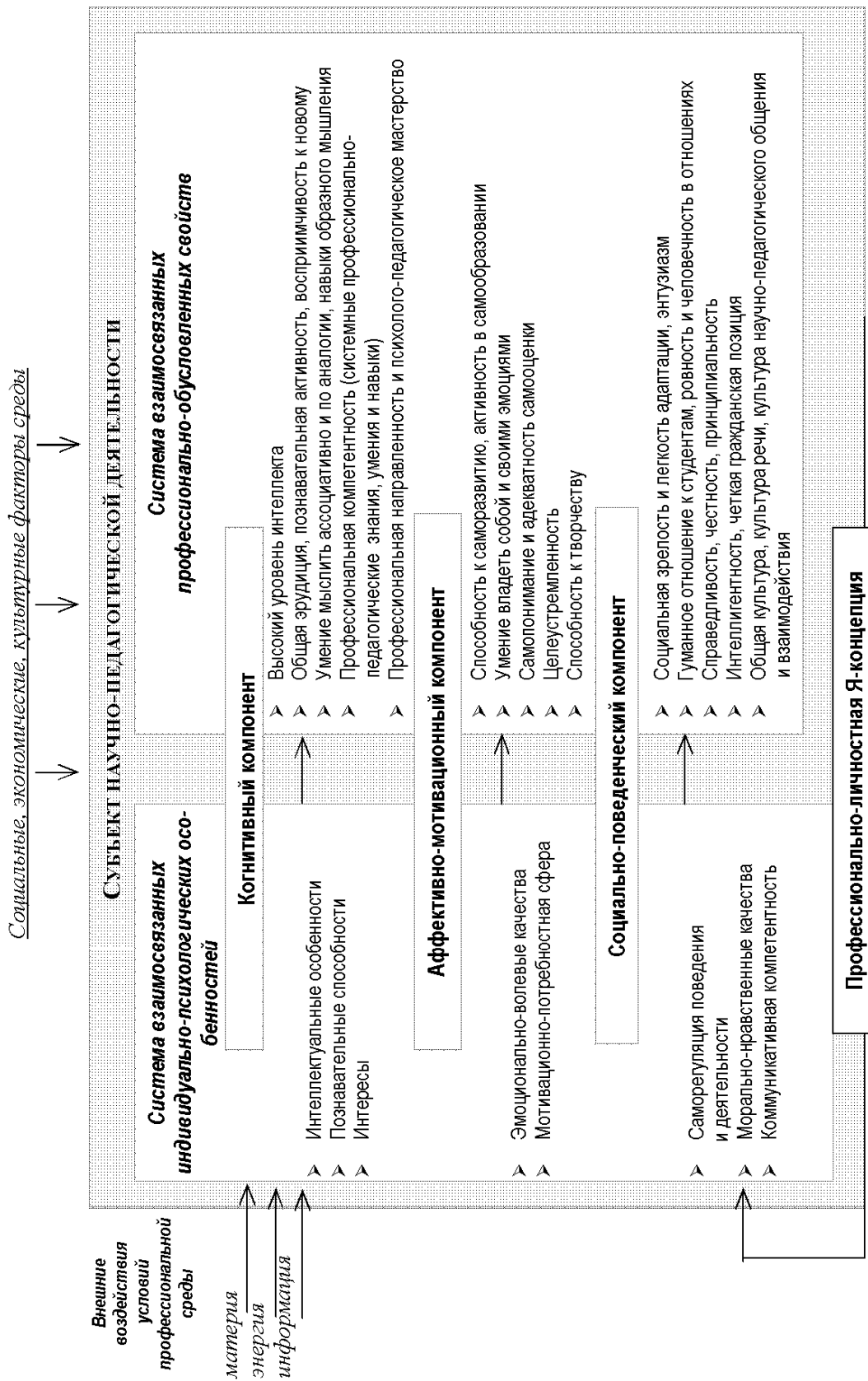

Рис. 1. Система динамических связей в модели субъекта научно-педагогической деятельности

Когнитивный компонент, включающий интеллектуальные особенности, познавательные способности и интересы субъекта на профессиональном уровне, характеризуется высоким уровнем интеллекта, общей эрудицией (как по теоретическим основам своей специальности, так и по всем смежным вопросам), восприимчивостью к новому, умением мыслить ассоциативно и по аналогии, навыками образного мышления; профессиональной компетентностью, включающей системные профессиональные (в конкретных науках) и педагогические знания, которыми оперирует в своей деятельности преподаватель, умения, навыки, приемы, способы, с помощью которых достигаются желаемые результаты; профессиональной направленностью и психолого-педагогическим мастерством.

Аффективно-мотивационный компонент, характеризующий эмоционально-волевою и мотивационно-потребностную сферы личности преподавателя высшей школы, объединяет такие свойства, как способность и стремление к саморазвитию, активность в самообразовании; умение владеть собой и своими эмоциями; самопонимание и адекватность самооценки; целеустремленность; способность к творчеству.

Социально-поведенческий компонент, включающий особенности поведения и саморегуляции деятельности в соответствии с социальными требованиями и нормами, морально-нравственные качества и коммуникативную компетентность (в широком смысле – в общении, во взаимовлиянии и взаимодействии субъектов научно-педагогической деятельности), на профессиональном уровне характеризуется показателями: социальной зрелостью и легкостью адаптации; энтузиазмом; гуманным отношением к студентам, ровностью и человечностью в отношениях, справедливостью, честностью, принципиальностью, интеллигентностью, четкой гражданской позицией; общей культурой, культурой речи, культурой научно-педагогического общения и взаимодействия.

II. Деятельностный уровень анализа профессионализма в НПД. При психологическом рассмотрении *общественной и личностной значимости профессии преподавателя высшей школы* представляется важным проанализировать их профессиональную деятельность в кон-

тексте системы «человек – профессия – общество», которую предложила Е.П. Ермолаева при исследовании социальных функций и стратегий реализации профессионала. Точка зрения этого автора интересна тем, что она акцентирует внимание на необходимости изучения профессии в соответствии с ожиданиями и требованиями к ней со стороны социума (с точки зрения той услуги, которую она оказывает обществу), профессионального сообщества (устанавливающего профессиональные функции, нормы и санкции за их невыполнение) и субъекта (интерпретирующего социальные и профессиональные требования на основе субъективной значимости профессии как средства самореализации, заработка, самоуважения, социального признания). При этом профессионал как «ядро» системы «человек – профессия – общество» выступает одновременно в двух ипостасях – объекта воздействия других компонентов системы (конечное звено, аккумулирующее их влияние) и субъекта, преобразующего эти влияния в конкретные поступки или ошибки и делающего их достоянием социума уже в новом качестве¹¹.

Такой подход позволяет выделить три уровня профессионализма в НПД – *внутриличностный, профессионально-групповой и социокультурный*, психологическую основу которых составляют, соответственно, компоненты: *когнитивный*, образуемый различными параметрами интеллекта; *аффективно-мотивационный*, характеризующий эмоциональный склад личности, ее профессиональные интересы и мотивацию; *социально-поведенческий*, выражающий особенности поведения субъекта и его отношения с другими людьми в профессиональной и социокультурной среде. Иными словами, когнитивная переработка субъектом профессиональной деятельности требований и ожиданий, предъявляемых к нему со стороны референтной профессиональной группы и общества в целом, сопровождается различными эмоциями, формирует мотивацию деятельности и обуславливает разнообразные действия.

Формированию данной точки зрения способствовал анализ исследований А.Г. Аллахвердяна, А.В. Юревича, М.Г. Ярошевского и др., посвященных социально-психологическим проблемам научной деятельности, а также

ряда научных работ, посвященных педагогической деятельности, где в качестве психологических факторов выделены особенности интеллектуальной, мотивационно-потребностной сфер, черты личности, обуславливающие эффективность педагогического общения и взаимодействия.

В структуре научной деятельности А.В. Юревич выделяет уровни (внутриличностный, личность, малая группа, научная организация, научное сообщество, общество), стадии (подготовка, генерирование, проверка и оформление научных идей) и психологические компоненты (когнитивный, аффективно-мотивационный, поведенческий)¹². При этом автор особо выделяет основные психологические факторы, влияющие на личностный уровень, к которым он относит интеллект ученого, его общий уровень и структурные особенности; мотивацию, ее уровень и соотношение видов; социально-поведенческие качества личности; общий склад личности; типологические и дисциплинарные особенности ученых.

А.Г. Аллахвердян, исследуя уровень малой группы (на котором присущая индивиду творческая активность возрастает благодаря включенности в коллективную деятельность), выделяет такие качества личности ученого, как умение понимать другого члена группы, доносить до него свои идеи, убеждать в правомерности своей позиции, вырабатывать совместные замыслы¹³.

Рассматривая уровень научной организации (научные школы как научно-социальные объединения, функционирующие на основе программы, от перспективности которой зависят ее успехи, ценность вклада в науку), М.Г. Ярошевский отмечает такие личностные особенности ученых, как способность к обучению, творчеству, продуктивному общению, обеспечивающие единство исследования, на основе парадигмы или некоторой идеи, высказанной основоположником научного объединения, и задающей направления поиска, проблемы и методов исследования¹⁴.

Раскрывая содержание социокультурного уровня профессионализма в НПД, отметим его мировоззренческую и общекультурную составляющие. Мировоззренческий уровень тесно связан с общей направленностью

ученого-педагога и проявляется в устойчивой системе отношений к миру, труду, другим людям, к самому себе, а также в активности его жизненной позиции. Деятельность преподавателя-ученого любого ранга не является мировоззренчески нейтральной, поскольку он интерпретирует в процессе своего взаимодействия со студентами результаты научного поиска (его методы, способы обоснования знания, формы организации), делает мировоззренческие обобщения и выводы. Такая мировоззренческая нагруженность его деятельности проявляется и в обучении, и в популяризации научных знаний, и в воспитательном процессе, и в повседневной жизни. Во всех контекстах своего бытия преподаватель выступает как ответственный за мировоззренческое создание своего окружения, причем он «может и не предполагать наличия у него мировоззренческой ответственности перед социальным контекстом своей деятельности, но от этого он не становится свободным от нее. Более того, попытки уйти от мировоззренческой (шире – социальной) ответственности оборачиваются мировоззренческой безответственностью. Здесь можно провести параллель: как невозможно научное исследование, свободное от тех или иных мировоззренческих принципов и методологических установок (явных или неявных), так невозможна и деятельность преподавателя, которая не имела бы мировоззренческого влияния на тот или иной социальный контекст»¹⁵.

Общекультурный уровень преподавателя обусловлен его информированностью в области искусства и литературы, осведомленностью и умением ориентироваться в вопросах религии, права, политики, экономики, социальной жизни, экологических проблемах, наличием содержательных увлечений.

Социальная значимость научно-педагогической деятельности обусловлена, по определению Е.П. Ермолаевой, свойством «встречного социального резонанса»¹⁶ – она не только детерминирована состоянием общества, но и общество зависит от нее, поскольку она оказывает существенное влияние на общественное сознание: реализуя научную деятельность, преподаватели высшей школы способствуют развитию познания мира в процессе построения и трансляции знания, а их педа-

гогическая деятельность направлена на профессиональную подготовку специалистов для различных сфер жизнедеятельности общества, на их личностное и профессиональное развитие. При этом преподаватель является не только транслятором знаний и умений, необходимых для овладения профессией, но и носителем культуры, норм поведения, особенностей сознания и самосознания определенной профессиональной группы. Высшее образование, по утверждению Б. Пойзнер, становится сферой, в которой создаются прецеденты и образцы самоопределения, в которой наряду с передачей культурных образцов передаются способы самоопределения, опирающегося на рефлексивную деятельность и анализ ее последствий¹⁷. В этой связи научно-педагогическую деятельность можно отнести к незаменимой «в иерархии общечеловеческих ценностей»¹⁸.

Таким образом, преподавателя высшей школы можно охарактеризовать как субъекта, способного самостоятельно, качественно и своевременно осуществлять профессиональные функции в процессе создания и формирования внутренних и внешних средств профессиональной деятельности не только для самого себя как субъекта, но и для обучающихся, как объекта его труда. На внутреннем уровне деятельности субъекта НПД осуществляется многоканальный процесс формирования специальных знаний, умений и навыков в определенной предметной области. Внешний уровень деятельности субъекта НПД включает «процесс накопления фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе и развитие средств труда в соответствующей предметной области, то есть, обеспечивает расширение информационного пространства и повышение внешней идентичности профессионала»¹⁹.

Определение *профессиональной среды в сфере научно-педагогической деятельности* предусматривает выделение объекта и предмета труда, профессиональных компетенций современного преподавателя высшей школы и психологический анализ их содержания на разных ступенях профессионализма.

Научная составляющая НПД предусматривает в качестве объекта труда актуальную научную проблему, определяемую

спецификой профессиональных интересов преподавателя (или отрасли науки), которую он изучает, при осуществлении исследовательской работы. Применительно к педагогической составляющей объектом становится педагогический процесс. На основе обобщения, можем заключить, что *объектом труда преподавателя высшей школы* является процесс обучения и воспитания студентов (или слушателей) в поле определенной научной проблемы. При этом научная деятельность занимает доминирующее положение по отношению к педагогической, поскольку только преподаватель, активно ведущий современные научные исследования, способен на высоком уровне проводить учебные занятия.

В научной деятельности предметом труда становятся научные разработки по результатам решения конкретной научной проблемы, следовательно, профессиональная среда, в которой действует преподаватель вуза, должна носить научно-познавательный характер, в которой совместно развивается творческий потенциал, как самих преподавателей, так и студентов, и которая обеспечивает «опережающий» характер образовательного процесса.

Исходя из специфики научно-педагогической деятельности и выделенных нами ранее основных уровней профессионализма в НПД, а также, опираясь на исследования процесса управления психолого-педагогическими компетенциями преподавателя высшей школы, определим группы профессиональных компетенций, обуславливающих специфику профессиональной среды в сфере научно-педагогической деятельности (таблица):

а) группа индивидуально-личностных компетенций, основывающихся на когнитивном компоненте НПД и включающих способности к творческой реализации как научной, так и педагогической деятельности, в соответствии с индивидуально-психологическими свойствами субъекта, общим уровнем интеллекта и его структурными особенностями;

б) группа предметно-деятельностных компетенций, основывающихся на аффективно-мотивационном и поведенческом компонентах НПД и включающих предметное (специальное и педагогическое) содержание профессиональной деятельности ученого-педаго-

Уровни профессионализма и основные компетенции преподавателей высшей школы, обуславливающие специфику профессиональной среды в НПД

Уровни профессионализма в НПД			Профессиональные компетенции	
Название уровня	Компонент, составляющий психологическую основу	Психологическое содержание компонента	Название компетенции	Область проявления
Внутриличностный	Когнитивный	Различные параметры интеллекта, способность к обучению и творчеству, общий склад личности, ее типологические особенности	Индивидуально-личностная	Формулирование личностных позиций (в области ценностей, целей и норм). Создание творческого настроения в научно-исследовательском коллективе и на учебных занятиях. Самоанализ и самооценка результатов деятельности. Оценка достижений обучающихся
Профессионально-групповой	Аффективно-мотивационный	Интересы, уровень притязаний, мотивы деятельности субъекта	Предметно-деятельностная	Исследование научных и педагогических проблем и инноваций. Построение учебного процесса (моделирование, проектирование по курсу образовательной программы, подготовка учебных материалов). Повышение собственной квалификации (специальной и психолого-педагогической)
	Поведенческий	Социальные качества и поведение субъекта, его отношения и взаимодействие с окружающими		

га, реализуемое с учетом интересов, уровня притязаний и мотивов деятельности субъекта;

в) группа социально-коммуникативных компетенций, основывающихся на поведенческом компоненте НПД и включающих умения и навыки субъекта в построении отношений и взаимодействий с окружающими в поле профессионально-обусловленной среды.

III. Структурно-функциональный анализ профессионализма в научно-педагогической деятельности включает в себя обобщение теоретических положений, рассмотренных ранее при исследовании субъектного и деятельностного уровней и направлен на уточнение его структуры, выявление системы связей между отдельными его подсистемами и уровнями и установление значимости этих связей и веса отдельных компонентов, на определение целей НПД, обеспечивающих профессиональную успешность субъекта в ней.

Проведенное нами теоретическое исследование проблемы профессионализма как в целом, так и применительно к НПД, позволило выделить в структуре профессионализма в НПД две составляющие: субъектную, где в качестве субъекта выступает препода-

ватель высшей школы, и деятельностную, характеризующую специфику научно-педагогической деятельности (рис.2).

В структуре субъекта НПД выделены две системы, характеризующие взаимосвязанные индивидуально-психологические и профессионально-обусловленные свойства и особенности, реализуемых субъектом на когнитивном, аффективно-мотивационном и социально-поведенческом уровнях. При этом субъект НПД, воспринимая воздействия со стороны профессиональной научно-педагогической среды (в виде материи, энергии и информации), формирует в соответствии со своими индивидуально-психологическими особенностями свойства, необходимые ему в профессиональной деятельности. Данное соответствие анализируется и корректируется субъектом в процессе осуществления НПД и с целью развития профессионально-личностной Я-концепции.

В структуре научно-педагогической деятельности выделены три компонента:

1) уровни НПД (внутриличностный, профессионально-групповой и социокультурный), психологическую основу которых составляют (как показано на рис.2) соответственно

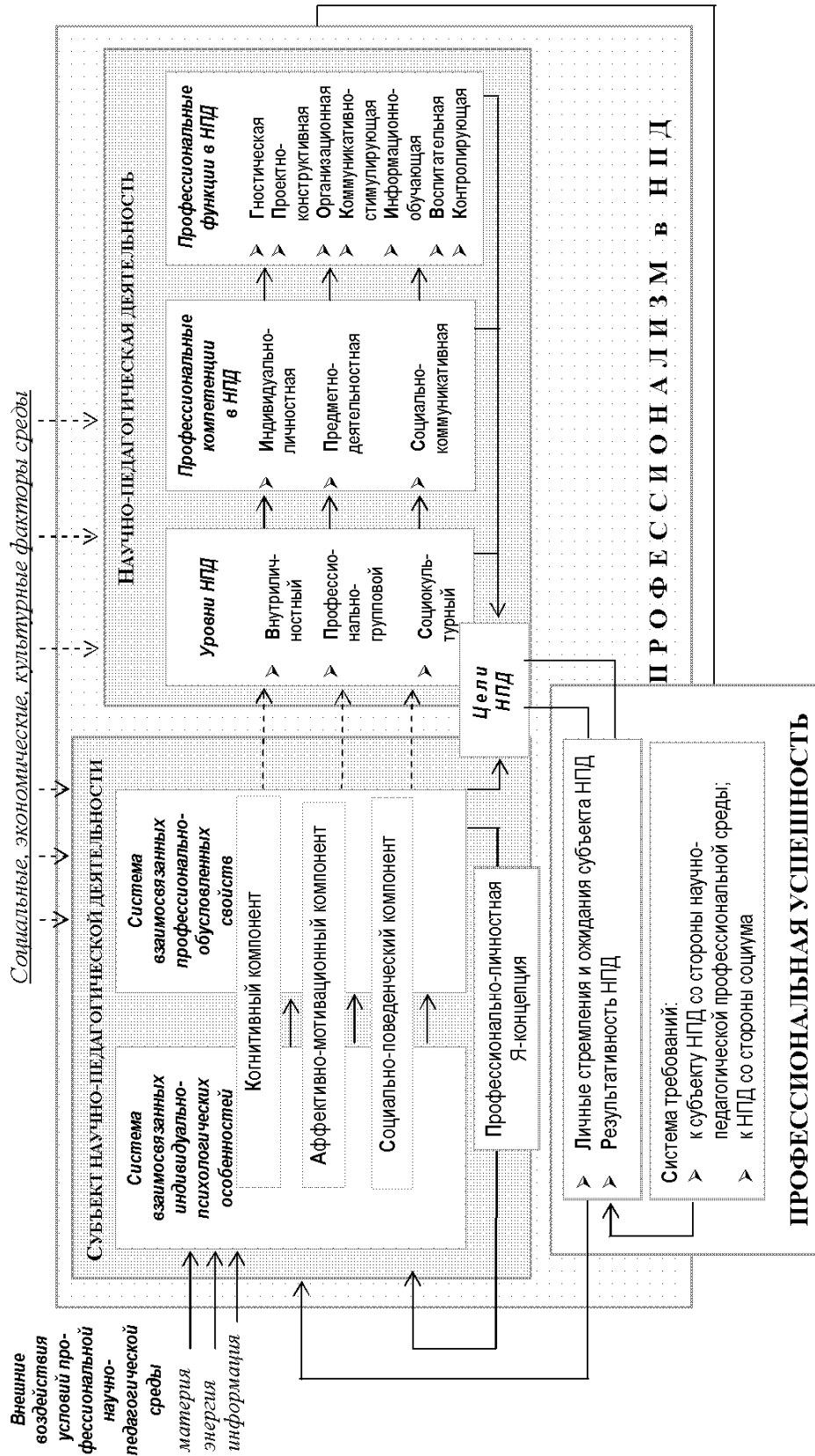

Рис. 2. Система динамических связей в структуре профессионализма в научно-педагогической деятельности

когнитивный, аффективно-мотивационный и социально-поведенческий уровни субъекта НПД;

2) *профессиональные компетенции*, реализуемые на индивидуально-личностном, предметно-деятельностном и социально-коммуникативном уровнях, динамически связанными с личностным, профессионально-групповым и социокультурным уровнями НПД;

3) *профессиональные функции НПД*, обусловленные требованиями профессиональной среды и социума к субъекту НПД, и динамически связанными как с уровнями и профессиональными компетенциями в НПД, так и с субъектными ее компонентами.

Формирование целей НПД обусловлено наличием в структуре профессионализма субъектной и деятельностной составляющих. Цели субъекта НПД связаны с его личными стремлениями и ожиданиями, направлены на результативность профессиональной деятельности и опосредованы как системой требований к субъекту со стороны профессиональной среды, так и системой требований к данной профессиональной деятельности со стороны социума. При этом профессиональная успешность субъекта определяется степенью реализованности поставленных целей, порождающей удовлетворенность преподавателя высшей школы профессиональной самореализацией, позволяющей ему воспринимать себя как профессионала и побуждающей его подниматься по ступенькам профессионального и духовного развития, выходить за пределы своего профессионального труда и направлять усилия не только на собственное профессиональное совершенствование, но и способствовать достижениям своих учеников.

Таким образом, успешность научно-педагогической деятельности основывается на комплексе личностных свойств, отношений, талантов, внутренней мотивации педагогов, их чувстве профессиональной принадлежности, социальной значимости и удовлетворенности результатами своего труда. При этом полагаем возможным рассматривать профессионализм и профессиональную успешность как взаимообуславливающие друг друга психологические образования: профессиональная успешность становится необходимым условием дости-

жения субъектом профессионализма, и, в свою очередь, рост профессионализма способствует его профессиональной успешности вследствие больших достижений в профессиональной деятельности на личностном и социальном уровнях.

Примечания

¹ Тугушев Р.Х. Системная персонология: качественный и количественный анализ. Саратов, 1998.

² Там же. С.45.

³ Иванова Е.М., Дьякова Н.А. Психологическое изучение деятельности профессионала в проблемных ситуациях // Психология труда в условиях проблемных ситуаций: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. С.71–81.

⁴ Ломов Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М., 1991.

⁵ Болотин И., Березовский А. Кадры современной высшей школы // Высшее образование в России. 1998. №2. С.22–27.

⁶ Зиновкина М. Вузovsky педагог XXI века // Высшее образование в России. 1998. №3. С.13–15.

⁷ Вукалович М. Подготовка молодых педагогических кадров // Alma mater (Вестник высшей школы). 2005. №9. С.16–19.

⁸ Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М., 1994.

⁹ Дружилов С.А. Профессионалы и профессионализм в новой реальности: психологические механизмы и проблемы формирования // Сибирь. Философия. Образование: Альманах СО РАО, ИПК. Новокузнецк, 2001. Вып.5. С.46–56.

¹⁰ Ярошевский М.Г. Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. 1978. №3. С.40–53.

¹¹ Ермолаева Е.П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «человек – профессия – общество» // Психологический журнал. 2005. Т.26, №4. С.30–40.

¹² Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001.

¹³ Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М., 1998.

¹⁴ Ярошевский М.Г. Указ. соч.

¹⁵ Касьян А. Образование и встреча мировоззрений // Alma mater (Вестник высшей школы). 2006. №4. С.26–30.

¹⁶ Ермолаева Е.П. Указ. соч.

¹⁷ Пойзер Б. Готовность к самоопределению // Высшее образование в России. 1998. №2. С.80–83.

¹⁸ Ермолаева Е.П. Указ. соч.

¹⁹ Скок Г.Б., Зотова Е.А., Сурнина Т.Ю. Управление психолого-педагогическим блоком компетенций современного преподавателя университета // Университетское управление: практика и анализ. 2006. №2. С.51–56.

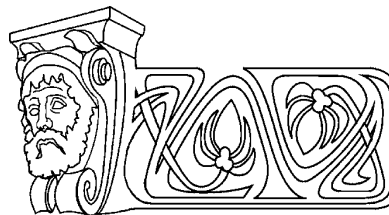

УДК 378.15

СВЯЗЬ ПОНИМАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Е.Г. Евдокимова

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики СГУ
E-mail: a1-ero@yandex.ru

В статье обосновывается связь феномена понимания и представлений в качестве одного из его показателей в педагогическом взаимодействии.

Understanding and Representation's Connection in Educational Process

E.G. Yewdokimova

In this item is represented theoretical information about pedagogical and psychology connection basic of understanding and representation in educational process.

Иметь представление о какой-либо структуре не означает пассивно воспринимать ее как таковую; это значит, переживать ее, возобновлять, жить с ней, обретая ее имманентный смысл.

Феноменология восприятия
М. Мерло-Понти

В последнее время в отечественной педагогике и психологии проблемы понимания и его показателей выходят за рамки когнитивного подхода, связанного с усвоением понятий (как при традиционном рассмотрении) и соответствующими показателями (точностью, глубиной, полнотой и т.д.). Проблема понимания рассматривается в русле субъектного подхода, смысловой педагогики, интерпретативной дидактики, филологических оснований понимания и педагогического дискурса и т.д., охватывая когнитивный и экзистенциальный аспекты исследования. Углубление тематики исследований исключительно в область познавательного аспекта понимания в настоящее время осмысливается в научном сообществе как недостаточное в связи тем, что постепенно утрачивается связь с целостностью человека¹.

Представление о целостности понимания человека, интегрирующее познавательный и экзистенциальный аспект его рассмотрения, содержится в философских основаниях постнеклассической науки, в гуманитарной методологии, в герменевтическом под-

ходе. Постнеклассическая научная рациональность предполагает прояснение аксиологических оснований теоретических построений, их дополнительности и историчности. При этом подразумевается, что каждый из принципов, подходов имеет свое предназначение, может быть актуален в качестве объяснительного принципа при определении его границ, «категориальной сетки», области и времени применимости среди других². Принимается во внимание, что все парадигмы в определенной мере истинны. Неклассическая парадигма не отменила классическую, но указала ее место, диапазон применимости. А постнеклассическая организация знания помогает найти место в общенаучной картине мира для любой теории, любого подхода. Применительно к вопросу о характере репрезентации реальности в сознании человека она позволяет отойти от проблемы истинности и полноты знания и перейти к вопросу его достоверности, доверия со стороны человека.

Гуманитарная методология выявляет значимость индивидуальности, многозначности, разнообразия понимания человеком мира, самого себя (В. Дильтей, В. Виндельбанд, П. Риккерт). Это становится возможным благодаря принципам историзма, коммуникативности, неопределенности («недоконцептуализированности понятий»), современности, событийности при рассмотрении «поступка», «участия», «совместности» (М.М. Бахтин), «заботы» в палитре описания связи человека с миром.

Коммуникативность обеспечивает дополнительность подходов к изучению феномена понимания, выделяя важность моментов соотношения и согласования теоретических положений различных подходов. При этом процедуры соотношения и согласования выступают в качестве механизма осуществления понимания субъектов на всех уровнях

теоретического анализа и практики для всех областей педагогического взаимодействия.

Психологическое пространство понимания выступает как сотрудничество с другими, направленное на выработку «совместного знания», ценностей в момент воссоздания и конструирования совместного смыслового поля.

Наиболее полное воплощение установка исследований на целостность человека получила в субъектно-деятельностном подходе и в психологии человеческого бытия (С.Л. Рубинштейн, В. Франкл, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, З.И. Рябикина). Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средством преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования³. На основе своего понимания, характерного для него образа мира, ценностных отношений и практик решения возникающих задач человек обнаруживает, тематизирует и решает проблемы, возникающие в процессе жизнедеятельности.

Как способ бытия личности (С.Л. Рубинштейн) понимание в процессе развития человека обретает социокультурное оформление, которое однако не может полностью охватить его индивидуально-конкретного внутреннего наполнения. Данное социокультурное оформление понимания происходит в целостных диалоговых отношениях со значимыми людьми. При этом осуществляется процесс понимания, упорядочивание образов и представлений. Кроме того, в данный момент закладывается образ целостных диалогических отношений, опыт участия в них и возможности конструирования, личностной значимости данных отношений, что является основанием возможности их последующего разворачивания.

С.Л. Рубинштейн выводит «понимание» за пределы классической трактовки как «общения с текстом», рассматривает его как условие общения реальных людей, как основу рассмотрения процессов понимания не только текстов, но и другого человека.

Важно, что ученый выявил в познавательных процессах в речи, мышлении коммуникативный аспект, поскольку рассматривал понимание не только как обобщение отношений, но ввел в представление о комму-

никации ребенка со взрослым момент взаимопонимания партнерами друг друга. Он показал, что понимание является условием этого общения, выявил необходимость работы понимания в связи с тем, что в тексте элементы даны в том виде, в котором они не прямо входят в мыслительный образующий контекст. Этот тезис является доказательством необходимости преобразования, реконструкции текста в соответствии с другой системой связей из другого контекста: «Для понимания необходимо повернуть все элементы такой стороной, чтобы они выступали в том качестве, которым они включаются в данный контекст, в образующие его связи»⁴.

Проявляя свое стремление быть понятым, человек встречается с принятием или непринятием его самораскрытия, самовыражения, с невозможностью полного совпадения индивидуального и общественного. Освоение и закрепление успешных отношений, где осуществилось принятие самораскрытия человека, закрепляется в целостном опыте взаимодействия в контексте ситуации. При этом существенными становятся не только те обобщения, интерпретации, которые выстраивает личность, проблемы, которые она решает, но и сама готовность обратиться к согласованию не только в познавательном, но прежде всего в коммуникативном аспекте, к воссозданию целостности диалоговых отношений. Согласование выстраивается между личностным представлением и общественным, между прежними и актуальными для самого человека представлениями на основе обращения к его «должному», к его ценностно-смысловым основаниям.

Этот осознанный или интуитивный опыт жизненных решений и составляет «Я-концепцию» личности, которая связана именно со способом взаимодействия личности с действительностью, теоретически и практически выработанным ею в жизни (К.А. Абульханова).

Выстраивание отношений, их усложнение выделяет необходимость не только понять, что передано, но и самому утвердить и утвердиться в своем понимании. Таким образом, у человека образуется единство стремления «понять и быть понятым», оформляется целостность понимания как диалогического отношения.

Продолжением традиции целостности в отношении рассмотрения феномена понимания выступают работы А.В. Брушлинского. Им обосновывается объединение в активности субъекта векторов сознания, действия и созерцания как образующих контекст его интерпретации и понимания. Признавая значимость проблемы изучения целостности понимания, следует обратиться и к представлениям об относительности данной целостности, признавая ее существующей только процессуально, в идеале «стремления», но не обретения (М.Бахтин).

Несмотря на значительный интерес к исследованию понимания, признается сложность данного изучения, неуловимость его показателей. Среди проблем исследования понимания наиболее актуальными представляются обоснование его личностной принадлежности (выявление оснований личностного аспекта понимания, понимающей личности), а также показателей понимания. Как способ бытия личности, понимание является характеристикой личностного самоопределения. Рассмотрение особенностей понимания в русле личностного самоопределения позволит перейти к решению педагогических вопросов, связанных с преодолением отчуждения учащихся от образования. Это становится возможным на основе выявления условий становления среды понимания в педагогическом взаимодействии.

Решение данных вопросов нами осуществляется на основании представлений о континуальности понимания (неразрывность «аффекта и интеллекта» – Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), в русле онтологического и диалогического подходов (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев). В качестве показателей понимания как личностного свойства нами рассматриваются представления личности (К.А. Абульханова), свидетельствующие о целостности человека, наряду со «значимым переживанием» (Л.С. Выготский, Ф. Василюк), а также понимающее поведение вместе с действиями по выявлению и конструированию возможностей его осуществления в актуальной ситуации.

По аналогии с проблематикой «мыслящей личности» (К.А. Абульханова) можно оформить проблему понимания как *понимающей личности*. Личностный аспект по-

нимания раскрывается через личностный характер выявления и самоопределения в ситуации смысловой неопределенности, встречающейся на жизненном пути личности, начало которой исследователи связывают с юношеским возрастом (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, Е.Ф. Рыбалко), но не сводят к нему (С.Л. Братченко, Дж. Бюджен-тал)⁴. Поиск и определение личностью своей позиции в этой действительности, в условиях разнообразных влияний, своей идентичности и идентификации – все эти жизненно-практические самоосуществления, самореализации, актуализируя ее сознание, требуя его «работы» (К.А. Абульханова) и «работы понимания» (В.П. Зинченко).

Личностный характер понимания позволяет обратиться к представлениям (социальным, обыденным) личности как одному из его показателей. Социальные представления рассматриваются как канал между индивидом и реальностью, которая оказывает на него влияние помимо его сознания. Представления – особая форма обыденного коллективного знания, усваиваемого отдельным индивидом. Основные функции социальных представлений – сохранение стабильности сознания, детерминация поведения, интерпретация фактов и их включение в существующую у индивида картину мира (С. Московичи)⁵.

Кроме социально-психологического аспекта представлений, для нашего рассмотрения проблемы понимающей личности значимо признание их личностного характера⁶, при котором они рассматриваются в качестве одной из процедур социального мышления личности наряду с проблематизацией, интерпретацией, категоризацией.

Одни представления, чтобы стать принятыми, требуют усилий личности, другие механизмом защиты блокируются, отвергаются, третьи – усваиваются автоматически. Представления обладают и тенденцией к стабильности, «привычности» (на основании ценностной иерархии сознания), и изменчивости, связанной с функциональностью отношений внутреннего и внешнего. В этом процессе одни представления служат «подтверждением» других и тем самым возрастанию субъективной уверенности в них. Это отличает представления от понятийного

мышления, основанного на процессах обобщения. Представления дают возможность сознанию осуществлять фокусировку на проблемах. Понимание, в свою очередь, предваряет нахождение и выявление проблем как лично значимых, связывает их решение или значимость самой ситуации решения с ценностно-смысловым основанием человека.

Следовательно, в образовании в качестве условий становления среды понимания необходима организация согласования различных представлений. Это предоставит возможность для обретения им большей определенности в актуальной ситуации и уверенности в собственных силах обретения практики выстраивания целостных отношений, способствующих творческому участию в процессах согласования. Поскольку личность в отечественной педагогической и психологической науке рассматривается через призму единства личности, деятельности и общения (Б.Ф. Ломов), следует определить психологические и педагогические основания данной организации в педагогическом взаимодействии.

В целом представления могут являться одновременно когнитивными и ценностно-смысловыми образованиями.

Представления обобщаются иначе, чем понятия: они не выявляют сущность, а лишь в своей системе, взаимодополняя или противореча друг другу, создают целостную «картину действительности», положения вещей относительно субъекта. *Они содержат ценностные ориентиры*; благодаря наличию и актуализации представлений появляется возможность понять и отнестись к чему-либо в зависимости от значимости для личности.

Кроме когнитивной и ценностной областей представления связаны с чувствами, мотивами и другими динамическими особенностями личности. Личность, имея неопределенные представления, желает достичь их определенности или большей ясности и употребляет усилия, в которых слиты волевая и интеллектуальная активность.

В отличие от понятий представлениям присущ субъективизм. Применение в организации педагогического взаимодействия ситуаций для актуализации лично значимых проблем, вопросов, отношений не только фиксирует область значимых проблем или

их связь с изучаемыми вопросами. В данном случае обнаруживается значимость участия и для личности, и для самого процесса взаимодействия. Это способствует обнаружению участниками взаимодействия собственных возможностей встраивания в педагогический дискурс, выстраиванию личностных отношений в социокультурном контексте посредством предмета.

Для детализации возможности рассмотрения представлений в качестве показателей понимания обратимся к имеющимся вариантам их употребления. Например, на основе двух логических аспектов употребления понятия представление выделяют как когнитивный акт (о чем-то), наглядный образ предмета, воспроизведенный по памяти в воображении, различающийся по степени рефлексивности и подлинности, и представления как объективизация восприятия и коммуникативный акт (представление чего-то).

Кроме того, рассматривается градация видов представлений:

- драматическое – передача информации в виде сценического действия;
- нарративное – любого вида повествования;
- визуальное – изобразительное, скульптурное, рекламное;
- вербальное – интервью, дискуссии, речи, лекции;
- технологическое – мультимедийная демонстрация⁷.

Неклассическая социальная теория рассматривает представления исходя из признака соотнесенности субъекта и объекта познания. Например, в феноменологии мир объектов (презентация) мыслится не как данный, а как заданный, как «коррелят сознания» (Ф. Brentano, Э. Гуссерль). В концепции социального конструктивизма обосновывается конвенциональность социального мира, выстраиваемого в процессе согласованной коммуникации.

Основными принципами социального конструктивизма признаются *дефундаментализм* (объективной реальности не существует, социальная реальность – продукт непрерывного человеческого производства); *социальное явление не определено внеположной природой вещей*, оно существует не по

необходимости, а за счет социальных событий и фактов, являясь их выражением; *процессуальность* (деятельностный характер конструирования и усвоения социального опыта); *социальное существует и возникает через непрерывную коммуникацию*; *символический характер знания* (познание и конструирование реальности происходит посредством символов и значений, общезначимых для конкретного культурно-исторического контекста); *относительность знания* (знание как совокупность конвенциональных дискурсивных артефактов, исторически и культурно локализованных); *принцип интенциональности* (именно сознание, направленное на предмет человеческого интереса, наделяет его значением); *интерсубъективный характер представлений как вида знания*; *знание не как результат познания, а как производное от конкретных культурно-исторических отношений*.

Для представлений в качестве показателей понимания в данном случае значимо рассмотрение конструктивности педагогического взаимодействия, что предполагает выявление областей, в которых взаимодействие выстраивается по поводу представлений, а не понятий. На уровне индивидуальной картины мира, социальные представления рассматриваются как феномен, разрешающий напряженность между привычным и новым содержанием, адаптирующий последнее к имеющимся системам представлений⁸.

Представлениям, наряду со словами отводится значительная роль в определении мира: социальный мир рассматривается как место борьбы за слова; изменить слова и представления – значит, изменить вещи, так как слова в значительной мере делают вещи (П. Бурдьё). Конструктивистский подход предполагает, что значения не содержатся ни в вещах, ни в индивидуальном сознании, фиксирующем значения в языке. Тем самым обосновывается влияние взаимодействия на использование системы знаков и понятий, способствующего соотнесению индивидуальных чувств и понятий с общекультурным способом осмысления мира.

На основании определения репрезентации как процесса, с помощью которого участники культуры используют язык для про-

изводства значений (С. Холл; S. Hall)⁹, можно выделить области актуализации представлений во взаимодействии.

Рассматривается три формы репрезентации:

1. Рефлексивная (миметическая) – как отражение реальности, существующей до и вне знака и языка. Рефлексивный подход предполагает, что значение заключено в самом объекте, личности, событии. Данное рассмотрение сходно с представлением о культуре как объединяющей системе на основе заложенных смыслов, открыть которые представляется основной задачей членов культурного сообщества.

Определение границ данной области является задачей не только методической, но и этической. Это суждение оказывается верным в связи с тем, что ее сужение за счет включения личностной трактовки норм в данной области затрудняет процессы социализации, а неправомерное ее распространение на другие области взаимодействия снижает возможность становления в нем среды целостного понимания. Названная область взаимодействия более других отражена в программных документах учебных предметов среднего и высшего образования (так называемые ЗУНы).

2. Интенциональная репрезентация как выражение точки зрения автора или разговаривающего, связана с личностным уникальным значением и пониманием мира посредством языка. В данной области можно выделить неоднозначное соединение означаемого и означающего, что предопределяет *возможность* разнообразия и вариативности индивидуальных проявлений. В педагогической психологии одной из первых обратила внимание на данные возможности педагогического взаимодействия Н.А. Менчинская.

3. Конструктивистская репрезентация как активный процесс конструирования, наделяния смыслом внешнего мира, интерпретации в педагогическом взаимодействии также основывается на неоднозначности означаемого и означающего, к чему добавляется возможность встраивания в дискурс, переформулирование, обнаружение нового контекста, конкретизация социокультурных форм в творческих замыслах. Именно в данной области, по-видимому, проходит семиотиче-

ская граница, обозначенная Ю.М. Лотманом как возможность осуществления диалогических отношений.

Таким образом, в процессе актуализации представлений как внутренних элементов понимания обнаруживается и специфика понимания, и возможность его дальнейшего разворачивания.

Примечания

¹ Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М., 2005.

² Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.

³ Рубинштейн С.Л. О понимании. Проблемы общей психологии. М., 1976. С.235–237.

⁴ Экзистенциальная психология глубинного общения: уроки Джеймса Бюджентала. М., 2001; Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып.2. С.56–66.

⁵ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. №1. С.3–18; №2. С.3–14.

⁶ Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч.3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002. С.88–103

⁷ Паутова Л.А. Повседневное представление о стабильности. Омск, 2004. С.37.

⁸ Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990; Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С.29–43.

⁹ Паутова Л.А. Указ. соч. С.45.

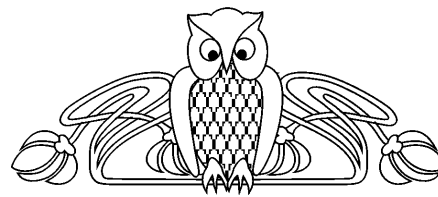
¹⁰ Менчинская Н.А. Проблемы учения и развития // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. С.6.

УДК 15:378.1

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Г.Д. Турчин, А.З. Гусейнов, А.И. Когай, Е.В. Позднякова

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье рассматриваются сущность, содержание, положительные и отрицательные стороны применения модульного обучения в образовательных учреждениях.

Strong and Weak Points of Module Education

G.D. Turtchin, A.Z. Gusseinov, A.I. Kogay, E.V. Pozdnyakova

The article covers the essence, the content, strong and weak points of module education implementation in educational institutions.

Общепризнанно, что модульное построение учебных дисциплин способствует упорядочению процесса обучения, повышению самостоятельности обучающихся, достижению высокого уровня профессионализации личности. Поэтому многие средние и высшие общеобразовательные и специальные учебные заведения организуют процесс обучения на модульной¹, семестрово-модульной², проблемно-модульной³ основе, для чего создаются соответствующие технологии обучения. И каждая технология обучения в процессе своей практической реализации имеет свои преимущества и недостатки.

Перейти к изучению самой идеи модульного обучения позволило последовательное ознакомление с такими понятиями как «педагогическая теория», «дидактическая теория», «методика обучения», «педагогическая технология» («технология обучения»).

Педагогическая теория – это система научных знаний о педагогических процессах, явлениях, представленных в форме педагогических идей, закономерностей, принципов и понятий, позволяющих целостно описать, объяснить и прогнозировать функционирование, развитие и саморазвитие процессов и явлений.

Дидактическая теория – это система научных знаний о процессах и явлениях обучения, представленных в форме дидактических идей, закономерностей, принципов и понятий, позволяющих описать, объяснить и прогнозировать функционирование, развитие и саморазвитие дидактических процессов и явлений.

Однако чтобы педагогическая (дидактическая) теория «заработала», реально дала ощутимый педагогический эффект, ее необходимо трансформировать в конкретную методику обучения (воспитания), а еще лучше – в педагогическую технологию.

Термин «методика обучения»⁴ существует для обозначения свода правил, указаний, относящихся к практике преподавания того или иного учебного предмета и для обозначения педагогической науки, исследующей обучение данному предмету в его соотношениях с общими закономерностями обучения. В педагогической деятельности учителя (преподавателя) методика обучения выполняет важную роль, поскольку она «перекидывает мост» от теории к практике. Методика обучения, эффективность ее использования зависит от многих факторов: от того, насколько разработана сама теория, на которой базируется методика, от ясности и точности методических рекомендаций ее использования, а главное – от уровня педагогического мастерства и творчества самого учителя (преподавателя). Поэтому сложилось такое определение термина.

Методика обучения – это целостная система проектирования и организации процесса обучения, основанная на определенной дидактической теории, и совокупность методических рекомендаций, эффективность применения которых во многом зависит от мастерства и творчества учителя. В поисках условий повышения эффективности методик обучения педагоги пришли к выводу, что некоторые из них можно довести до уровня педагогических технологий. С учетом дискуссий сложилось следующее определение термина «педагогическая технология».

Педагогическая технология (технология обучения) – это система проектирования и практического применения адекватных данной технологии педагогических закономерностей, целей, принципов, содержания, форм, методов и средств обучения и воспитания, гарантирующих достаточно высокий уровень их эффективности, в том числе при последующем воспроизведении и тиражировании. Педагогические технологии не исключают и

не умаляют высокого педагогического мастерства учителя и творчества учителя. В работе учителя-мастера технологии дают более устойчивый эффект, чем в работе недостаточно опытного педагога.

Отличие методики от технологии состоит в степени выраженности, реализуемости следующих критериев:

1) целенаправленности (ясности, точности, дидактической проработанности целей);

2) концептуальности (опоры на глубоко разработанную педагогическую (дидактическую) теорию);

3) системности (цели, содержание, формы, методы, средства, условия обучения проектируются и применяются в целостной системе);

4) диагностичности (оценка исходного, промежуточного и итогового результата учебной деятельности – учащиеся должны иметь не формальный, количественный, но глубоко качественный, диагностический характер);

5) гарантированность качества обучения (коэффициент усвоения учебного материала должен быть не ниже 0,7);

6) новизны (опора на новые, новейшие достижения педагогики, психологии, дидактики, использование современных видеосредств, компьютерной техники и т.д.).

К дидактическим теориям, которые в последние годы получили достаточно глубокую теоретическую разработку и практическое применение, можно с полным основанием отнести модульное обучение, с помощью которого удалось решить ряд дидактических задач.

Семантический смысл сочетания «модульное обучение» связан с международным словом «модуль», основное значение которого – функциональный узел. Идеи модульного обучения активно разрабатывались такими учеными педагогами, как П.А. Юцявичене, М.А. Чошанов, М.В. Кларин, С.Я. Батышев.

Модуль в представлении А.И. Камышенкова есть учебный элемент в форме стандартизированного пакета (комплекта), состоящего из следующих компонентов⁵:

- точно сформулированная учебная цель;
- список необходимого оборудования, материалов и инструментов;
- список смежных учебных элементов, межпредметные связи;
- собственно учебный материал в виде текста лекций;
- методические указания к практическим и лабораторным занятиям для отработки навыков и умений, относящихся к данному учебному элементу;
- контрольные (проверочные) работы разных типов для обучающихся и инспекторских (проверочных) целей;
- электронный учебник двух типов: обучающий и контролирующий.

Компоненты модульного пакета не являются жестко фиксированными и могут варьировать в зависимости от конкретной дисциплины; ступени образования; уровня образованности, подготовленности студентов; личного и профессионального опыта преподавателя.

Л.В. Загрекова, Т.И. Шамова считают, что обучающий модуль – это интеграция различных видов и форм обучения, подчиненных общей теме учебного курса или актуальной научно-технической проблеме⁶. Модуль – крупная единица курса (раздел или тема) и представляет собой фундаментальное понятие дисциплины – явление, закон, структурный план или группу взаимосвязанных понятий⁷. Обычно семестровый лекционный курс (40–50 часов) делят на 10–12 модулей аналогично принятому разделению курса на ряд тем, по которым проводят коллоквиумы. Модуль – самостоятельная структурная единица. Каждый модуль обеспечивается необходимыми дидактическими и методическими материалами, перечнем основных понятий, навыков и умений, которые необходимо усвоить в ходе обучения. Такой перечень, или характеристика входа, служит основой для составления программы предварительного контроля, который можно выполнить в виде контрольной работы (письменной) или с помощью компьютера. В результате такого контроля студент получает оценку, но имеет возможность выяснить сте-

пень своих знаний, получить рекомендации по дополнительной проработке тех или иных вопросов. Внутри одного курса завершающая контрольная работа по окончании каждого модуля служит предварительным контролем для следующего.

Основные преимущества модульного обучения заключаются в следующем:

- 1) обеспечение методически обоснованного согласования всех видов учебного процесса внутри каждого модуля и между ними⁸;
- 2) гибкость структуры модульного построения каждого конкретного курса, обеспечивающая также и высокую адаптивность самой модульной системы как по отношению к набору абитуриентов, так и по отношению к выпуску студентов вуза (в случае изменения конъюнктуры на рынке специалистов);
- 3) осуществление в диалектическом единстве интеграции и дифференциации содержания обучения путем группировки проблемных модулей учебного материала, обеспечивающих разработку курса в полном, сокращенном и углубленном вариантах, что помогает решить проблему уровневой и профильной дифференциации в процессе обучения (М.А. Чошанов).

Основные недостатки модульного обучения заключаются в следующем:

- 1) трудоемкость изготовления модулей и подготовки к проведению занятий;
- 2) внедрение модульного обучения требует значительной организационной перестройки традиционного учебного процесса: подготовки соответствующей учебно-материальной базы; изменения планирования работы преподавателей; оптимального состава (в количественном отношении) студенческих групп и потоков с учетом возможностей учебно-материальной базы; разработки необходимого методического обеспечения; организации контрольных проверок знаний;
- 3) процесс внедрения модульного обучения должен быть обеспечен соответствующей методической литературой, которая централизованно практически не поставляется, поэтому вся методическая работа по обеспечению каждого конкретного модуля целиком и полностью лежит на плечах преподавателя;

4) для сокращения времени при обработке данных контрольных модулей необходимо применение компьютеров и рейтинговой оценки знаний студентов, что требует от преподавателя большого профессионализма.

Сочетание традиционного и инновационного подхода в преподавании позволяет сглаживать многие недостатки педагогического процесса.

Примечания

¹ Юцявичене П.А. Основы модульного обучения. Вильнюс, 1989.

² Вяткин Л.Г. Основы педагогики высшей школы. Саратов, 2003.

³ Чошанов М.А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения. М., 1996.

⁴ Занков Л.В. Обучение и развитие. М., 1975.

⁵ Камышенков А.И. и др. Из опыта внедрения модульно-рейтинговой системы обучения на математическом факультете // Модульно-рейтинговая технология обучения. – Барнаул, 1993. С.134–148.

⁶ Загрекова Л.В., Николина В.В. Теория и технология обучения. М., 2004.

⁷ Шамова Т.И. Модульное обучение: сущность, технология // Биология в школе. 1994. №5.

⁸ Рогинский В.М. Азбука педагогического труда. М., 1998.